



Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1

2024

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS,
FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK



PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

2024

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Foundation for Historical Outlook

Center for Research and Analytics

Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». №1(36)
E-journal «Perspectives and prospects». №1(36)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год
Published since 2015. Published 4 times a year

Мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Е.А. Нарочницкая — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

Ответственный секретарь

А.В. Щербина — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

Члены редколлегии

Н.А. Нарочницкая — д-р ист. наук, президент Фонда исторической перспективы; иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ.

Е.Н. Рудая — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.

В.Г. Федотова — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.

Л.Н. Шишелина — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

П.П. Яковлев — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени

Г.В. Плеханова.

Editorial Board:

Editor in chief

Ekaterina Narochnitskaya — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Department of country studies, Institute of Europe RAS

Executive secretary

Anna Scherbina — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook

Members of the editorial board

Natalia Narochnitskaya — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation

Elena Rudaya — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook

Valentina Fedotova — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS

Lyubov Shishelina — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, RAS.

Petr Yakovlev — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Содержание:

Мировые векторы

Петр ЯКОВЛЕВ. Поликризис глобальной экономики: последствия для западных и незападных стран 7

Американские досье

Владимир ВАСИЛЬЕВ. От клиометрики к гендерной революции: Нобелевская премия 2023 г. по экономике как момент истины 24

Исторический компас

Антон КРУТИКОВ. Первая мировая война и историческая память в Великобритании 46

Образование в исторической перспективе.

К итогам Года педагога и наставника

Алексей ХИТРОВ. Педагогический проект Екатерины II: идеи Просвещения и российские реалии (1760–1780-е годы) 67

Тимур МАГСУМОВ. Идеи и проекты К.Д. Ушинского по модернизации отечественного профессионально-технического образования (1860-е годы) 77

Игорь ЗИМИН. «Школьные» годы Николая II 88

Елена МИРОНОВА. Проблемы народного образования в письмах А.Н. Боратынского к А.К. Рачинскому 109

Authors 116

Abstracts and Keywords 117

Contents:

Global Trends

Petr YAKOVLEV. Polycrisis in the Global Economy: Implications for Western and non-Western Countries	7
--	---

American Dossiers

Vladimir VASILIEV. From Cliometrics to Gender Revolution: the 2023 Nobel Prize in Economic Sciences as a Moment of Truth	24
---	----

Historical Compass

Anton KRUTIKOV. The First World War and Historical Memory in the UK	46
--	----

Education in Historical Perspective: for the Year of Teacher and Mentor

Alexey KHITROV. The Pedagogical Project of Catherine II: Enlightenment Ideas and Russian Realities (1760–1780s)	67
--	----

Timur MAGSUMOV. Ideas and projects of K.D. Ushinsky on modernization of domestic vocational education (1860s)	77
--	----

Igor ZIMIN. The school years of Nicholas II	88
--	----

Elena MIRONOVA. Public education issues in A.N. Boratynsky's letters to A.K. Rachinsky	109
---	-----

Authors	116
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	117
-------------------------------------	-----

МИРОВЫЕ ВЕКТОРЫ

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-7-22

УДК 327; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Поликризис глобальной экономики: последствия для западных и незападных стран

Аннотация. *Исследование особенностей функционирования глобальной экономики в период наблюдаемого ныне поликризиса позволяет точнее определить векторы развития коллективного Запада и Глобального Юга, а также оценить, в критериях возможностей и препятствий, перспективы российской экономической трансформации. Как любой кризис, поликризис провел водораздел между странами мира, разделил их на выигравших и проигравших. В числе бенефициаров оказались ведущие развивающиеся государства Мирового большинства, которые в форсированном режиме наращивают свою хозяйственную мощь и укрепляют собственные позиции на ключевых международных рынках. В этих условиях у России расширяются возможности преодолеть торгово-экономические и финансовые сложности, возникшие в результате поликризиса и усиленные санкционной политикой Запада. Вместе с тем меняющийся ге-оэкономический ландшафт таит в себе новые вызовы, требующие преодоления инерции периферийного развития.*

Ключевые слова: *мировая экономика и торговля, поликризис, Запад и Глобальный Юг, сырьевые рынки, Россия, поворот на Восток.*

В последние годы общим местом многочисленных экспертных комментариев стали тезисы о торможении (и даже повороте вспять) глобализационных процессов, усилении тренда на регионализацию торговых связей, а в целом — кризисе мировой экономики, приобретающим практически всеобъемлющий структурный характер. На это указывает целый ряд явлений, вызывающих растущее беспокойство в политических и деловых кругах.

В их числе: перебои в процессе неолиберальной глобализации и фрагментация мирового хозяйства, многочисленные рецидивы торгового и технологического протекционизма, негативные эффекты пандемии коронавируса, включая сокращение глобального ВВП и международного товарооборота, разрывы глобальных цепочек создания стоимости, турбулентные явления на сырьевых, продовольственных и кредитно-финансовых рынках, обострение конкурентной борьбы за критически востребованные природные ресурсы, возгонка инфляции, практически повсеместный рост суверенных

Сведения об авторе: *ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petr.yakovlev@yandex.ru*

долгов, существенное повышение центральными банками ключевых ставок (конец эпохи «дешевых денег»).

Все эти и некоторые другие проявления мирового кризиса кратно умножились в условиях резкого повышения градуса геополитической конфронтации. Они обросли беспрецедентным количеством санкционных и ограничительных режимов, нарушили отстроенную логистику трансграничных связей, придали кризисным процессам системный характер и вызвали сжатие международных торгово-экономических отношений. В частности, по данным ЮНКТАД, одним из результатов отмеченных тенденций явилось сокращение в 2023 г. мировой торговли товарами на 7,5%, или почти на 2 трлн долларов [Global trade...].

По сути, международное сообщество столкнулось с качественно новым феноменом — геополитизацией торгово-экономического кризиса, означающей сопряжение хозяйственных потрясений с последствиями военно-политических конфликтов. Но как и любой кризис, нынешний поликризис разделил страны мира на выигравших и проигравших, на тех, кто утрачивает былое превосходство, и тех, кто в режиме форсажа наращивает свою экономическую мощь.

Polycrisis — новая глобальная реальность

В конце второго и начале третьего десятилетия XXI в. глобальная экономика вошла в череду кризисов различной интенсивности, отличающихся по своей природе, но совпавших, что важно, во времени. Данный феномен обратил на себя внимание международного экспертного сообщества и получил наименование «поликризиса» (Polycrisis). В частности, об этом подробно говорилось в 2023 г. в ежегодном докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе о краткосрочных и долгосрочных рисках глобальной экономики [The Global Risks...2023. P. 4].

Поликризис — это ситуация, когда различные торгово-экономические и финансовые риски пересекаются и их взаимозависимость ощущается предельно остро. Разумеется, поликризис возник не одномоментно и не на пустом месте. Он имел свою предысторию в виде торможения роста мировой экономики, давшего о себе знать в конце 2010-х годов [Яковлев. Риски...].

«Дохнул осенний хлад — дорога промерзает», — этой строкой из стихотворения А.С. Пушкина «Осень» (1833 г.) директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) Кристилина Георгиева начала свое выступление на ежегодной пресс-конференции МВФ в октябре 2019 г. По ее мнению, приведенные слова великого русского поэта как нельзя более точно характеризовали положение дел в мировой экономике — осторожное движение по «скользкому пути», означающее синхронное замедление хозяйственной деятельности [Georgieva].

Но банальным замедлением дело не ограничилось. Уже через несколько месяцев международное сообщество столкнулось с пандемией коронавируса, имевшей эффект

«дохлой кошки», поскольку внимание мирового сообщества на много месяцев оказалось буквально прикованным к COVID-19. Всеобщая борьба с пандемией не избавила от ее тяжелых социально-экономических последствий: снижения в 2020 г. на 2,8% мирового ВВП (у развитых стран — на 4,2%), сжатия международной торговли товарами и услугами, резкого падения трансграничных инвестиций (с 1708 млрд долл. в 2019 г. до 962 млрд в 2020 г.), обвального сокращения туристических потоков, разрывов в цепочках поставок запасных частей и отдельных сырьевых и продовольственных товаров [The World Economic Outlook... Р. 142]. Вслед за этим началась череда военно-политических кризисов, еще больше осложнивших геоэкономическое положение и ухудшивших условия ведения международного бизнеса (табл. 1).

Таблица 1

Мировая экономика в условиях поликризиса

Группы стран	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП (изменение в %)					
Мир в целом	2,8	-2,8	6,3	3,5	3,0
Развитые государства	1,7	-4,2	5,6	2,6	1,5
Европейский союз	1,6	-6,1	5,6	3,3	0,7
Развивающиеся страны	3,6	-1,8	6,9	4,1	4,0
Азия	5,2	-0,5	7,5	4,5	5,2
Инфляция (%)					
Мир в целом	-	-	-	-	-
Развитые государства	1,4	0,7	3,1	7,3	4,6
Европейский союз	1,2	0,3	2,6	8,4	5,6
Развивающиеся страны	3,3	3,2	2,2	3,8	2,6
Азия					
Приток иностранных инвестиций (млрд долл.)					
Мир в целом	1708	962	1438	1295	-
Развитые государства	999	316	597	378	-
Европейский союз	600	116	152	-125	-
Развивающиеся страны	709	647	881	916	-
Азия	504	517	662	662	

Составлено автором на основе данных международной статистики (показатели 2023 г. — оценка).

В результате возникла редкая комбинация новых и старых (уже знакомых) рисков и кризисов. В числе старых:

- казалось бы, уже забытая инфляция, властно напомнившая о себе во многих странах, и связанный с ней рост стоимости жизни, особенно сильно задевший интересы широких слоев населения в странах Евросоюза (где инфляция в 2022 г. достигла беспрецедентных для них 8,4%);
- торговые войны и рост протекционизма. В специальном исследовании МВФ (январь 2024 г.) приведены данные о более чем 2500 протекционистских мерах, подавляющая часть которых ощутимо ограничивает международную торговлю. При-

чем около половины такого рода рестрикций введены США, КНР и Евросоюзом [The Return...];

- вызванные экономическими трудностями массовые социальные волнения, прокатившиеся в 2021–2023 гг. по многим странам Европы, Азии и Латинской Америки. По мнению специалистов, отличительной чертой выступлений в 2023 г., названном «годом протестов», стало максимально широкое участие предпринимателей, прежде всего европейских фермеров, протестовавших против значительного ухудшения условий ведения бизнеса [Albin];
- военно-политические конфронтации, вылившиеся в масштабные вооруженные столкновения, и даже вернувшаяся в повестку дня угроза ядерной войны.

Как и во времена ракетно-ядерного противостояния двух блоков, геополитика стала во многом определять геоэкономику, активно воздействовать на международный бизнес. Например, торгово-экономические рычаги все шире используются для достижения политических целей стратегического характера. Это подтверждает санкционная практика.

Напомним, что в настоящее время под международными санкциями находится ряд стран, включая Кубу, Венесуэлу, Мьянму, Беларусь, Северную Корею, Сирию и Иран. Но нас, разумеется, максимально заботят те санкции, которые накладываются на российскую экономику, на российский международный бизнес. К началу 2024 г. число разного рода финансово-экономических и торговых рестрикций в отношении России превысило 14 тысяч, это — мировой рекорд. Для сравнения: против Ирана введено немногим более 4 тыс., Северной Кореи — 2 тыс., Кубы — 208 санкций. Но и 14 тысяч разного рода ограничений — не предел. 23 февраля 2024 г. Евросоюз, США и другие западные государства ввели новые пакеты ограничений — в частности, полные блокирующие санкции против отечественных провайдеров центров обработки данных, Национальной системы платежных карт, некоторых интеграторов, разработчиков программного обеспечения и компьютерных вендоров [Минфин США...].

К перечисленным старым кризисным явлениям добавились относительно новые шоки:

- изменение характера глобализации и фрагментация глобальной экономики, распространение практик *nearshoring* и *friendshoring* — преимущественное сотрудничество с соседними и дружественными странами [Яковлев. Модель...];
- относительно низкие темпы прироста ВВП у большинства стран мира, прежде всего у государств Европейского союза (см. табл. 1);
- ставшие почти постоянными перебои в функционировании глобальных цепочек создания стоимости, в целом ряде случаев приводившие к остановке работы промышленных предприятий;
- поддержание финансовыми властями высоких учетных ставок, пришедшее на смену политике доступных кредитов — «количественного смягчения» (*Quantitative Easing*);
- недостаточный объем производственных капиталовложений, в том числе резкое

сокращение притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развитые страны (см. табл. 1);

- усиление социального неравенства. В специальном исследовании «Вирус неравенства», проведенном известной благотворительной организацией Oxfam, отмечалось, что впервые за многие десятилетия почти во всех странах мира было зафиксировано углубление пропасти между богатыми и бедными [The Inequality... P. 6];
- ухудшение демографической ситуации — старение населения вплоть до депопуляции отдельных стран (например, Японии) и сжатие трудовых ресурсов;
- растущее давление на экономику последствий изменения климата (наводнений, природных лесных пожаров, засухи и т. д.) [The Global Risks, 2024. P. 95–98].

Все названные и некоторые другие глобальные риски в текущем десятилетии соединяются и создают ситуацию неопределенности, противоречивости и турбулентности. В частности, совокупность старых и новых шоков трансформирует процессы глобализации, диктует переход к модели одновременно конкурирующих и взаимодействующих центров глобальной и региональной торгово-экономической мощи.

Речь идет прежде всего о новых влиятельных игроках (государствах-лидерах), появляющихся благодаря форсированной индустриализации и модернизации национальных производственных структур в ведущих развивающихся странах (государствах Глобального Юга, или Мирового большинства).

Растущая мощь Глобального Юга

В силу многих объективных и субъективных факторов, в условиях поликризиса пространственное изменение мировых экономических потенциалов происходит именно в пользу Глобального Юга (прежде всего азиатских государств).

Взгляд в будущее мирового хозяйства (скажем, на перспективу до 2050 г.) предполагает анализ стратегии роста прежде всего тех стран, которые претендуют на «переход в высшую экономическую лигу», а в ряде случаев — на достижение статуса новых экономических сверхдержав. Выделим главные заявленные национальные цели и стержневые идеи, положенные в концептуальный фундамент политики опережающего роста ряда ведущих государств Азии, Африки и Латинской Америки [How to get rich...].

Например, руководители Индии и Индонезии Нарендра Моди и Джоко Видодо подчеркивали, что их страны способны к середине столетия достичь уровня развитых европейских держав. Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман приступил к реализации превращения своей страны из производителя и экспортера нефти в высокоразвитое государство с технологичной диверсифицированной экономикой. Пришедший к власти в декабре 2023 г. президент Аргентины Хавьер Милей обещает прервать длительный период хозяйственного упадка и вернуть этому латиноамери-

канскому государству статус «экономической державы», которым, по мнению Х. Милля, оно обладало в первой трети XX столетия [Palabras...]. Амбициозные планы впечатляющего промышленного подъема вынашивают десятки других стран Глобального Юга, как крупных (Бразилия, Вьетнам, Кения, Малайзия, Мексика, Турция), так и малых (Объединенные Арабские Эмираты, Чили).

Разумеется, национальные стратегии роста в каждой стране имеют свои особенности. Но есть и некоторые общие черты. Главная из них — ставка на модернизацию экономических структур, сердцевиной которой является индустриализация или, как предпочитают выражаться бразильские лидеры, «реиндустриализация» хозяйственных систем. Под этим термином подразумевается создание новых производственных мощностей и переход к приоритетному выпуску высокотехнологичной промышленной продукции, востребованной на внутреннем и внешнем рынках. В том числе: электромобилей (их продажи в Бразилии в 2023 г. выросли на 91%), литий-ионных батарей, микросхем, полупроводников, солнечных панелей и многого другого [Brasil...].

Реализация такого рода планов не может осуществляться за высокими протекционистскими стенами и требует широкого набора «классических» финансовых и макроэкономических инструментов: государственных субсидий (в Индии в 2020–2023 гг. они выросли с 8 до 45 млрд долл.), налоговых льгот, активного привлечения ПИИ, импорта технологий и know-how. По данным ЮНКТАД, приток ПИИ в развивающиеся страны в 2022 г. составил свыше 916 млрд долл. (почти 71% общемирового показателя), а накопленный объем (сток) превысил 15,1 трлн долл., или только 34% мирового уровня [UNCTAD... P. 196, 200]. Это недвусмысленно указывает на то, что происходит перелом тренда преимущественной концентрации ПИИ в развитых государствах, и Глобальный Юг становится главным реципиентом транснациональных потоков частных капиталовложений. Другими словами, в глазах международных инвесторов незападные рынки стали более привлекательными, чем государства Запада.

Говоря о качественной стороне экономического развития, отметим, что в последнее десятилетие в целом ряде стран Мирового большинства проводилась политика устранения бюрократических барьеров на пути роста. Значительное распространение получила поддержка транснациональным венчурным капиталом технологических стартапов, число которых в регионах Глобального Юга продолжает непрерывно расти. В частности, в Латинской Америке в 2023 г. количество таких предприятий достигло 33,5 тыс., из них 304 компании принадлежали к категории Deep Tech, а 45 достигли статуса «единорогов», т. е. стартапов с рыночной капитализацией в 1 млрд долл. и больше. Как отмечалось на страницах журнала The Economist, «в Латинской Америке стартапы ожидают светлое будущее» [Birke].

Характерный пример создания благоприятных инфраструктурных условий для технологического развития демонстрирует Индонезия. Здесь уже в 2018 г. в 20 регионах страны действовали 73 индустриальных парка, ставшие, по оценкам экспертов, «одним из самых эффективных инструментов увеличения занятости, ускорения экономическо-

го роста и повышения рыночной конкурентоспособности» [Invest...]. В декабре 2021 г. при решающей финансовой поддержке Китая и ОАЭ началось строительство индустриального парка Калимантан (Kalimantan Industrial Park Indonesia — KIPi) проектной стоимостью 132 млрд долларов. Занимая площадь в 30 тыс. га (территория острова Мальта), KIPi призван стать одним из крупнейших в мире производственных хабов, предприятия которого будут выпускать батареи для электрокаров, солнечные панели, широкую линейку изделий электроники, промышленный силикон и другие технологические товары. По заявлению президента Дж. Видодо, планируемое на конец текущего десятилетия введение в строй индустриального парка Калимантан обеспечит «прыжок индонезийской экономики на глобальный уровень» [Indonesia's president...].

Масштабная программа строительства агропромышленных парков и особых экономических зон (ОЭЗ) осуществляется на Африканском континенте. В частности, в Кении национальное правительство совместно с властями всех 47 округов приступило к строительству сети безналоговых агропромышленных парков. Цель — стимулировать индустриальное производство и увеличение экспорта сельскохозяйственных и промышленных товаров местных производителей. Как подчеркнул президент Уильям Руту, деятельность предприятий, расположенных в строящихся парках, поможет «раскрыть индустриальный потенциал Кении» [Ruto...].

Примером изменения соотношения экономических сил в пользу Глобального Юга может служить положение в автомобильной промышленности — одной из ключевых отраслей международного хозяйства. В частности, в 2003–2022 гг. Мексика увеличила производство автомобилей в 2,2 раза, а экспорт продукции автомобилестроения — в 5 раз; Турция, соответственно, — в 2,5 и 5 раз, Таиланд — в 2,5 и 7,7 раза, Индия — в 4,7 и 35,5 (!) раза, Китай — в 6,1 и 19,4 раза. В итоге развивающиеся страны потеснили на мировом автомобильном рынке традиционных лидеров — Соединенные Штаты, Японию, Германию и др., которые значительно уступают по темпам прироста производства и экспорта. Например, в отмеченный период экспорт автомобильной продукции США вырос только вдвое, Германии — на 88%, Японии — на 32%, а у Франции даже сократился на 3,7% — с 51,9 до 50 млрд долларов [ITC...List...].

Новый виток борьбы за сырьевые ресурсы

Даже в условиях поликризиса возможности форсированного экономического роста сохраняют те государства Глобального Юга, которые располагают сырьевыми ресурсами, критически необходимыми мировой экономике на этапе ее современной технологической трансформации. Прежде всего это касается минералов, используемых для осуществления в том числе «зеленого энергетического перехода». В частности, для электромобилей, призванных заменить многие миллионы автомашин с двигателями внутреннего сгорания и тем самым снизить выбросы в атмосферу парниковых газов, требуется массовое производство литий-ионных аккумуляторов. К числу особо востребованных «зеленых металлов» относятся литий и кобальт, спрос на которые, по оценке ЮНКТАД, в 2022–2030 гг. увеличится, соответственно, на 454 и 115% [Clean energy...].

В качестве конкретного примера можно привести функционирование глобальной цепочки создания стоимости (ГЦСС) [Лукьянов, Драпкин], в основе которой лежит добыча кобальта (табл. 2).

Таблица 2

Модель участия различных стран в ГЦСС на базе кобальта

Добыча минерала	Переработка (получение гидроокиси кобальта)	Производство компонентов	Выпуск готовой продукции (электрокаров)
Демократическая Республика Конго	Демократическая Республика Конго	Китай	Объединенные Арабские Эмираты
Индонезия	Китай	Южная Корея	Германия
Австралия	Марокко	Япония	Великобритания
Филиппины	Замбия	Испания	Австралия
Куба	Финляндия	Бельгия	США
Россия	Бельгия	США	Норвегия
Мадагаскар	Италия	Польша	Канада
		Германия	Южная Корея
		Мексика	

Источник: Cobalt Market Report 2022. May 2023. — cobaltinstitute.org/wp-content/uploads/2023/05/Cobalt-Market-Report-2022_final.pdf

Не будет преувеличением сказать, что ГЦСС являются одной из ключевых моделей функционирования такого феномена, как глобализация в ее современном «издании», поскольку стали мощным экономическим рычагом вовлечения большого массива развивающихся стран, способных добывать и экспортировать сырье, в международный бизнес.

Помимо лития и кобальта, эксперты Всемирной торговой организации (ВТО) включают в число критически необходимых мировой экономике минералов медь, никель и редкоземельные металлы, играющие ключевую роль в переходе промышленных отраслей на «чистые» технологии. По оценке ВТО, в 2003–2022 гг. экспорт этих видов сырья в стоимостном отношении увеличился с 53 до 378 млрд долл., или более чем в 7 раз [High demand...].

Разумеется, сырьевые потребности мирового хозяйства далеко не исчерпываются «критически важными» минералами. Стабильно высоким спросом пользуются железная руда, цинк, магний, хром, вольфрам, марганец, олово, титан и другие металлы, не говоря уже о главных углеводородных энергоносителях — нефти и природном газе. Именно страны Глобального Юга — Азии, Африки и Латинской Америки — занимают выдающееся место в производстве и поставках на мировой рынок всех основных энергосырьевых ресурсов, широко используемых в подавляющем большинстве секторов индустрии, а также в инфраструктурных объектах и службах жизнеобеспечения домохозяйств. Статистические данные рисуют убедительную картину главенствующей роли государств Мирового большинства в добыче и поставках на международные рынки сырьевых товаров (табл. 3).

Таблица 3

**Страны Глобального Юга в топ-3 производителей и экспортеров сырьевых товаров
(% от мирового показателя)**

№	Вид сырья	Страны	
		Производители	Экспортеры
1	Бариты	КНР (31), Индия (22), Марокко (12)	Индия (31), КНР (18), Марокко (18)
2	Бокситы	Австралия (30), Гвинея (20), КНР (18)	Гвинея (46), Австралия (28), Индонезия (11)
3	Вольфрам	КНР (85), Вьетнам (6), РФ (3)	РФ (20), Боливия (16), Руанда (12)
4	Графит	КНР (65), Мозамбик (11), Бразилия (9)	КНР (40), Мозамбик (26), Мадагаскар (8)
5	Железная руда	Австралия (30), КНР (28), Бразилия (13)	Австралия (52), Бразилия (22), ЮАР (5)
6	Кобальт	Демократическая Республика Конго (67), Филиппины (6), Австралия (5)	Демократическая Республика Конго (99), Индонезия (менее 1%), Замбия (менее 1%)
7	Литий	Австралия (51), Чили (24), КНР (12)	Австралия (61), Чили (22), Аргентина (7)
8	Магний	КНР (66), РФ (9), Бразилия (6)	КНР (57), Турция (8), Испания (7)
9	Марганец	ЮАР (30), Габон (13), КНР (12)	ЮАР (42), Австралия (15), Габон (12)
10	Медь	Чили (28), Перу (11), КНР (8)	Чили (28), Перу (16), Австралия (6)
11	Никель	Индонезия (43), Филиппины (13), РФ (9)	Индонезия (43), Филиппины (13), Австралия (3)
12	Олово	КНР (28), Индонезия (25), Мьянма (16)	Австралия (21), Нигерия (12), Руанда (9)
13	Природный газ	США (23), РФ (18), Иран (6)	РФ (20), Катар (10), США (10)
14	Редкоземельные металлы	КНР (70), Мьянма (11), Австралия (8)	КНР (25), Мьянма (19), Туркменистан (18)
15	Свинец	КНР (42), Австралия (11), Мексика (8)	Мексика (13), Перу (13), РФ (11)
16	Серебро	Мексика (26), Перу (14), КНР (12)	Перу (55), Мексика (12), Аргентина (6)
17	Силикон	КНР (70), РФ (7), Норвегия (5)	КНР (39), Норвегия (12), Бразилия (11)
18	Сырая нефть	США (17), РФ (12), Саудовская Аравия (12)	Саудовская Аравия (15), РФ (11), Канада (9)
19	Титан	КНР (28), ЮАР (15), Австралия (13)	ЮАР (16), Мозамбик (15), Украина (10)
20	Уголь	КНР (45), Индия (10), США (8)	Индонезия (32), Австралия (27), РФ (15)
21	Флюорит	КНР (65), Мексика (19), Вьетнам (14)	Монголия (25), Мексика (23), КНР (14)
22	Фосфаты	КНР (41), Марокко (16), США (10)	Марокко (36), Иордания (16), Перу (10)
23	Хром	ЮАР (45), Казахстан (18), Индия (10)	ЮАР (77), Турция (7), Казахстан (4)
24	Цинк	КНР (30), Австралия (11), Перу (11)	Австралия (19), Перу (17), США (8)
25	Цирконий	Австралия (36), ЮАР (27), США (7)	ЮАР (35), Сенегал (9), Мозамбик (8)

Источник: IMF. Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets. October 2023. — imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/28/Goeconomic-Fragmentation-and-Commodity-Mar...

Однако добычей и экспортом деятельность государств Глобального Юга на мировых сырьевых рынках далеко не ограничивается. Формирование собственного большого промышленного пространства побуждает наиболее крупные и продвинутое в экономическом отношении развивающиеся страны (а их число непрерывно растет) все чаще выступать в качестве значимых импортеров и потребителей природных ресурсов. Приведем несколько фактов, иллюстрирующих этот тезис.

В период 2003–2022 гг. Китай нарастил в стоимостном выражении импорт никеля с 1,1 до 12,7 млрд долл. (в 11,6 раза), меди — с 13,4 до 68,7 млрд долл. (в 5,1 раза), железной и других руд — с 7,1 до 224,7 млрд долл. (в 31,7 раза). В те же годы Индия увеличила закупки меди с 0,3 до 7,5 млрд долл. (в 25 раз), а нефти и нефтепродуктов — с 21,8 до 277,3 млрд долл. (в 12,7 раза) [ИТС...Bilateral trade...]. Крупными не только экспортерами, но и покупателями сырьевых товаров в настоящее время являются Бразилия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Мексика, Таиланд, Турция и еще ряд азиатских и латиноамериканских стран.

В результате в последние два десятилетия на международных рынках природных ресурсов произошел знаменательный сдвиг: во многих случаях государства Глобального Юга решительно потеснили западные страны и стали основными потребителями большинства сырьевых товаров. В частности, на долю одного Китая приходится 83% мирового импорта никеля, 75% — бокситов, 71% — марганца, 69% — железной руды и серебра, 68% — лития, 55% — хрома, 53% — меди и циркония, 50% — свинца. Индия, Индонезия и Бразилия обеспечивают 43% импорта фосфатов, Малайзия и Таиланд — 58% олова, Замбия и ОАЭ — 42% кобальта и т. д. (табл. 4).

Таблица 4

**Топ-3 импортеров сырьевых товаров
(% от мирового показателя)**

№	Вид сырья	Страны-импортеры
1	Бариты	США (41), Саудовская Аравия (10), Нидерланды (5)
2	Бокситы	КНР (75), Ирландия (3), Украина (3)
3	Вольфрам	США (24), КНР (14), Южная Корея (13)
4	Графит	КНР (25), Япония (16), США (8)
5	Железная руда	КНР (69), Япония (7), Южная Корея (5)
6	Кобальт	КНР (46), Замбия (33), Объединенные Арабские Эмираты (9)
7	Литий	КНР (68), Южная Корея (10), Япония (7)
8	Магний	Япония (52), Индия (7), Греция (5)
9	Марганец	КНР (71), Индия (6), Малайзия (3)
10	Медь	КНР (53), Япония (14), Южная Корея (5)
11	Никель	КНР (83), Япония (4), Южная Корея (4)
12	Олово	Малайзия (43), КНР (17), Таиланд (15)
13	Природный газ	КНР (10), Япония (9), Германия (7)
14	Редкоземельные металлы	КНР (28), Бенин (18), Япония (15)

№	Вид сырья	Страны-импортеры
15	Свинец	КНР (50), Южная Корея (16), Германия (7)
16	Серебро	КНР (69), Южная Корея (8), Япония (6)
17	Силикон	Германия (16), Япония (12), КНР (8)
18	Сырая нефть	КНР (21), США (16), Индия (9)
19	Титан	КНР (27), США (16), Германия (8)
20	Уголь	КНР (22), Индия (17), Япония (13)
21	Флюорит	КНР (23), США (11), Италия (9)
22	Фосфаты	Индия (27), Индонезия (10), Бразилия (6)
23	Хром	КНР (55), Мозамбик (28), РФ (4)
24	Цинк	КНР (27), Южная Корея (16), Испания (8)
25	Цирконий	КНР (53), Испания (8), Индия (5)

Источник: IMF. Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. October 2023. — imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/28/Geoeconomic-Fragmentation-and-Commodity-Mar...

Таким образом, в условиях поликризиса четко проявились два параллельных мегатренда, дополняющих друг друга и формирующих новый облик глобальной экономики. В то время как основная часть государств Запада (особенно члены Европейского союза) испытывает на себе главные негативные эффекты кризисных потрясений и демонстрирует пониженную динамику экономического развития, ведущие страны Мирового большинства проявляют впечатляющую способность к адаптации, сохраняют более устойчивые и высокие темпы роста, отвоевывают на международных рынках промышленных и сырьевых товаров одну позицию за другой. По сути, Глобальный Юг становится локомотивом мировой экономики и торговли.

Вызовы и шансы для России

Осуществляемая политическим руководством и бизнес-сообществом Российской Федерации переориентация всего комплекса внешнеэкономических связей с государств коллективного Запада на страны Мирового большинства приобретает, таким образом, остроактуальный характер. Геостратегический поворот на Восток (в широком смысле) призван не только укрепить финансово-экономический суверенитет России, но и придать импульс росту передовых технологических отраслей отечественной экономики, исправить ее нынешнюю сырьевую деформацию [Яковлев. Экономика...]. Задача, прямо скажем, огромного исторического масштаба. Какие шансы и препятствия есть у РФ на этом пути, прежде всего в области внешней торговли — наиболее эластичной и адаптивной части внешнеэкономической деятельности?

Магистральные направления изменений во внешней торговле России начали складываться в 2020–2022 гг., а затем получили закрепление в течение 2023 г. В ходе этого процесса появились новые внешнеэкономические возможности, но в то же время дали о себе знать немалые проблемы и трудности.

В первую очередь нужно отметить смещение фокуса внимания отечественных экспортеров и импортеров на наиболее емкие рынки Глобального Юга. Например, товарооборот России с Китаем, ставшим единоличным рекордсменом по закупкам российской энергетической продукции, а также поставкам промышленных изделий в РФ, в 2023 г. вырос более чем на 26% — до 240 млрд долл. (российский экспорт — 129 млрд, импорт — 111 млрд долл.). Российские предприятия в беспрецедентных масштабах поставляли на китайский рынок энергоносители: нефть, природный газ (по магистральному газопроводу «Сила Сибири-1») и уголь. Кроме того, в КНР экспортируются и некоторые другие сырьевые материалы, включая медь и древесину. В ответ китайские промышленные компании кратное увеличили экспорт в Россию автомобилей, оборудования, электроники, одежды и обуви, широкого ассортимента товаров для дома. В результате Китай подтвердил статус главного торгового партнера РФ, далеко опередив все другие мировые экономические державы [Товарооборот...].

Одновременно опережающими темпами увеличивалась российско-индийская торговля, объем которой в стоимостном отношении в 2023 г. вырос почти в два раза и вплотную подошел к показателю в 60 млрд долл. При этом образовался астрономический торговый дисбаланс в пользу России, поскольку российский экспорт (нефть и нефтепродукты, уголь, сельскохозяйственные удобрения, бриллианты) достиг 56 млрд долл., а импорт индийских товаров — только 3,7 млрд. Существенное место в поставках из Индии заняли остро необходимые рынку РФ медикаменты, но это, однако, не снимает проблему торгового дисбаланса, следствием чего стал преизбыток индийских рупий у российских экспортеров [India...]. По нашему мнению, в данном случае необходимы новаторские бизнес-идеи и более высокие стандарты экономического сотрудничества, выходящие за рамки банального товарообмена.

Знаковым явлением в 2023 г. явилось фактическое удвоение экспорта РФ в Африку, объем которого превысил 19 млрд долл. Но при этом основу российских поставок, как и в предыдущие годы, составили зерновые и нефтепродукты. Как подчеркнули в Союзе экспортеров зерна, в сезон 2022/23 гг. отечественные поставки в Африку выросли на 63% по сравнению с предшествующим периодом [Рост экспорта...]. Нет необходимости доказывать, насколько важное значение имел российский зерновой экспорт в деле борьбы с голодом на Африканском континенте.

Вместе с тем, нельзя забывать, что российская торговля в Африке до настоящего времени вынуждена преодолевать разного рода административные и другие барьеры объективного и субъективного характера. В их числе: политическая нестабильность во многих африканских странах, сильная конкуренция со стороны западных и китайских компаний, отсутствие у Москвы детального видения наиболее перспективных направлений российско-африканского торгово-экономического сотрудничества. Не следует закрывать глаза и на тот факт, что отдельные африканские страны следуют принципам «потребительского подхода» — ждут от России (по аналогии с СССР) значительных кредитов, возврат которых, как показал исторический опыт, отнюдь не гарантирован.

Определенные позитивные сдвиги наблюдаются в отношениях Российской Федерации с государствами Латинской Америки. В частности, по итогам 2023 г. Россия впервые в истории вошла в пятерку ведущих поставщиков продукции на рынок крупнейшей страны региона — Бразилии. По данным бразильской статистической службы, объем поставок российских товаров в Бразилию в 2023 г. увеличился почти на 30% и составил порядка 10 млрд долларов. Помимо традиционных крупных поставок сельскохозяйственных удобрений, Россия впервые потеснила США на бразильском рынке нефтепродуктов (главным образом дизельного топлива и мазута). В частности, поставки дизеля в течение года увеличились в 60 (!) раз и превысили 6 млн т. В комментариях зарубежных экспертов специально подчеркивалось, что эти данные подтвердили стратегический характер российско-бразильского партнерства [Branch].

Премьер-министр М.В. Мишустин, выступая на международном экспортном форуме «Сделано в России — 2023» в октябре 2023 г., отметил, что «в условиях незаконных санкций и нестабильных мировых рынков отечественные экспортеры находят новые точки опоры». Речь идет о формировании архитектуры внешнеэкономической деятельности, отвечающей изменившимся геэкономическим реалиям, о «серьезном наращивании сотрудничества с дружественными государствами», включая многие развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки [Михаил Мишустин...].

В целом торгово-экономические итоги 2023 г. подтвердили оценку, данную главой российского правительства. После введения западных санкций удельный вес государств Евросоюза во внешней торговле России сократился с 36 до 15%, тогда как товарооборот с регионами Глобального Юга вырос с 46 до 77% [Максим Решетников...]. Такие цифры привел министр экономического развития России М.Г. Решетников, отметивший особенно высокий уровень торговых связей с Китаем, Индией, Египтом, Саудовской Аравией, Бразилией, Вьетнамом и рядом других государств Мирового большинства. Несмотря на кризисные явления на международных рынках, отметил М.Г. Решетников, Российская Федерация в отношениях с дружественными странами все активнее использует такие механизмы внешнеэкономической деятельности, как соглашения о свободе торговли и взаимной защите инвестиций. Тем самым министр указал на стремление Москвы к обновлению внешнеэкономической повестки, расширению арсенала внешнеторговых инструментов с целью дальнейшей интеграции России в мировую экономику, в которой все более весомую роль играют страны Глобального Юга.

* * *

Как видим, поликризис, с одной стороны, существенно осложнил условия функционирования международного бизнеса и осуществления внешнеэкономической деятельности, но с другой — оставляет шансы для роста и модернизации. Причем в складывающейся новой конфигурации международных торгово-экономических связей Российской Федерации на первый план выходят страны Глобального Юга во главе

с Китаем, перехватившие мировую производственную и торговую инициативу у государств коллективного Запада.

Объективно существующие проблемы и немалые сложности этого трансформационного поворота требуют от российского государства и бизнеса радикального обновления внешнеэкономической стратегии, гибкого учета глубоких изменений на мировой арене в целом и особенно — на просторах Азии, Африки и Латинской Америки. Необходима взвешенная оценка потенциала российской экономики, имеющихся возможностей ее реиндустриализации на базе инноватизации и технологического подъема. Имеющиеся узкие места в наших торговых отношениях со странами Мирового большинства (сырьевой характер российского экспорта, дисбалансы экспорта и импорта, проблемы платежей и логистики и др.) не могут быть преодолены без решительного продвижения вперед в деле модернизации отечественных производственных мощностей, приоритетного развития высокотехнологичных отраслей. Иначе, осуществляя торговый поворот на Восток, Россия может угодить в структурную ловушку и стать сырьевым придатком наиболее мощных в индустриальном отношении развивающихся стран.

Литература

- Лукьянов С.А., Драпкин И.М. Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 4. С. 16–25.
- Максим Решетников: доля Евросоюза в товарообороте России после санкций снизилась более чем в 2 раза // Министерство экономического развития РФ. 08.02.2024. — URL: clck.ru/39MLFC (дата обращения: 19.02.2024).
- Минфин США ввел санкции против российских провайдеров ЦОД, НСПК, интеграторов, разработчиков ПО и компьютерных вендоров // Хабр. 24.02.2024. — URL: habr.com/ru/news/795893/ (дата обращения: 29.02.2024).
- Михаил Мишустин принял участие в работе Международного экспортного форума «Сделано в России — 2023» // Официальный сайт Правительства РФ. 19.10.2023. — URL: government.ru/news/49828/ (дата обращения: 18.02.2024).
- Рост экспорта в страны Африки на 50% до \$19,8 млрд // Tadviser. 13.02.2024. — URL: tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 17.02.2024).
- Товарооборот России и Китая за год вырос на 26,3% и достиг рекордных \$240млрд // Коммерсант. 12.01.2024. — URL: kommersant.ru/doc/6445076?ysclid=lsewdogx6s528669663 (дата обращения: 25.02.2024).
- Яковлев П.П. Модель “nearshoring” — концепция новой экономики Латинской Америки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2. С. 93–103.
- Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 2. С. 5–14.
- Яковлев П.П. Экономика Российской Федерации на этапе трансформаций // *Перспективы. Электронный журнал*. 2023. № 3 (34). С. 7–20. — URL: perspektivy.info/upload/iblock/1ee/ithk9qoc8t0kuhuxk8wevi2gdueqfhyh/3_2023-_2_7_20.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

- Albin J.* The year of protest: Reflecting on 2023 activism incidents // Riskintelligence. 30.01.2024. — URL: riskintelligence.eu/analyst-briefings/the-year-of-protest-reflecting-on-2023-activism-incident/ (date of access: 29.02.2024).
- Birke S.* The future is bright for Latin American startups // The Economist. 13.11.2023. — URL: [economist.com/the-world-ahead/2023/11/13/the-future-is-bright-for-latin-american-startups](https://www.economist.com/the-world-ahead/2023/11/13/the-future-is-bright-for-latin-american-startups) (date of access: 01.03.2024).
- Branch J.* Record Growth in Trade Between Russia and Brazil: A Strategic Partnership Flourishes // Invest News. 07.02.2024. — URL: [brookeinvest.com/record-growth-in-trade-between-russia-and-brazil-a-strategic-partnership-flourishes/](https://www.brookeinvest.com/record-growth-in-trade-between-russia-and-brazil-a-strategic-partnership-flourishes/) (date of access: 27.02.2024).
- Brasil retoma impuestos a importaciones de autos eléctricos y paneles solares // América Economía. 02.01.2024. — URL: [americaeconomia.com/negocios-e-industrias/brasil-retoma-impuestos-importaciones-de-autos-electricos-y-paneles-solares](https://www.americaeconomia.com/negocios-e-industrias/brasil-retoma-impuestos-importaciones-de-autos-electricos-y-paneles-solares) (date of access: 19.02.2024).
- Clean energy minerals: Developing countries must add value to capitalize on demand // UNCTAD. 04.12.2023. — URL: unctad.org/news/clean-energy-minerals-developing-countries-must-add-value-capitalize-demand (date of access: 24.02.2024).
- Georgieva K.* Opening Remarks for Annual Meetings Press Conference // International Monetary Fund. 17.10.2019. — URL: [imf.org/en/News/Articles/2019/10/17/sp101719-opening-remarks-for-annual-meetings-press-conference](https://www.imf.org/en/News/Articles/2019/10/17/sp101719-opening-remarks-for-annual-meetings-press-conference) (date of access: 21.02.2024).
- The Global Risks Report 2023. 18th Edition. Cologny/Geneva: World Economic Forum. 2023.
- The Global Risks Report 2024. 19th Edition. Cologny/Geneva: World Economic Forum. 2024.
- Global trade expected to shrink by nearly 5% in 2023 amid geopolitical strains and shifting trade patterns // UNCTAD. 12.12.2023. — URL: unctad.org/news/global-trade-expected-shrink-nearly-5-2023-amid-geopolitical-strains-and-shifting-trade (date of access: 19.02.2024).
- High demand for energy-related critical minerals created supply chain pressures // World Trade Organization. 10.01.2024. — URL: [wto.org/english/blogs_e/data_blog_e/blog_dta_10jan24_e.htm](https://www.wto.org/english/blogs_e/data_blog_e/blog_dta_10jan24_e.htm) (date of access: 26.02.2024).
- How to get rich in the 21st century. The race to become the next economic superpower // The Economist. 02.01.2024. — URL: [economist.com/finance-and-economics/2024/01/02/how-to-get-rich-in-the-21st-century](https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/01/02/how-to-get-rich-in-the-21st-century) (date of access: 23.02.2024).
- The Inequality Virus. Oxford: Oxfam GB. 2021.
- India, Russia focused on diversifying bilateral trade: Russian ambassador // Hindustan Times. New Delhi. 08.01.2024.
- Indonesia's president breaks ground on hydroelectric project in Borneo // Radio Free Asia. 01.03.2023. — URL: [rfa.org/english/news/china/indonesia-china-borneo-03012023014556.html](https://www.rfa.org/english/news/china/indonesia-china-borneo-03012023014556.html) (date of access: 17.02.2024).
- Invest in Industrial Parks in Indonesia and Your Business Will Grow // InCorp. 17.04.2018. — URL: [cekindo.com/blog/industrial-parks](https://www.cekindo.com/blog/industrial-parks) (date of access: 19.02.2024).
- ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between China and Africa. Product: TOTAL All products. — URL: [trademap.org/Country_SelProduct_TS.aspx?nvpm=](https://www.trademap.org/Country_SelProduct_TS.aspx?nvpm=) (date of access: 27.02.2024)
- ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. List of exporters for the selected product in 2022. Product: 87. — URL: [trademap.org/Country_SelProduct_TS.aspx?nvpm=](https://www.trademap.org/Country_SelProduct_TS.aspx?nvpm=) (date of access: 29.01.2024).
- Palabras del presidente de la Nación, Javier Milei, luego de la asunción presidencial, desde el

- balcón de la Casa Rosada // Casa Rosada. 10.12.2023. — URL: casarosada.gob.ar/informacion/discursos/ (date of access: 14.02.2024).
- The Return of Industrial Policy in Data // International Monetary Fund. 04.01.2024. — URL: imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/12/23/The-Return-of-Industrial-Policy-in-Data-542828 (date of access: 19.02.2024).
- Ruto: industrial parks will unlock economic potential of counties // The Official Website of the President of the Republic of Kenya. 25.08.2023. — URL: president.go.ke/ruto-industrial-parks-will-unlock-economic-potential-of-counties/ (date of access: 29.02.2024).
- UNCTAD. World Investment Report 2023. Investing in Sustainable Energy for all. Geneva. 2023.
- The World Economic Outlook. 2023. A Rocky Recovery. Washington: IMF. 2023.

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-24-44

УДК 330.8; 331.5; 94(73)

Владимир Васильев

От клиометрики к гендерной революции: Нобелевская премия 2023 г. по экономике как момент истины

Аннотация. В статье рассматриваются научная биография, труды и заслуги профессора Гарвардского университета Клаудии Голдин, удостоенной в 2023 г. Нобелевской премии по экономике за изучение гендерных различий на рынке труда. Анализируется сложная, в том числе идеологическая, подоплека данного решения Нобелевского комитета. Значительное внимание уделяется революции в американских исследованиях экономической истории, связанной с именем учителя К. Голдин Р. Фогеля, основоположника клиометрики и автора скандальной теории «эффективного рабовладения» на Юге США в 1820–1860 гг.

Ключевые слова: К. Голдин, Р. Фогель, Нобелевская премия по экономике, гендерные различия на рынке труда, США, экономическая история, клиометрика, теория «эффективного рабовладения».

*Философы лишь различным образом объясняли мир,
но дело заключается в том, чтобы изменить его*
К. Маркс. Тезисы о Фейербахе

Награда за выслугу лет

Присуждение Нобелевской премии по экономике за 2023 г. профессору Гарвардского университета Клаудии Голдин (род. 14 мая 1946 г., Бронкс, г. Нью-Йорк) не вызвало ни большого ажиотажа, ни повышенного интереса в сообществе западных, в том числе американских, экономистов по причине откровенной идеологической ангажированности данного решения. В заключении Банка Швеции, официального учредителя Нобелевской премии по экономике, довольно сухо и расплывчато говорилось, что премия присуждена К. Голдин «за улучшение нашего понимания результатов женского рынка труда» [The Prize...]. Конкретизация вклада 77-летнего лауреата в прогресс экономических знаний сводилась к тому, что К. Голдин удалось выявить основные факторы, объясняющие изменение доли женской рабочей силы на рынке труда и гендерные различия в его оплате на протяжении 250 лет истории США. При этом основное внимание в своих изысканиях она уделила определению причин «константных» различий в оплате труда мужчин и женщин. Ее главное «фундаментальное» научное открытие

Сведения об авторе: ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутриэкономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

свелось к тому, что «традиционно бóльшая часть гендерного разрыва в доходах объяснялась различиями в образовательном уровне и профессиональном выборе мужчин и женщин. Однако Голдин показала, что основная часть этих различий в доходах в настоящее время приходится на мужчин и женщин одной профессии, и они возникают главным образом после рождения в семье первого ребенка» [The Prize...].

Осознавая, по-видимому, нелепость присуждения Нобелевской премии за довольно стандартное исследование гендерных различий в оплате труда, мониторинг и анализ которых давно стали рутинной обязанностью статистических органов как ведущих государств мира, так и международных организаций [см. в частности: Eurostat Methodologies... Closing... Chakravorty], составители обоснования решения Нобелевского комитета уточняли, что работы К. Голдин относятся к сфере экономической истории США, т. е. ее следует считать экономическим историком. Выводы Голдин были получены на основе «тщательного документирования долгосрочной эволюции гендерных различий на рынке труда США, а не за счет изучения краткосрочных изменений внутри стран или между ними. Такие исследования исторического характера технологических изменений, прогресса в сфере образования и спадов в рождаемости могут легко ускользнуть от современного наблюдателя по причине их неактуальности» [History helps... P. 2].

По оценке экспертов Нобелевского комитета, К. Голдин удалось реконструировать прежние или создать новые временные статистические ряды, характеризующие динамику занятости и трудовых доходов женской рабочей силы на всем протяжении экономической истории США, начиная с конца XVIII в. Это позволило проанализировать эволюцию статуса женской рабочей силы в американской экономике на унифицированной методологической основе. По образному заключению Нобелевского комитета, благодаря изысканиям К. Голдин появилась возможность составить целостное представление о долговременных статусных изменениях в социально-экономическом положении женщин на рынке труда, используя «историческое зеркало заднего вида» (или «исторические экономические очки»). С помощью этих инструментов были выявлены сдвиги в спросе на женскую рабочую силу, обусловленные такими факторами, как научно-технический прогресс и структурные перемены в экономике, в условиях и дисциплине труда, в социальных нормах, меняющиеся представления женщин о значении образования и своих возможностях, соотношение функциональных ролей женщины в семье и на рынке труда [History helps... P. 3].

Академическая тропа К. Голдин была извилистой и вместе с тем достаточно крутой. В 1963 г. она поступила в Корнельский университет (Итака, шт. Нью-Йорк) с намерением стать бактериологом, однако на первом же курсе увлеклась экономикой, вернее, историей трудовых отношений. Получив в 1967 г. степень бакалавра по экономике, Голдин продолжила учебу в магистратуре и докторантуре экономического факультета Чикагского университета, где в 1969 г. получила диплом магистра по экономике, а в 1972 г. защитила докторскую диссертацию, посвященную проблемам рабства среди афроамериканцев в городах на Юге США в период 1820–1860 гг. В 1976 г. ее диссертация была издана Чикагским университетом в виде монографии [Goldin. Urban Slavery...].

Уже в начале 1970-х годов К. Голдин занималась экономическими исследованиями в наиболее престижных американских университетах, прежде всего в Гарварде, где в 1975–1976 гг. читала курс лекций. После защиты докторской диссертации, в 1972–1973 гг., занимала должность доцента на экономическом факультете Университета Висконсина (г. Мэдисон), затем в 1973–1979 гг. была доцентом экономического факультета Принстонского университета, а с 1979 по 1990 гг. — доцентом и профессором Пенсильванского университета. Наконец, в 1990 г. она становится профессором экономической истории Гарвардского университета. Эта должность была специально учреждена в честь Г. Ли — американского политэконома и политического деятеля XIX в. [Bio for Claudia Goldin]. С тех пор К. Голдин прочно ассоциируется с экономическим факультетом Гарвардского университета, который стал стартовой площадкой, в том числе для научных проектов многих американских университетов и исследовательских центров, таких как Национальное бюро экономических исследований, Брукингский институт, фонд Рассела Сейджа и ряд других.

С начала 1970-х годов вплоть до 1990 г. происходит смещение фокуса научных интересов К. Голдин: она начинает отходить от социально-экономических проблем рабства и все активнее заниматься положением женщин на рынке труда [Goldin. *The Economic Role...* Goldin, Sokoloff; Goldin. *The Changing Status...* Goldin, Polachek]. В 1990 г. ее разработки в этом направлении увенчались публикацией итоговой монографии, посвященной истории гендерных различий в занятости и оплате женского труда в США [Goldin. *Understanding...*]. В ней К. Голдин сформулировала базовую парадигму своего понимания основных причин отставания в социально-экономическом положении и оплате труда женской рабочей силы от мужской. На протяжении последующих 30 с лишним лет она занималась исключительно различными аспектами этой проблематики, за что в 2023 г. и была удостоена Нобелевской премии.

Двойное дно Нобелевской премии по экономике 2023 г.

Интерес К. Голдин к изучению причин и факторов ущемленного положения женщин на рынке труда США вполне может трактоваться как своего рода «естественный биографический эксперимент» Нобелевского лауреата. Следует указать, что еще с конца 1990-х годов она стала публиковать эссе и давать интервью, в которых охотно делилась своими общественно-политическими взглядами и «жизненной философией». В сборнике автобиографических очерков 20 ведущих американских экономистов (таких как Ф. Блау, Д. Гордон, П. Кругман, Г. Мэнкью), рецензентами сразу было выделено эссе К. Голдин с интригующим заголовком «Экономист как детектив», где она заявляла, что «всегда мечтала быть детективом и в конце концов стала им» [Forget. Pp. 111–112; Szenberg. P. 98].

Резкие развороты в своих научных интересах и идейных позициях К. Голдин объяснила «детективно-конъюнктурными соображениями», указав, что, попав в университетскую среду, она выбрала своей путеводной звездой выдающиеся академические умы, а не преподаваемые научные дисциплины [Szenberg. P. 98]. По всей видимости,

«детективная интуиция» побудила ее обратить свой взор на экономический факультет Чикагского университета. Во второй половине 1960-х годов чикагская школа экономики была представлена такими признанными авторитетами, как М. Фридман, Г. Беккер, Дж. Стиглер, Р. Фогель, З. Коуз (впоследствии все они стали лауреатами Нобелевской премии), а также достаточно известными уже в тот период А. Харбергером, З. Гриликесом, Л. Телсером.

С обезоруживающей откровенностью К. Голдин писала о том, что уровень ее собственной квалификации в области статистических и математических методов, не говоря уже об эконометрическом моделировании, явно не соответствовал требованиям, предъявляемым экономическими факультетами ведущих университетов, особенно таких, как Чикагский, который после Второй мировой войны стал головным американским научным центром по внедрению математических и эконометрических методов изучения экономики.

Решающую роль в математической революции в университетах США сыграла функционировавшая в 1939–1955 гг. на базе Чикагского университета комиссия Коулса во главе с Дж. Маршаком и Т. Купмансом. Входившие в нее экономисты «внесли вклад в математическую экономику и эконометрику, многие из них позже были отмечены Нобелевскими премиями. Этот вклад охватывал достижения в области эконометрики одновременных уравнений, общеэкономического моделирования, линейного программирования, анализа общего равновесия, теории социального выбора и оптимальной диверсификации портфеля» [Dimand. P. 103]. С тех пор и до настоящего времени экономический факультет Чикагского университета является ведущим американским и мировым центром эконометрики и математической экономики, занимая четвертую строчку в иерархии американских вузов по этому направлению исследований [8 Best colleges...].

«Детективный метод» поиска ниши, которую могла занять молодая честолюбивая исследовательница в созвездии авторитетных американских экономистов, сравнительно быстро вовлек ее в орбиту профессора Р. Фогеля (1926–2013). Он явился основоположником использования количественных методов в изучении американской экономической истории, вошедших в анналы экономической науки под общим названием клиометрики, или клиометрии (от имени Клио — музы истории в древнегреческой мифологии). В конце 1960-х — начале 1970-х годов Р. Фогель — совместно с другим американским экономистом, С. Энгерманом — усиленно изучал экономические проблемы рабовладельческой системы на Юге США. В 1974 г. вышла в свет их книга «Время на кресте: экономика рабства американских негров» [Fogel, Engerman], за которую (в числе других своих работ) Р. Фогель вместе с еще одним отцом клиометрики Д. Нортон в 1993 г. был удостоен Нобелевской премии. Это исследование вот уже почти 40 лет остается одним из самых скандальных в области мировой экономической истории, поскольку представляет собой попытку не просто оправдать рабство как социально-экономический институт американского общества, но и «доказать», что экономическая система рабовладельческого Юга была бо-

лее эффективной и прибыльной по сравнению с системой наемного труда на Севере США.

Центральный тезис концепции Р. Фогеля заключался в том, что «до Гражданской войны 1861–1865 гг. экономика Юга не только не находилась в стагнации, но и росла довольно быстрыми темпами. Между 1840 и 1860 гг. доход на душу населения рос на Юге быстрее, чем в остальной части страны. К 1860 г. Юг США достиг достаточно высокого по меркам того времени уровня дохода на душу населения. Даже такая развитая страна, как Италия, не могла выйти на подобный уровень дохода на душу населения вплоть до начала Второй мировой войны» [Weiss].

Многочисленные критики изысканий Р. Фогеля тут же указали на их ахиллесову пяту: идеалистические представления о рабовладельческой плантации как о разновидности семейной и корпоративной организации викторианского типа, где рабы, «воспринявшие» протестантскую трудовую этику белой Америки, усиленно трудились ради увеличения прибылей рабовладельцев, не были подкреплены соответствующими статистическими количественными данными. Как отмечал высокоавторитетный специалист по истории рабства и социальной истории, профессор Городского университета Нью-Йорка Г. Гутман, «Время на кресте» Р. Фогеля представляет собой «плохо написанный очерк социальной истории Америки, в котором авторский анализ представлений и поведения «обычных» афроамериканских рабов является в корне ошибочным, поскольку построен на полностью ущербной модели социализации рабов, а также содержит грубейшие ошибки всех видов по всему тексту в использовании количественных данных (не говоря уже о литературных промахах) для обоснования главных положений» [Gutman. P.2].

По всей видимости, основоположнику клиометрики Р. Фогелю была очевидна ущербность и неполнота статистических и эмпирических данных середины XIX в., или он не хотел тратить время на поиск в пыли американских архивов, который мог к тому же обернуться получением данных, противоречащих теории «эффективного» рабовладельческого труда на Юге США. Зато на роль социально-экономического архивариуса идеально подошла К. Голдин, которая впоследствии написала: «То, как я стала экономистом, многое говорит о том, как я работаю экономистом. Часто не бывает никакой повестки или программы, никакой конкретной теории, которой требуется следовать, никакого единого эконометрического метода, который можно было бы использовать, и никакого агентства или фонда, который заплатил бы за итог. Между тем подсознание подсказывает неприятные вопросы.... И также я привержена поиску «истины» посредством детективной работы по установлению фактов» [Szenberg. P. 101].

Взятое ею в кавычки слово «истина», применительно к изучению экономических основ рабства на Юге США под руководством Р. Фогеля, возможно, имеет двойной смысл, тем более что сама К. Голдин откровенно признала, что она начала безропотно следовать указаниям научного руководителя своей докторской диссертации, не ставя под сомнение ни его авторитет, ни предложенную им теорию и методологию. От-

звуки фогелевской концепции, реабилитирующей рабовладельческую систему на Юге США — о чем, естественно, даже вскользь не было упомянуто в заключении Нобелевского комитета — нашли свое отражение и в монографии К. Голдин 1976 г., и в ее изданном годом ранее исследовании об экономических издержках Гражданской войны США. Согласно хрестоматийному представлению, один из пороков рабовладельческой системы в США заключался в том, что она существенным образом блокировала формирование городов и городских ареалов, которые являлись индустриальными центрами современной экономики. Именно против этого тезиса и выступила К. Голдин, которая указала, что главный вывод ее монографии «состоит в том, что рабство и развитие городов на Юге США в 1820–1860 гг. *не являются* несовместимыми феноменами» [Goldin. *Urban Slavery...* P. 123].

Историческая реабилитация рабства в развитие идей Р. Фогеля, однако, претила сознанию К. Голдин, которая, по всей видимости, ощущала себя если не «литературным рабом» ведущих профессоров, то по крайней мере их ущемленным в правах помощником технического плана. Поэтому свою внешнюю солидарность с Р. Фогелем она оформила в виде своеобразных «экономических кружев», избрав довольно тонкий и сложный путь трактовки городского и сельского рабовладения на Юге не как воплощения в США рабовладельческого строя античности, а как обусловленного преимущественно экономическими причинами. Отталкиваясь от факта уменьшения численности афроамериканских рабов в 22 городах Юга за 10 лет (1850–1860 гг.) всего на 4% [Sutch. *Urban Slavery...* P. 802], она объяснила эту тенденцию «свободной» игрой рыночных сил, выразившейся в том, что рост стоимости рабского труда в городах на Юге США в 1850-е годы способствовал притоку в них белых рабочих с Севера и белых жителей аграрного Юга. Иными словами, середина XIX в. ознаменовалась не нарастающей деградацией и упадком системы рабовладельческого труда, а повышением степени ее гибкости и приспособляемости к динамично меняющимся экономическим условиям, что «позволило рабам в городах эффективно конкурировать с системой свободного труда» [Goldin. *Urban Slavery...* P. 42].

Рецензенты той монографии К. Голдин не преминули отметить слабость и неубедительность ее аргументации, поскольку «клиометрика Голдин не принимает во внимание факторов расы, классов или идеологии», в результате чего «представление о том, что в 1860 г. система рабовладения в США не дезинтегрировалась и не умирала, вряд ли следует считать новым открытием» [Howard. P. 186]. Помимо этого, было обращено внимание и на весьма вольное (если не сказать — непрофессиональное) использование статистических данных переписей населения того периода, которое было охарактеризовано как «крайне необычное с эконометрической точки зрения», поскольку построенный автором временной ряд основывался всего на четырех значениях. Как указал в этой связи Г. Райт, ставший впоследствии профессором экономической истории Стэнфордского университета, «специалисты по статистике могут вполне обоснованно считать, что сам по себе этот факт полностью опровергает утверждение Голдин о том, что спрос на рабский труд в городах Юга был очень эластичным (т. е. чувствительным к ценовому фактору), поскольку большая часть ее оценок эластичности не

является статистически значимой в стандартных доверительных интервалах» [Wright. P. 154].

Аналитическая уязвимость модели «экономической эффективности» рабского труда [Goldin. A Model...] вынудила К. Голдин искать иную аргументацию жизнеспособности системы рабовладельческого труда на Юге США. В 1975 г. она, совместно с другим начинающим экономическим историком канадского происхождения — Ф. Льюисом, публикует статью «Экономические издержки Гражданской войны в Америке: оценки и последствия». Название статьи («издержки») наводило на мысль о направленности публикации, а ее оригинальность заключалась в оценке не только и не столько прямых, сколько косвенных издержек военных действий 1861–1865 гг., главными из которых были экономические потери, обусловленные преждевременной гибелью трудоспособного населения как северных, так и южных штатов, включая рабов. Методологически суммарные издержки для экономики США были оценены К. Голдин и Ф. Льюисом с точки зрения снижения объемов душевого потребления после Гражданской войны. Согласно их расчетам, к концу 1870-х годов Север США вышел на довоенный уровень душевого потребления, а вот население штатов Юга даже в конце первого десятилетия XX в. потребляло благ и услуг на 30% меньше, чем в довоенное время [Goldin, Lewis. P. 319].

Однако все эти выкладки потребовались К. Голдин и ее соавтору для того, чтобы в лапидарной форме отмежеваться от хрестоматийного тезиса, гласящего, что Гражданская война явилась водоразделом в американской экономической истории, поскольку отмена рабства «вывела экономику США на траекторию индустриализации» и заложила основы для последующего развития капитализма [Goldin, Lewis. P. 320]. Авторы полностью солидаризировались с точкой зрения (в том числе соавтора Р. Фогеля С. Энгермана), согласно которой Гражданская война не внесла радикальных изменений в развитие американской промышленности: последняя «после войны просто претерпевала те же изменения, которые в полной мере обозначились до ее начала» [Goldin, Lewis. P. 321]. Согласно выводу К. Голдин и Ф. Льюиса, они «не нашли никаких свидетельств того, что Север и США в целом получили какие-либо ощутимые экономические выгоды от Гражданской войны» [Goldin, Lewis. P. 322].

Эта концепция экономической «бесполезности» (и подразумеваемой политической «ненужности») Гражданской войны напоминала тонкое, можно сказать — иезуитское оправдание рабовладельческого строя на Юге США. Причем в обширном интервью 2007 г. будущий Нобелевский лауреат вновь полностью солидаризировалась с тезисом, что «рабство *не было* системой, иррационально поддерживаемой владельцами плантаций, и что рабовладельческая система *не была* экономически умирающей накануне Гражданской войны» [Exploring the Present... P. 93]. Будучи уже достаточно известным и авторитетным экономическим историком, К. Голдин как бы мимоходом отметила, что в Западном полушарии две страны просто отменили рабство: Куба в 1886 г. и Бразилия, отважившаяся на этот шаг в 1888 г. По эволюционно-реформистскому пути по отношению к экономически «эффективной» системе рабовладения вполне могли пойти и США,

но Гражданскую войну в Америке спровоцировали в основном политические факторы, среди которых К. Голдин выделила: во-первых, неблагоприятное влияние рабовладельческого строя на международный престиж США; во-вторых, политический напор аболиционистских сил на Севере; в-третьих, возможность получения более высоких прибылей в других сферах экономической деятельности помимо рабовладельческих плантаций на Юге [Exploring the Present... P. 94].

Тем не менее к концу 1970-х годов для К. Голдин стало очевидно, что от концепций, фактически оправдывающих рабство, если не сказать возводящих его в образец для подражания, надо переходить к более широким теориям, опирающимся на количественные методы. Одной из таких сфер стала интеллектуально престижная и набиравшая популярность в США в 1960-е — 1980-е годы клиометрика.

Клиометрическая фальсификация экономической истории США

В середине 1990-х годов К. Голдин написала для одного из ведущих американских экономических изданий, “Журнала экономических перспектив”, статью под названием “Клиометрика и Нобелевская премия по экономике”. Статья, претендующая на то, чтобы считаться программной, представляла собой аналитическое изложение генезиса и достижений “новой экономической истории”, или клиометрики. Непосредственным поводом для написания статьи явилось присуждение Нобелевской премии по экономике за 1993 г. Р. Фогелю и профессору Университета им. Дж. Вашингтона в Сент-Луисе (штат Миссури) Д. Нортю (1920–2015), с формулировкой «за возобновление исследований в области экономической истории путем применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений» [This Year’s...].

В самом начале статьи К. Голдин определила клиометрику как «применение экономической теории и количественных методов к изучению истории» [Goldin. Cliometrics... P. 191]. На первый взгляд, синтез двух гуманитарных дисциплин в результирующий гибрид «экономической истории», или «истории экономики», был направлен на формирование новой сферы междисциплинарных исследований, которые в конечном итоге могли обогатить и экономическую, и историческую науку. Однако в конкретных американских условиях 1960-х годов, когда состоялось рождение клиометрики, имел место не «брак по любви» исторической и экономической наук, а вторжение экономистов в устоявшиеся представления традиционных историков о специфике развития США, что в первую очередь касалось понимания поворотных моментов в американской истории XIX в. В итоге между историками и экономистами началось самое настоящее идейное и теоретическое противостояние, в рамках которого экономисты-клиометрики, по оценке самой К. Голдин, «стали рассматриваться как аутсайдеры. Их стали считать просто экономистами, а не историками или экономическими историками. Инсайдеры стали утверждать, что аутсайдеры являются теоретиками с ограниченными знаниями фактов и не имеющими чувства истории» [Goldin. Cliometrics... P. 194].

Появление первых работ экономистов-клиометриков явилось подлинным переворотом в американской исторической науке. Среди наиболее известных работ ниспровергателей устоявшихся ортодоксальных истин американского исторического развития следует выделить исследования, где «с цифрами в руках» доказывалось, что Навигационный акт 1651 г., принятый О. Кромвелем, не стал причиной Американской революции 1765–1783 гг.; что создание сети железных дорог в XIX в. не оказало практически никакого влияния на ускорение темпов роста американской экономики и что они строились не в ответ на спрос на железнодорожную инфраструктуру; что политика президента Э. Джексона (1829–1837) в отношении банковского сектора не была причиной экономических потрясений в США в 1830-е и 1840-е годы; что Гражданская война не выступила основным фактором, положившим начало индустриализации американского Севера во второй половине XIX в.; наконец, что система рабовладения на Юге США была экономически выгодной и жизнеспособной [Goldin. Cliometrics... P. 194].

Присуждение в 1993 г. Нобелевской премии по экономике Р. Фогелю и Д. Нортуну увенчало «историческую победу» клиометрики над традиционной экономической историей. Эта победа, как констатировала К. Голдин, привела к тому, что «новые экономические историки полностью уничтожили оппонирующую сторону [традиционную школу историков-экономистов], хотя их целью было не столько устранение оппонентов, сколько обращение их в свою веру» [Goldin. Cliometrics... P. 206].

В духе модной в 1990-х годах теории Ф. Фукуямы о «конце истории», известный экономист, профессор Калифорнийского университета (г. Беркли) К. Ромер опубликовала резонансную статью «Конец экономической истории?», где дословно заявила, что «война на фронте экономической истории закончилась, и закончилась победой хороших парней» [Romer. P. 49]. При этом она акцентировала внимание на принципиально важной идеологической составляющей школы новых экономических историков: их работы, по сути, представляли собой завуалированную форму апологии капиталистической организации экономики как безальтернативной и единственно возможной модели эволюции экономической системы США в долгосрочной перспективе.

Однако с наступлением XXI в. вместо «расцвета» клиометрики начался ее постепенный закат. Упадку «новой экономической истории» способствовало несколько причин. Важнейшая из них состоит в том, что путеводной звездой в американском «клиометрическом мире» была фигура проф. Р. Фогеля, который не сумел создать в американских университетах полноценной школы клиометрики. И наиболее показательной в этом плане является эволюция научных интересов К. Голдин, чьи работы стали прочно ассоциироваться с экономикой рынка труда [Margo. P. 31].

Спрос на клиометриков возник исключительно со стороны экономической науки, а экономический историк для плодотворного творческого развития должен профессионально совершенствоваться не только как экономист, но и как историк. Однако в американских университетах профессионально-квалификационный рост экономических историков мог происходить только на основе работы с эконометрическими моделями,

и по мере служебного продвижения они во все большей степени становились скорее узкими экономистами и эконометриками, нежели историками и клиометриками. Современная практика ведущих университетов США такова, что «студенты, желающие получить степень доктора наук по экономике, тщательно отбираются по определенным характеристикам, таким как склонность к высшей математике и связанным с ней навыкам количественных форм мышления, которые вознаграждаются в экономической, а не в исторической науке. Для типичного молодого экономического историка, подготовленного на экономическом факультете, практически лишена профессионального интереса работа вне сферы экономических исследований» [Margo. P. 8].

Начиная с конца XX в. результативность доцентов и профессоров экономических факультетов оценивалась по публикациям в ведущих профильных журналах США. Экономическая наука все больше стала «смещаться в сторону абстрактных моделей и количественного анализа, поэтому история начала отходить на второй план в экономических исследованиях, и все меньше статей по экономической истории публиковалось в ведущих экономических журналах, в частности в "Американском экономическом обозрении"» [Margo. P. 1].

Но главный удар по клиометрике был нанесен работами американских историков экономики — именно историков, которые в совокупности могут считаться представителями школы «новой истории капитализма», — С. Беккерта, Э. Баптиста, У. Джонсона, Дж. Леви, Л. Хаймана, Дж. Отт, Дж. Бернс и ряда др. [подробнее см.: Hilt]. Эти работы увидели свет в 2009–2015 гг., т. е. вскоре после мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. В фокус научных дискуссий вернулось понятие «капитализм», отношение к которому с конца XVIII столетия претерпело немало нормативно-этических метаморфоз, — от сугубо негативных оценок до положительно-хвалебных. Названные американские исследователи рассматривают историю капитализма с критических позиций, указывая прежде всего на «первородные грехи Америки — рабство и насильственную экспроприацию коренных народов». На смену им пришли «непрерывно растущий финансовый сектор, клановый капитализм и жестокая борьба вокруг распределения вновь возникших рисков среди социальных групп. В XX в. на ожесточенное сопротивление [финансового капитализма. — В.В] натолкнулись "Новый курс" Ф. Рузвельта и создание государства всеобщего благосостояния, за чем последовало внедрение экономических доктрин и политических идеологий, отвечающих интересам бизнеса» [Hilt. P. 513].

В методологическом плане экономические историки-клиометрики трактовали эволюцию американской экономики через обращенные в прошлое «очки настоящего» и «концентрировали внимание на весьма узких проблемах экономической теории». В итоге «темные» периоды в развитии американского капитализма приобретали у них порой черты современной высокоразвитой экономики. Представители же «новой истории капитализма» рассматривают исследуемые ими аспекты прошлого в более широком историческом контексте и с опорой на архивные источники. Вместе с тем многие из них, в свою очередь, склонны смотреть на настоящее через «линзы прошлого» или преуве-

личивать произошедшие с тех пор изменения. Однако в целом их работы «справедливо напоминают нам, что экономический рост и развитие имеют человеческую цену, которая не исчерпывается средним доходом... и что современная экономическая система представляет собой не естественное состояние [капитализма], но итоговое следствие принятых политических решений и действий, которые могли быть другими и которые в таком случае направили бы наше развитие по иному пути» [Hilt. Pp. 513–515].

Самое пристальное внимание историками «нового капитализма» было уделено проблемам рабства (особенно периода 1840–1860 гг.), которые в XXI в. стали целенаправленно анализироваться в ракурсе антитезы теории «эффективного рабовладения» Р. Фогеля и С. Энгермана. Выстроенный ими обобщенный образ «эффективного рабовладения» сводился к тому, что «физическое и психологическое состояние американских рабов было гораздо благополучнее, чем считалось ранее. Рабам не просто предоставлялись достаточное питание, одежда и жилье — материальные условия их жизни выгодно отличались от материальных стандартов свободных американских рабочих того времени. Рабовладельцы использовали не столько физические наказания, сколько денежные вознаграждения и другие положительные стимулы, чтобы мотивировать высокий уровень трудовых усилий. Гуманное обращение обеспечивало добровольное сотрудничество рабов. Стимулирование рождаемости среди рабов с целью последующей продажи их потомства и извлечения прибыли, а также сексуальная эксплуатация являлись не более чем аболиционистскими "мифами". Торговля рабами в целом не разрушала семейных устоев жизни рабов. Большие латифундии Юга США были более эффективны, чем свободные фермы Севера, потому что подневольный труд и экономия на масштабах производства сельскохозяйственных культур делали их сверхпроизводительными» [Sutch. The Economics of... P. 26]. В октябре 1993 г. за свои «инновационные исследования», включая эти «революционные» открытия, в корне перевернувшие представления о природе и характере рабовладения на Юге США в середине XIX в., Р. Фогель (наряду с Д. Нортон) и был удостоен Нобелевской премии по экономике.

Спустя 25–30 лет американские историки реабилитировали канонические представления о бесчеловечной и эксплуататорской сущности рабства, показывая, что «поддержание прибыльности латифундий требовало разрушения семей и семейных уз и потому только крайне ограниченное число плантаторов могло позволить себе более чутко относиться к рабам. Те рабовладельцы, которым претила бесчеловечность системы, оставляли эту сферу деятельности. Но тем, кто оставались рабовладельцами, оправданием расового неравенства и жестокого обращения с рабами служила слепая вера в неполноценность других рас. Отсутствие оппозиции рабовладению на Юге способствовало разрастанию и усилению расизма. Расизм отравлял американское общество до Гражданской войны и все еще отравляет американскую культуру по сей день. Истинное бремя рабства не поддается количественным оценкам» [Sutch. The Economics of... P. 46]¹.

1 Реабилитация традиционных представлений об эксплуататорской сущности рабства на Юге США сделала возможным появление в ведущем британском издании «Кембриджский экономический журнал» статьи двух американских исследователей, излагавшей классическую марксистскую модель рабства и пролежавшей в портфеле издания четыре года [Clegg, Foley].

В последние годы в условиях резкого нарастания в американском обществе влияния «культуры отмены» [см.: Травкина, Васильев] необоснованность присуждения Нобелевской премии «клиометрику» Р. Фогелю становилась особенно уязвимой, что не просто подрывало престиж награды, но и потенциально «открывало шлюзы» для пересмотра других решений Нобелевского комитета в области экономики. На протяжении последних 30 лет во многих публикациях, в том числе в серьезных академических изданиях, проводилась мысль, что Нобелевские премии по экономике являются не сугубо научными, присуждаемыми за фундаментальные открытия, а политически и идеологически ангажированными наградами, призванными продвигать идейные обоснования неоллиберальной глобализации, опирающейся на финансовую интеграцию мировой экономики [см., напр.: Offer, Södenberg]

На таком фоне «неудобную» премию по экономике за 1993 г. надо было в спешном порядке «спасать». О понимании этого свидетельствовало, в частности, короткое эссе, появившееся в официальном блоге Бюро трудовой статистики США еще в январе 2019 г. В этой аналитической заметке, в связи с критическим разбором теории «эффективного рабовладения» Р. Фогеля профессором Р. Сатчем [Sutch. The Economics of...] и вопреки общей направленности статьи последнего, примирительно говорилось о «взаимной связи между клиометрикой и рабством [пониманием рабства]» и о том, что «рабство стало лучше пониматься благодаря использованию клиометрики, а клиометрика была усовершенствована и улучшена благодаря изучению рабства» [Yoe].

Роль спасительницы была отведена К. Голдин — «верной ученице» Р. Фогеля и представителю изначально Чикагской школы экономики, с которой прямо или косвенно связаны многие Нобелевские лауреаты по экономике, а затем не менее авторитетной Гарвардской¹. Не исключено, что решающую роль в выборе именно этой кандидатуры сыграла статья Голдин 1995 г., а остальные ее изыскания в области истории американского женского рынка труда явились не более чем идеологически полезным «гендерным» приложением.

Фундаментальные «открытия» в одном рисунке и графике

Многочисленные работы К. Голдин в совокупности представляют собой экономико-статистическую картину динамического изменения положения женской рабочей силы на протяжении 250 лет истории американской экономики, рассмотренную по двум ключевым параметрам: 1) увеличение доли женщин в общей структуре занятости на рынке труда; 2) сокращение агрегированного и дезагрегированного разрывов в трудовых доходах женщин и мужчин. В середине 1970-х годов, с самого начала своих исследований в этой области, К. Голдин находилась под мощным воздействием «набиравшего обороты феминистского движения, которое убедило ее в том, что она может оставить

1 В период с 1970 по 2023 г. Нобелевскими лауреатами по экономике стали 34 профессора, работающие или работавшие на экономическом факультете Чикагского университета [Nobel Laureats...].

свой след в изучении участия женщин в экономике. В тот период на Голдин воздействовали значительные социальные перемены в Америке и кардинальная трансформация представлений о роли женщины» [Walker].

В динамике женской занятости в США на протяжении XX в. имела место, по определению самой К. Голдин, «тихая революция». Если в начале века доля женской рабочей силы (в расчете на замужних женщин) не превышала 10%, то к концу столетия она стабильно вышла на уровень 60%. Причем во второй половине 1970-х годов женская рабочая сила стала доминировать над мужской [Goldin. *The Quiet Revolution...* Pp. 4, 8]. К. Голдин акцентировала внимание на трех основных факторах, которые прочно придали американской экономике «женское лицо». Главным из них явился структурный сдвиг, выразившийся в том, что во второй половине XX в. ведущую роль стала играть сфера услуг, отодвинувшая на второй план сельское хозяйство и промышленность. Специфика производственных процессов в промышленности, особенно конвейерное производство, объективно требовала больших физических нагрузок и поэтому была рассчитана преимущественно на мужскую рабочую силу. Сфера же услуг, особенно такие ее отрасли, как розничная торговля, образование, здравоохранение, рекреационные услуги и ряд других, идеально подходили под физические, физиологические и психологические особенности женского организма. Фактор растущего спроса на женскую рабочую силу в сфере услуг предопределил резкое изменение отношения (экспектаций) женщин, особенно молодых, к трудовой и профессиональной карьере, с одной стороны, и к традиционной роли домохозяйек, с другой. Женщины во все большем количестве стали стремиться к получению высшего образования как гаранта стабильной занятости в зрелом возрасте. По мере увеличения доли женской рабочей силы на рынке труда США стал заметно уменьшаться суммарный коэффициент рождаемости: он снизился с 3,6 в 1958 г. до 1,8 в 1978 г., возрос до 2,0 в середине 1990-х годов, после чего сохранялся на этом уровне до конца первого десятилетия XXI в., а затем опять снизился до 1,8 [U.S. *Fertility...*]. Большую роль в снижении рождаемости в США, по экспертному заключению К. Голдин, сыграли противозачаточные средства [Goldin, Katz *The Power of the Pill*].

В долгосрочном плане динамика занятости женской рабочей силы в экономике США характеризовалась U-образной кривой, поскольку ранее, с конца XVIII в. до начала XX в., женщины являлись «рабочими лошадками» в сельском хозяйстве на фермах и в латифундиях на Юге США [Goldin. *The U-shaped...*]. Как подчеркивала К. Голдин, основная причина резкого снижения доли женской рабочей силы в XIX в. коренилась в структурном сдвиге в американской экономике, обусловленном индустриализацией и ростом удельного веса промышленности, в результате чего агрегированный спрос на женскую рабочую силу в экономике резко сократился [Goldin. *The U-shaped...* P. 88]. Итоговый результат изысканий К. Голдин в изучении динамики перепадов занятости женской рабочей силы в экономике США, начиная с конца XVIII в. и вплоть до настоящего времени, был представлен составителями заключения Нобелевского комитета в одном наглядном рисунке.

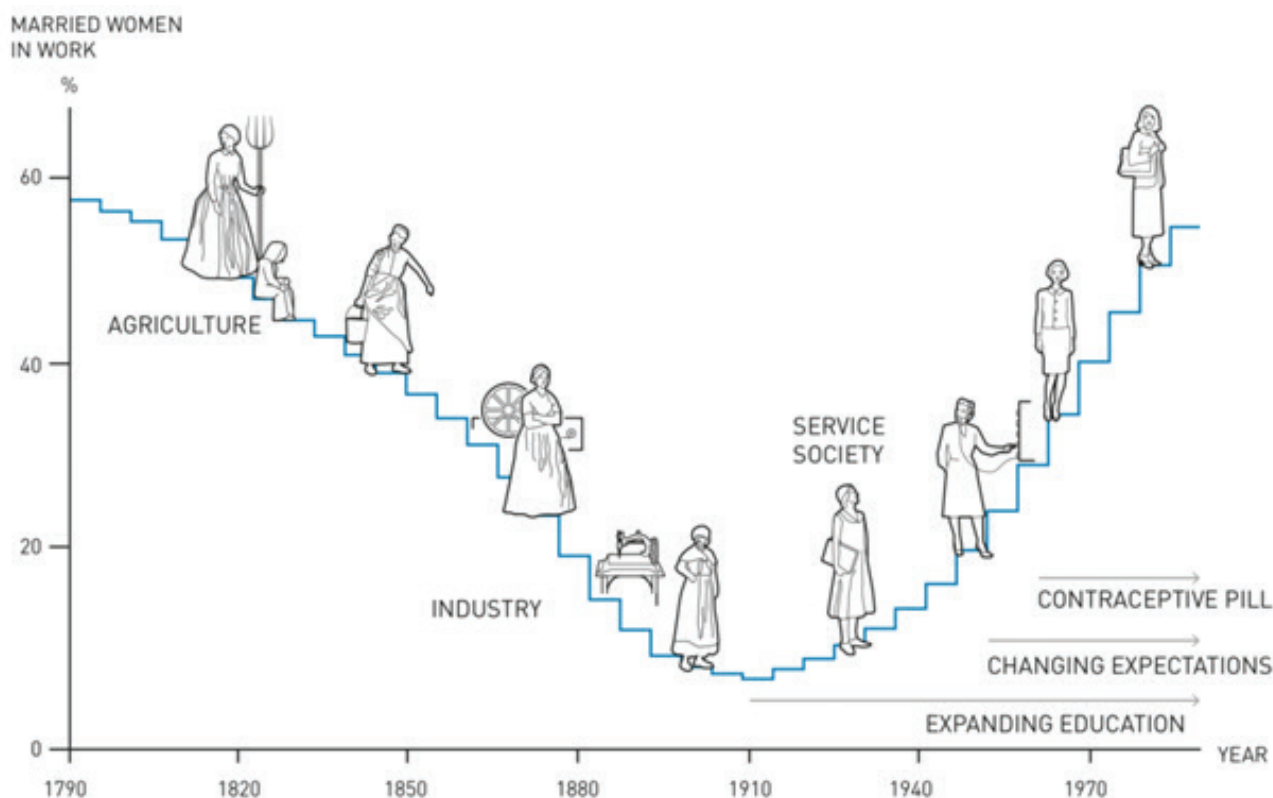


Рис. 1. Динамика занятости женской рабочей силы на рынке труда США и ее основные причины

[History helps... P. 2].

В отличие от параметра женской занятости, который мог рассматриваться как индикатор «тихой экономической революции» (предопределившей возникновение, а вернее сказать — «второе пришествие» гендерной экономики), параметр неэквивалентного соотношения трудовых доходов женской и мужской рабочей силы демонстрировал значительно большую устойчивость. Несмотря на всю совокупность структурных перемен и смену научно-технологических укладов, многовековое отставание женщин от мужчин в заработках сохранялось в американской экономике. Согласно оценкам К. Голдин, в период с 1960 г. по 2003 г. разрыв в средних трудовых доходах женщин и мужчин сократился с 39% до 25%, что наглядно видно из графика.

В аналитическом заключении Нобелевского комитета была приведена собственная оценка его экспертов на основе статистических данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), согласно которым после 2003 г. и вплоть до настоящего времени отношение трудовых доходов женщин к доходам мужчин в экономике США увеличилось с 75% до 83% [Median earnings...], что видно из графика 2.

В трактовке причин фундаментальной неспособности трудовых доходов женщин сравняться с трудовыми доходами мужчин К. Голдин выделила два взаимосвязанных фактора.

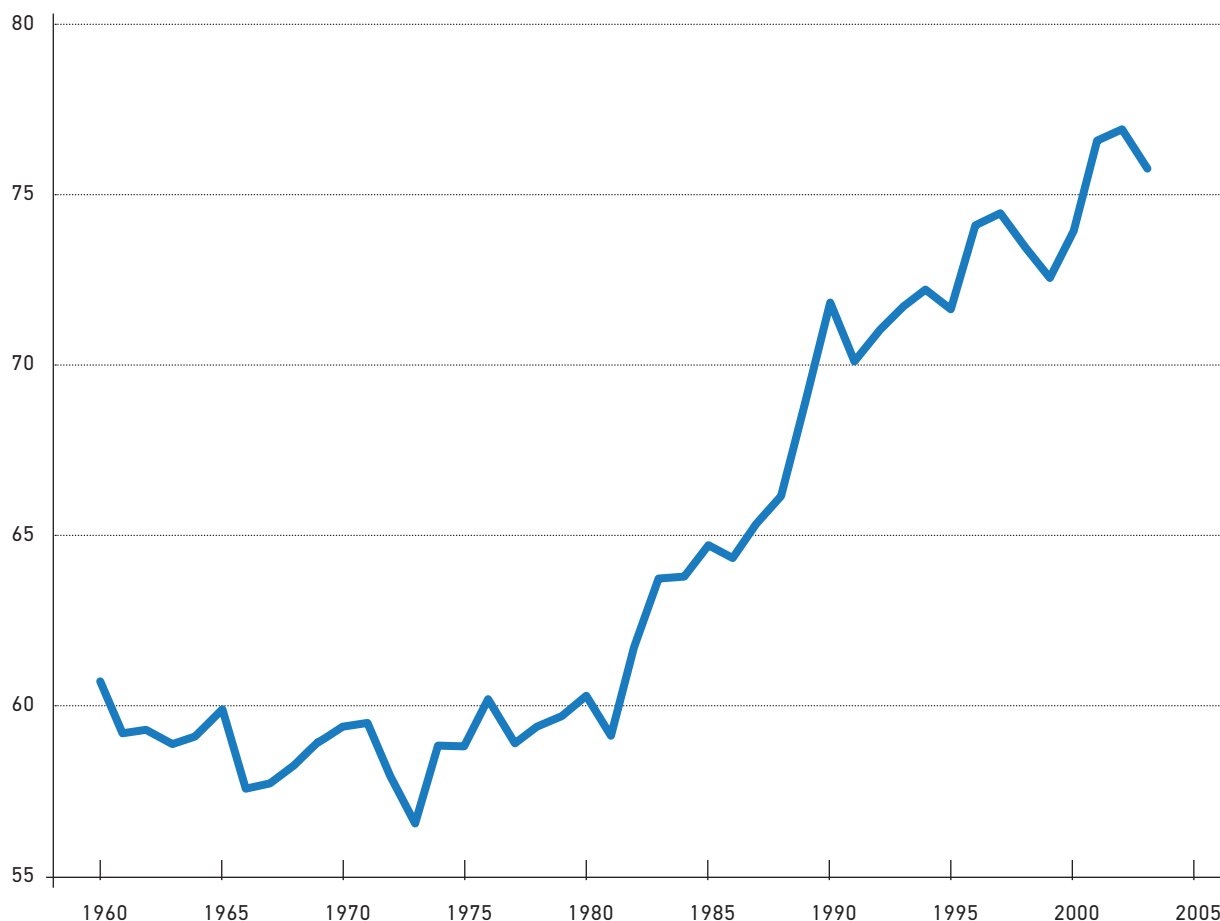


График 1. Сокращение разрыва в средних трудовых доходах женщин и мужчин в экономике США в период 1960–2003 гг., %

[Goldin. The Quiet Revolution... P.13]

Первый напрямую связан с выполнением женщинами материнских функций: начавшая трудовую деятельность молодая женщина, становясь матерью, автоматически «сходит с дистанции» последующего карьерного роста, что и формирует разрыв в оплате труда. Что же касается мужчин, выполнение ими родительских функций практически никак не сказывается на карьерном росте и даже, наоборот, может способствовать увеличению их трудовых доходов. Согласно расчетам К. Голдин, выполненным на примерах выпускников (со степенью магистра) экономического факультета Чикагского университета, окончивших его в 1990–2006 гг., потери матери в размерах ежегодного дохода спустя пять лет после рождения в семье первого ребенка могут превышать 100 тыс. долларов, в то время как молодые отцы могут рассчитывать на прирост годовых трудовых доходов почти в 63 тыс. долларов [Bertrand, Goldin, Katz. P. 248].

Вторым фактором является то, что во многих отраслях американской экономики, использующих труд высококвалифицированной женской рабочей силы, работодатели стремятся идти навстречу замужним женщинам, организуя гибкий трудовой процесс,

предполагающий сокращенный рабочий день, неполную занятость, свободный график. В конечном итоге это приводит к тому, что даже высококвалифицированные специалисты-женщины в массе своей лишаются возможности устойчивого служебного роста и концентрируются в нишах с относительно невысокими уровнями оплаты труда [Goldin, Katz. The Cost... P. 65].

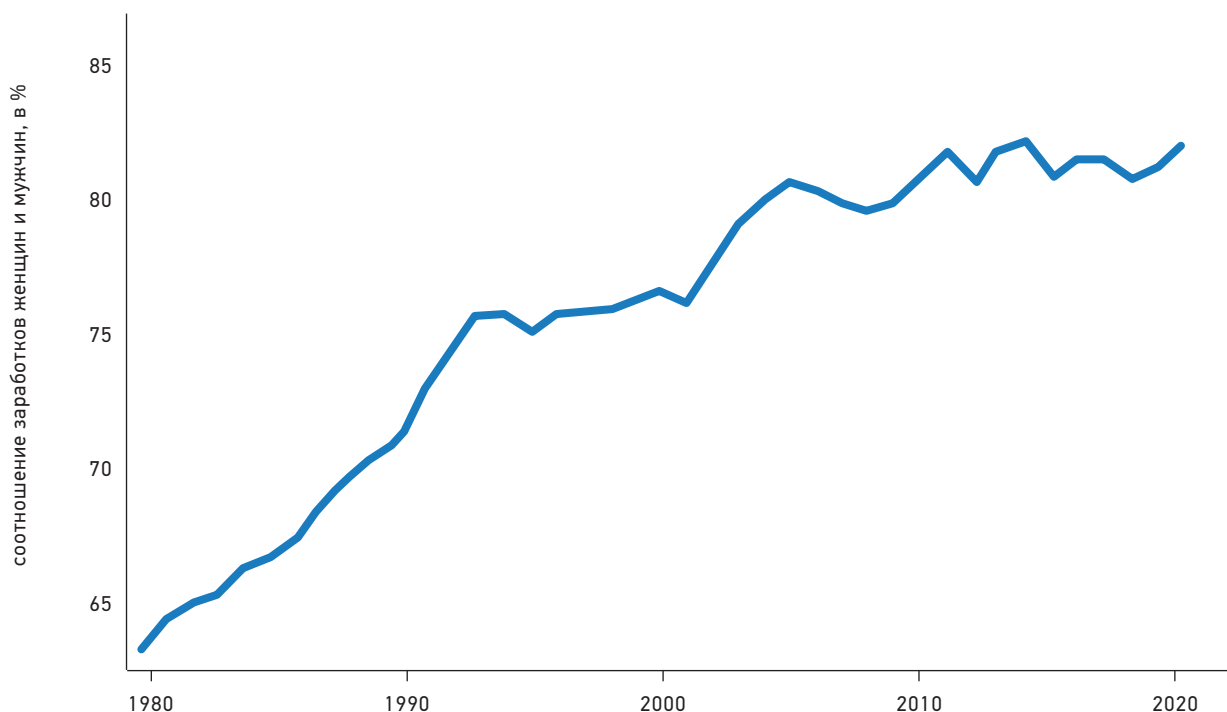


График 2. Сокращение разрыва в средних трудовых доходах женщин и мужчин в экономике США в период 1980–2022 гг., %.

[Scientific Background... P. 13].

Собственный, оригинальный вклад К. Голдин в эволюцию экономической истории роли и значимости женской рабочей силы на рынке труда США выразился в предложенной ею классификационной схеме исторических периодов «гендерной революции» в американской экономике.

Первый этап, согласно этой схеме, занял около 40 лет, с 1890 по 1930 г., и характеризовался формированием системы «самостоятельного работника женского пола», когда на рынок труда США во все большем количестве стали приходить молодые незамужние женщины, имеющие невысокий уровень квалификации. Они трудились в отраслях легкой промышленности и в сфере услуг. Выйдя замуж и став матерями, молодые женщины покидали рынок труда, поскольку их мужья могли обеспечить им более высокий стандарт жизни, нежели собственные заработки [Goldin. The Quiet Revolution... P. 4].

Второй этап продолжался примерно 20 лет и пришелся на период с 1930 по 1950 г. Это было время тектонических сдвигов в американской экономике, связанных с Вели-

кой депрессией 1930-х годов и Второй мировой войной, но применительно к женской рабочей силе оно характеризовалось прогрессирующим снятием барьеров для найма на работу замужних женщин. Доля работающих замужних женщин в США увеличилась с 8% в 1890 г. до 26% в 1930 г. и до 47% в 1950 г. [Goldin. The Quiet Revolution... P. 5].

Третий этап растянулся примерно на 30 лет — с начала 1950-х до конца 1970-х годов, и в трактовке К. Голдин его можно охарактеризовать как закладку основ «гендерной экономики» в США. В этот период трудовая деятельность всех категорий женщин стала приносить им большие экономические выгоды по сравнению с ведением домашнего хозяйства. Женщины стали все больше инвестировать в свой человеческий капитал (т. е. в повышение образовательного и профессионально-квалификационного уровня) по сравнению с инвестициями в «производство детей» и последующим воспитанием подрастающих поколений. Этот период можно также назвать периодом «революционной» смены рациональных экспектаций, когда молодые женщины стали считать, что после рождения детей и первоначального периода их воспитания (допустим, продолжительностью в 10 лет) они могут гарантированно вернуться на рынок труда. В 1967 г. такой точки зрения придерживались 35% молодых женщин в возрасте от 20 до 21 года, а в конце 1970-х годов — уже 75%. Как следствие изменившихся перспектив, девушки и молодые женщины стали стремиться после окончания средней школы получить высшее образование, и на рубеже 1960-х — 1970-х годов количество выпускников-женщин американских вузов стало устойчиво превышать количество выпускников-мужчин [Scientific Background... P. 22].

Наконец, в конце 1970-х годов в США началась и продолжается по настоящее время «тихая революция» на женском рынке труда, которая сформировала облик и отличительные черты «гендерной экономики».

Давая достаточно детальный анализ факторов и особенностей формирования в США «гендерной экономики» на каждом этапе ее становления (на протяжении последних 250 лет), К. Голдин так и не смогла сформулировать четких и аналитически обоснованных рекомендаций для государственной политики США в области регулирования трудовых отношений. В методологическом плане ее работы являются классическим примером ретроспективного объяснения — удачного или не очень — итоговых «результатов функционирования женского рынка труда». С этой точки зрения оценка Нобелевским комитетом сути вклада К. Голдин в прогресс экономических знаний является абсолютно точной, однако тем самым эксперты комитета (возможно, сами того не понимая) констатировали и значительную ограниченность ее научных трудов, поскольку они не дают возможности сформулировать прогностическую модель изменений в «гендерной экономике» США на последующих этапах развития.

Очевидно, что если изменится действие автономных и «независимых от сознания» факторов, то претерпят изменения и результаты, которые, кстати говоря, могут носить в том числе регрессивный характер, т. е. подчиняться закономерностям U-образной модели эволюции рынка труда женской рабочей силы, как это уже имело место в прош-

лом. Исключения составят разве что страны, находящиеся на иных ступенях социально-экономического развития по сравнению с США.

По всей видимости, осознавая тот факт, что работы К. Голдин явно не соответствуют уровню Нобелевской награды, эксперты Шведской королевской академии наук включили в обоснование своего решения примечательный пассаж, который во многом выхолащивает собственные заслуги лауреата: «Один центральный урок исследования К. Голдин заключается в том, что существует множество часто не исключających друг друга объяснений гендерных различий на рынке труда (например, дискриминация, неравенство человеческого капитала, социальные нормы, ожидания рождения детей, технологические изменения, структура рынка труда). И эти объяснения меняются по мере перехода общества от одной стадии развития к другой. Ее работы также ясно показывают, что, поскольку многие факторы гендерного неравенства нередко зависят друг от друга, политика, направленная на один канал влияния, может оказаться недостаточной для достижения значительных изменений. Более того, политика, которая эффективна в одних исторических условиях или в одной стране, может быть неэффективной в других» [Scientific Background... Pp. 5–6].

Цена воинствующего феминизма

В октябре 2023 г. К. Голдин написала сравнительно большое эссе с весьма характерным заголовком: “Почему женщины победили”. Анализируя борьбу женщин за свои права в США в период с 1905 по 2023 г., К. Голдин выявила 155 критически важных эпизодов, из которых 45% пришлись на период 1963–1973 гг. [Goldin. Why Women... P. 1]. Главную идею этого эссе можно истолковать следующим образом: в основе “тихой революции” на рынке женского труда лежала совокупность принятых в 1963–1973 гг. федеральных законов, провозгласивших принцип равных политических и социально-экономических прав женщин с мужчинами. Борьба за права женщин, активная феминистская позиция представлены по сути единственной гарантией прогрессирующего улучшения социально-экономического положения женщины, а все остальные экономические, научно-технические и институциональные факторы — вторичными по отношению к примату активного феминизма. И с этой точки зрения известность и авторитет самой К. Голдин принесли не столько ее научные труды, сколько многочисленные выступления и публикации в СМИ, в которых она представала скорее как деятель феминистского движения [Goldin. Journey Across...], нежели как представитель академического мира.

Научные публикации К. Голдин тоже составляют часть ее борьбы за утверждение равноправной роли женщин не только в повседневной жизни, но и в науке. Стоит отметить, что ее мужем является известный экономист, один из ведущих специалистов США по рынку труда, профессор Гарвардского университета Л. Кац (1959 г. рождения), в соавторстве с которым она написала большое количество своих статей и в 2008 г. издала вызвавшую резонанс книгу “Гонка между образованием и технологией” [Goldin, Katz. The Race...].

В контексте феминистского активизма, продвижения идеологии child-free и других новейших трендов, обращает на себя внимание, что у нового Нобелевского лауреата нет детей, зато на ее официальной персональной странице на сайте Гарвардского университета, наряду с перечнем публикаций и другой профессиональной информацией, две отдельные рубрики отведено любимым собакам четы профессоров К. Голдин и Л. Каца. Эти детали вызывают очередные вопросы о мотивации решения Нобелевского комитета по экономике и в любом случае придают награждению К. Голдин дополнительный идейный посыл.

В этом плане растущая «феминизация» современной экономической науки в целом повышает степень её конформизма и объективно ведёт к снижению накала критики современных экономических систем с позиций необходимости их радикального переустройства, чему противопоставляется алгоритм «тихих революций», растянутых во времени на несколько столетий.

Литература

- Травкина Н.М., Васильев В.С.* Деамериканизация Америки: истоки и последствия // Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 2/3. С. 34–49. — URL: perspektivy.info/upload/iblock/17f/2_3_2021_0_34_49.pdf (дата обращения: 29.12.2023).
- 8 Best colleges for Econometrics and Mathematical Economics in Chicago, IL // EduRank. 18.07.2023. — URL: edurank.org/economics/econometrics/chicago/ (date of access 14.12.2023).
- Bertrand M., Goldin C., Katz L.* Dynamics of the Gender Gap for Young Professionals in the Financial and Corporate Sectors // *American Economic Journal: Applied Economics*. Vol. 2. №3. July 2010. Pp. 228–255.
- Bio for Claudia Goldin // Harvard University. Department of Economics. — URL: scholar.harvard.edu/goldin/biocv (date of access: 14.12.2023).
- Chakravorty A. et.al.* Gender-Based Pay Disparity Study. Final Report. Women's Bureau U.S. Department of Labor. Arlington. 27.09.2019.
- Clegg J., Foley D.* A Classical-Marxian model of antebellum slavery // *Cambridge Journal of Economics*. Vol.43. №1. January 2019. Pp. 107–138.
- Closing the Gender Pay: Act Now. OECD. Paris. 2012.
- Dimand R.* The Cowles Commission at the University of Chicago, 1929–1955. // Cord R. (ed.). *The Palgrave Companion to Chicago Economics*. N.Y. Pp. 103–122.
- Eurostat Methodologies and Working papers. Development of econometric methods to evaluate the Gender pay gap using Structure of Earnings Survey data. 2009 Edition. Luxembourg. 2009.
- Exploring the Present Through the Past. Claudia Goldin on human capital, gender and the lessons from history. An interview with introduction by Brian Snowden // *World Economics*. Vol. 8. № 4. October–December 2007. Pp. 61–124.
- Fogel R., Engerman S.* Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston. 1974.
- Forget E.* Passion and craft: economists at work // *Review of Social Economy*. Vol. 61. №1. March 2003. Pp. 111–128.
- Goldin C.* A Model to Explain the Relative Decline of Urban Slavery: Empirical Results // Engerman S., Genovese E. (eds.). *Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies*. Princeton. 1975. Pp. 427–450.

- Goldin C.* Cliometrics and the Nobel // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. №2. Spring 1995. Pp. 191–208.
- Goldin C.* Journey Across a Century of Women // *Milken Institute Review*. 2021. Second Quarter. Pp. 36–45.
- Goldin C.* The Changing Status of Women in the Economy of the Early Republic: Quantitative Evidence // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 18. №3. Winter 1986. Pp. 374–404.
- Goldin C.* The Economic Role of Women: A Quantitative Approach // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 13. №4. Spring 1983. Pp. 707–733.
- Goldin C.* The Quiet Revolution That Transformed Women’s Employment, Education, and Family // *American Economic Review*. May 2006. Pp. 1–21.
- Goldin C.* The U-shaped Female Labor Force Function in Economic Development and Economic History // *Schultz T (ed.). Investment in Women’s Human Capital and Economic Development*. Chicago. 1995. Pp. 61–90.
- Goldin C.* Understanding the Gender Gap: An Economic History of American Women. N.Y. 1990.
- Goldin C.* Urban Slavery in the American South, 1820–1860: A Quantitative History. Chicago. 1976.
- Goldin C.* Why Women Won // *NBER Working Paper No. 31762*. October 2023. Pp. 1 + 66. — URL: nber.org/papers/w31762 (date of access 14.12.2023).
- Goldin C., Katz L.* The Cost of Workplace Flexibility for High-Powered Professionals // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 638. №1. November 2011. Pp. 45–67.
- Goldin C., Katz L.* The Power of the Pill: Oral Contraceptives and Women’s Career and Marriage Decisions // *Journal of Political Economy*. Vol. 110. №4. August 2002. Pp. 730–770.
- Goldin C., Katz L.* The Race between Education and Technology. Cambridge. 2008.
- Goldin C., Lewis F.* The Economic Costs of American Civil War: Estimates and Implications // *The Journal of Economic History*. Vol. 35. №2. June 1975. Pp. 299–326.
- Goldin C., Polachek S.* Residual Differences by Sex: Perspectives on the Gender Gap in Earnings // *The American Economic Review*. Vol. 77. №2. May 1987. Pp. 143–151.
- Goldin C., Sokoloff K.* The Relative Productivity Hypothesis of Industrialization: The American Case, 1820 to 1850 // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 99. №3. August 1984. Pp. 461–487.
- Gutman H.* Slavery and Number Game: A Critique of Time on the Cross. Urbana. 1975.
- Hilt E.* Economic History, Historical Analysis, and the “New History of Capitalism” // *The Journal of Economic History*. Vol. 77. №2. June 2017. Pp. 511–536.
- History helps us understand gender differences in the labour market. The prize in economic sciences 2023. — URL: nobelprize.org/uploads/2023/10/popular-economicsciencesprize2023.pdf (date of access 14.12.2023).
- Howard V.* Book reviews: Urban Slavery in the American South, 1820–1860: A Quantative History, by Claudia Dale Goldin // *Pensylvania History*. Vol. 45. №2. April 1978. Pp. 185–186.
- Margo R.* The Integration of Economic History into Economics // *NBER Working Paper No. 23538*. June 2017. — URL: nber.org/papers/w23538 (date of access 14.12.2023).
- Median earnings for women in 2022 were 83.0 percent of the median for men // *U.S. Bureau of Labor Statistics. The Economics Daily*. 25.01.2023. — bls.gov/opub/ted/2023/median-earnings-for-women-in-2022-were-83-0-percent-of-the-median-for-men.htm (date of access: 14.12.2023).
- Nobel Laureats. Economic Sciences. // *The University of Chicago*. — URL: uchicago.edu/who-we-are/global-impact/accolades/nobel-laureates (date of access: 14.12.2023).

- Offer A., Södenberg G.* The Nobel Factor: The Prize in Economics, Social Democracy, and the Market Turn. Princeton. 2016.
- The Prize in Economic Sciences 2023. Press release. 09.10.2023. — URL: nobelprize.org/uploads/2023/10/press-economicsciencesprize2023.pdf (date of access: 14.12.2023).
- Romer Ch.* The End of Economic History? // The Journal of Economic Education. Vol. 25. № 4. Winter 1994. Pp. 49–66.
- Scientific Background to the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2023. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. The Royal Swedish Academy of Sciences. 9 October 2023. — URL: nobelprize.org/uploads/2023/10/advanced-economicsciencesprize2023.pdf (date of access: 14.12.2023).
- Sutch R.* The Economics of African American Slavery: The Cliometrics Debate // NBER Working Paper No. 25197. October 2018. — URL: nber.org/papers/w25197 (date of access: 14.12.2023).
- Sutch R.* Urban Slavery in the American South, 1820–1860: A Quantitative History. By Claudia Dale Goldin. Review // The Journal of Economic History. Vol. 37. № 3. September 1977. Pp. 802–804.
- Szenberg M.* (ed.). Passion and Craft: Economists at Work. Ann Arbor. 1998.
- U.S. Fertility Rate 1950–2023. // Macrotrends. — URL: macrotrends.net/countries/USA/united-states/fertility-rate (date of access: 14.12.2023).
- Walker P.* Time Traveler. Profile of Harvard Economist Claudia Goldin // IMF. Finance & Development Magazine. December 2018. — URL: imf.org/en/Publications/fandd/issues/2018/12/profile-of-harvard-economist-claudia-goldin (date of access: 14.12.2023).
- Weiss Th.* Review: Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery // EH.net. 15.11.2001. — URL: web.archive.org/web/20111220190203/http://eh.net/node/2749 (date of access: 14.12.2023).
- Wright G.* Urban Slavery in the American South, 1820–1860: A Quantitative History. By Claudia Dale Goldin // Journal of American History. June 1977. Pp. 154–155.
- This Year's Prizewinners are Leading Figures Within the Field of “New Economic History”. Press release // The Nobel Prize. 12.10.1993. — URL: nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/press-release/ (date of access: 14.12.2023).
- Yoe J.* Understanding slavery through cliometrics // U.S. Bureau of Labor Statistics. January 2019. — hbls.gov/opub/mlr/2019/beyond-bls/understanding-slavery-through-cliometrics.htm (date of access: 14.12.2023).

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-46-65

УДК 94(410); 323; 327

Антон Крутиков

Первая мировая война и историческая память в Великобритании

Аннотация. Автор рассматривает формирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Великобритании и ее современные проекции в общественно-политической жизни Соединенного Королевства. Новые «места памяти» и практики коммеморации появились в результате беспрецедентной коллективной травмы 1914–1918 гг. В военных испытаниях Первой мировой войны родилось новое объединяющее британцев чувство, ставшее позднее важной частью их идентичности. Современные процессы и вызовы актуализировали столкновение разных моделей коллективной памяти, за которым стоят глубинные ценностные и культурные противоречия.

Ключевые слова: Великобритания, Первая мировая война, коллективная память, историческая память, национальная идентичность, патриотизм, антивоенные нарративы, столетие Первой мировой войны.

Последствия Первой мировой войны 1914–1918 гг. для британского общества, как и для других народов Европы, оказались уникальны по глубине социальных, демографических, экономических и культурных трансформаций. Война нанесла коллективную травму миллионам британцев, не сопоставимую с социальными потрясениями предыдущих эпох. На смену эдвардианскому аристократичному консерватизму, снисходительному «патернализму» элит в отношении масс в военных испытаниях родилось новое коллективное чувство. Гражданская солидарность во многом определила характер новой британской идентичности в межвоенную эпоху и ее последующее развитие во второй половине XX столетия.

Военные усилия Великобритании впервые в истории потребовали массовой мобилизации, которая охватила в 1914–1918 гг. почти 25% взрослого мужского населения королевства (включая Ирландию), в общей сложности более 5 млн человек. Среди них лишь на начальном этапе преобладали добровольцы. До сих пор одной из главных исторических ассоциаций британцев с трагедией 1914 г. остается призыв военного министра лорда Герберта Китченера: «Ты нужен своей стране» [Messinger. British... С. 216]. Этот девиз, впервые появившийся на обложке сентябрьского номера журнала London opinion, не смог оказать должного мобилизующего воздействия в экстраординарных условиях мировой схватки.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — независимый историк и политический аналитик, bialyorzal1000@gmail.com.

Добровольцев после введения всеобщей воинской обязанности в январе 1916 г. заменили мобилизованные мужчины в возрасте 18–41 года (более 2,5 млн) [Conscription...]. В апреле 1918 г., с принятием новой редакции Акта о военной службе, призывной возраст был повышен до 51 года [Там же]. На смену небольшой профессиональной армии мирного времени под командованием офицеров из аристократических фамилий пришел мобилизованный вооруженный народ. Это было характерно для большинства участников конфликта, подтверждая теорию одного из его идеологов, фельдмаршала Г. Мольтке-старшего, считавшего подобный переход принципиально важным для «воспитания нации».

Для страны с населением в 45 млн человек военные потери Великобритании были огромны: они достигли 880 тыс., что составляло 6% взрослого мужского населения королевства и 12,5% призванных на военную службу (13,1% с учетом пропавших без вести) [The Fallen...]. Всеобщая перепись населения 1921 г. зафиксировала 109 женщин на каждые 100 мужчин [Там же]. В целом же в Первой мировой войне погибли 1,2 млн подданных Британской империи (с учетом колоний и доминионов) [Haythornthwaite. С. 382]. Около 1,6 млн британцев вернулись домой ранеными или инвалидами [Там же].

Окончание войны принесло ее участникам и их семьям не столько желанное облегчение, сколько новую социальную реальность, осложненную безработицей (до 2 млн человек), социальным неравенством, экономическими трудностями, политическими проблемами в Ирландии и кризисом идентичности. Послевоенная мирная жизнь была связана для многих скорее с разочарованиями, чем с надеждами. Британское общество оказалось в состоянии духовного кризиса, для преодоления которого требовалось дать ответ на ряд неудобных вопросов, в частности, найти смысл и оправдание жертвам войны как на общенациональном, так и индивидуальном уровне — для самих ветеранов и членов их семей.

Коллективная память о войне в данных обстоятельствах была не столько проявлением исторической рефлексии, сколько средством социальной терапии. Несмотря на массовый и тотальный характер войны, глубину вызванных ей социальных трансформаций, в общественном сознании Великобритании она так и не стала «народной», а тем более «справедливой». Напротив, Первая мировая война всегда рассматривалась в британском обществе как трагедия, катастрофа для всей европейской цивилизации, разрушившая судьбы миллионов.

По словам американского историка Аллана Мегилла, в таких условиях, когда под воздействием потрясений национальная «идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [Мегилл. С. 137]. Массовый характер войны предопределил и массовый характер памяти о ней. Общество, приведенное в движение военными испытаниями экстраординарного масштаба, выработало необходимый для самосохранения коллективный ответ. «Войны в этот период, — пишет другой американский историк, профессор Йельского университета Джей Винтер, известный своими исследованиями Первой мировой войны, — вывели культ памяти на уровень массового про-

изводства и потребления» [Winter. С. 25]. Рождение новых массовых коммеморативных практик и создание новых мест коллективной памяти в XX в., считает автор, есть не что иное, как «попытка публичного осмысления болезненных вопросов прошлого» [Winter. С. 140].

Согласно концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора, значение коллективной памяти еще шире и определяется способностью управлять присутствием прошлого в настоящем, в том числе за счет устойчивости и массовости воспоминаний. История и память обычно не совпадают, их «интересы» дистанцированы, хотя и взаимозависимы. Прошлое не может быть монополизировано профессиональными историками, поскольку «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них» [цит. по: Филиппова. С. 76]. Последнее в полной мере относится к формированию корпуса представлений о событиях Первой мировой войны в Великобритании.

Первые послевоенные поколения заложили новую традицию коммеморации, направленную не на прославление отдельных исторических личностей — военачальников и политических лидеров, как было до эпохи 1914–1918 гг., а на опыт простого солдата, прошедшего через войну. Общество и власть оказались в равной мере в этом заинтересованы, прежде всего для скорейшего примирения с масштабом жертв. В июле 1920 г. в Лондоне был открыт Имперский военный музей, ставший результатом настойчивых попыток объединить официально-патриотическое и «народное» измерение памяти о Первой мировой. По мнению его основателя, промышленника и политика Альфреда Монда, музей задумывался не как «памятник воинской славы», а как «летопись труда и самопожертвования» [The History of IWM]. Обращаясь к королю Георгу V, официально возглавлявшему церемонию, Мوند подчеркнул «народный» характер этого нового места памяти: каждый, «кто принимал участие в войне, смог бы найти в нем пример или иллюстрацию той жертвы, которую он принес» [Who set up...].

Персонификация и индивидуализация памяти доминировали над «глобальным» и «имперским» измерением конфликта, превращая воспоминания в глубоко личные переживания, имеющие корни в семейной «микроистории». За счет стихийности и массовости такие воспоминания сформировали в послевоенных поколениях новое коллективное чувство, до сих пор составляющее важную часть британской идентичности. Это объясняет непопулярность последующих попыток продвижения официального патриотического дискурса о войне и глорификации символов «победы» в мировом конфликте, который воспринимался скорее как общенациональная трагедия.

В современном британском обществе для коллективной памяти о Первой мировой войне характерны устойчивость и распространенность связанных с ней образов прошлого, определенных исторических стереотипов, военных мифов, символов и коммеморативных практик. Эти образы и практики сегодня актуальны и широко представлены в британской политике, массовой культуре, жизни Англиканской церкви, ветеранских и общественных организаций.

Британские солдаты — «жертвы войны»

Восприятие Первой мировой в британском общественном сознании имеет характерную особенность — у этой войны мало узнаваемых героев. Главными мемориальными символами «Великой войны» стали коллективные памятники павшим на ее полях. Война оставила в британской традиции коммеморации два наиболее значимых места памяти: «Кенотаф» и могила Неизвестного солдата в Вестминстере.

Останки неопознанного британского солдата, погибшего на Западном фронте, были захоронены 11 ноября 1920 г. в Лондоне в Вестминстерском аббатстве, внутри сакрального символа британской истории и политической традиции. Захоронение среди английских королей и «самых прославленных людей этой земли»¹ подчеркивало вклад в достижение победы сотен тысяч британцев, исполнивших свой солдатский долг, что еще более усиливала выбранная дата — День Компьенского перемирия 11 ноября. Но одновременно это был и своеобразный «акт примирения», в котором соединились желание элит сместить акцент с собственных военных ошибок и геостратегических просчетов на увековечивание памяти павших и «жажда справедливости» миллионов рядовых британцев, потерявших своих близких.

Не менее символичным оказался Кенотаф — пустая могила и военный мемориал на центральной правительственной улице Уайтхолл в Лондоне. Построенный специально для парада победы британцев и их союзников, он занимает центральное место в традиции военной коммеморации. Именно здесь, в центре британской столицы, в 1919 г. впервые были объявлены «две минуты молчания», появилась практика ежегодного возложения венков, а участники торжеств начали украшать себя красными маками. Общенациональное значение мемориала заключалось в том, что еще в годы войны было принято решение не возвращать на родину тела жертв конфликта. Пустая могила и обелиск над ней стали символом коллективной памяти о всех павших на полях Первой мировой для современников и последующих поколений.

Личное и коллективное измерения исторической памяти о Первой мировой оказались, таким образом, тесно переплетены. Первые и наиболее яркие воспоминания о конфликте принадлежали его непосредственным участникам. Память о павших на фронте стихийно формировалась в послевоенные годы как память не о «героях-победителях», но о жертвах, где акцент делался на исполненном долге перед церковью, родиной и королем, а не на победе над врагом. Парадная архитектура мастера британского неоклассицизма Эдвина Лаченса, создавшего обелиск на улице Уайтхолл, была призвана связать это новое «место» исторической памяти с официальной традицией глорификации британских военных побед.

Символически представленные в обелиске Кенотафа тени павших героев войны («благородная армия мертвых») уже более ста лет соседствуют с административными

¹ Строки эпитафии.

зданиями Уайтхолла, где в 1914–1918 гг. находились «центры принятия решений», ответственные за организацию военных усилий Британии в мировом конфликте. В частности, совсем рядом находится старое здание Адмиралтейства, где в 1915 г. жил и работал первый морской лорд Уинстон Черчилль. Взаимопроникновение «элитарного» и «народного» измерений памяти о мировом конфликте здесь, возле окруженного правительственными зданиями монумента, проявляется в том числе и на уровне исторической городской среды.

В отличие от традиции континентальной Европы, британская архитектура иначе конструирует общественные пространства — она не монументальна, а органично вписана в окружающий исторический и городской ландшафт. «Незаметность», как одна из традиционных добродетелей, в Британии эквивалентна вечности, поэтому пустая могила и скромный обелиск стали в большей мере народным, чем официальным символом памяти о сотнях тысяч британцев, сражавшихся в Европе, чьи останки никогда не вернулись на родину.

Что же касается могилы Неизвестного солдата, она изначально также задумывалась как дань памяти погибших за «Бога, короля и страну» простых британцев и имела то преимущество, что оказалась помещена в уже существующий сакральный некрополь. Однако, как заметил историк Вестминстерского аббатства Ричард Дженкинс, «горечь войны неожиданно перечеркивает торжественное величие монумента» [Дженкинс. С. 190].

Вклад Кенотафа и могилы Неизвестного солдата в формирование «народной» традиции почитания памяти павших (при активном участии Англиканской церкви) несомненен. С 1920 г. Кенотаф ежегодно является центром торжеств в Воскресенье памяти (Remembrance Sunday, ближайшее воскресенье к 11 ноября), когда возле символической пустой могилы совершается всенощное бдение с участием ветеранских организаций и англиканского духовенства.

Значение двух межвоенных десятилетий для формирования новой традиции британской военной коммеморации трудно переоценить. Второй кабинет Дэвида Ллойд-Джорджа (1918–1922) стал не просто современником, но и фактическим основателем тех коммеморативных практик и мест памяти, которые существуют сегодня. При нем открылся Имперский военный музей в Лондоне, впервые были объявлены «две минуты молчания», появилась могила Неизвестного солдата, прошел первый парад у Кенотафа, а ветераны начали украшать себя красными маками.

Символично, что германское оружие, вновь обрушившись на Англию спустя 20 лет после окончания «Великой войны», оказалось бессильно против преобладающего смыслового, идейного содержания коллективной памяти, сформированной в межвоенные годы. С учетом всех наслоений и трансформаций, вызванных военными потрясениями 1939–1945 гг., Первая мировая так и не стала «справедливой» в британском массовом сознании. Борьба против кайзера для склонных к рефлексии британцев не

могла быть приравнена к войне против Гитлера. Что же касается собственных политических и военных лидеров, то, по мнению британского общества, в 1940-е годы они проявили себя более эффективно.

В этом состояло фундаментальное различие исторической памяти британцев о двух мировых войнах: фигур, подобных премьеру Уинстону Черчиллю и королю Георгу VI Первая мировая война не выдвинула. Подлинными героями коллективной памяти о Первой мировой навсегда остались простые британские солдаты, а не полководцы или национальные лидеры.

Коллективная память британцев объединила нацию вокруг тех аспектов опыта «Великой войны», которые имели глубоко личное измерение, касались жизни каждого, вызвали устойчивые эмоциональные переживания. Западный фронт с его небывалыми масштабами военных операций и беспрецедентным уровнем лишений простых солдат сгенерировал львиную долю военных воспоминаний. Они продолжают жить в британском обществе как на уровне «микроистории» и семейной памяти, так и в публичном историческом дискурсе и массовой культуре.

Битвы вокруг Западного фронта

Новая традиция коммеморации, заложенная в 1918–1939 гг., соединила в себе официальный публичный исторический дискурс и стихийное «народное» измерение коллективной памяти. Британские элиты не остались в стороне от этого процесса, причем, когда это было тактически выгодно, были склонны поддержать доминирующую в обществе точку зрения.

Давно замечено, что наиболее известные критические оценки конфликта вышли из-под пера двух видных политических деятелей военного времени: Уинстона Черчилля в книге «Мировой кризис», том III (1927) и Дэвида Ллойд Джорджа в книге «Военные мемуары», том II (1933). У обоих были личные причины критиковать ход войны, поскольку они были сторонниками стратегии, направленной на поиск альтернативы изнурительной позиционной борьбе на Западном фронте.

В целях собственной послевоенной реабилитации Черчилль и Ллойд Джордж выступили с критикой своего давнего оппонента, фельдмаршала Дугласа Хейга (получившего прозвище «мясник Хейг» за наибольшие в истории потери, понесенные британской армией под его командованием). Черчилль утверждал, что все наступательные операции союзников в Европе до августа 1918 г. были «столь же безнадежными, сколь и катастрофическими». Однако он отдавал должное военному искусству Хейга и французского маршала Фоша, в конце войны реабилитировавших себя «стодневным наступлением, которое будет вызывать удивление у будущих поколений» [Churchill].

Ллойд Джордж, занявший премьерский пост в 1916 г., приложил максимум усилий для вступления США в войну на стороне союзников и «завоевания победы» чужими

руками. Как и Черчилль, он настаивал на необходимости нового военно-стратегического плана, стремясь перенести центр военных усилий на юго-восток, на Балканский полуостров. В своих воспоминаниях он подробно останавливается на этом аспекте, утверждая, что осуществление такого плана сразу отдало бы победу в руки союзников.

К трагедии Западного фронта и огромным потерям, по мнению Ллойд Джорджа, привели ошибки его предшественников, которые не только не смогли избежать войны, но и вели ее неправильно. Все, что происходило на Западном фронте в 1914–1916 гг., британский премьер считал чередой ошибок. Говоря о своих оппонентах, Ллойд Джордж был гораздо более критичен, нежели Черчилль, описывая фельдмаршала Хейга как «интеллектуально и темпераментно не соответствующего своей роли» и «второсортного» (по сравнению с французским маршалом Ф. Фошем) военачальника [Lloyd]. Часть вины британский премьер возложил на бывшего министра иностранных дел Эдуарда Грея, «забывшего» уведомить германского императора о неизбежном вмешательстве Англии в случае нарушения бельгийского суверенитета в 1914 г. В целом Ллойд Джордж говорил о начале войны как об аномальном событии, роковом шаге, которого ни одна из европейских великих держав не хотела.

Появление новых прочтений истории Первой мировой, описывающих ее ход как череду ошибок, было отражением внутрисполитической и общественной борьбы в Великобритании того времени. Такие версии удачно накладывались на уже существующую коллективную память британцев и в дальнейшем продолжали жить «внутри» нее. В 1920-е годы в обществе сформировался актуальный запрос не только на преодоление психологической травмы, нанесенной британской нации в 1914–1918 гг., но и на недопущение подобной трагедии в будущем.

При этом новая традиция коммеморации внешне выглядела органично, так как возникла в результате слияния политического инстинкта самосохранения элит и стихийного «народного» измерения коллективной памяти. В межвоенное двадцатилетие элитарное и народное измерения памяти о Первой мировой часто пересекались, тем более что они нуждались друг в друге для обоснования и популяризации собственных нарративов.

Так, например, военный писатель Бэзил Лиддел Харт, демобилизованный из армии после отравления газом на Сомме в 1916 г., выступил в качестве военного советника Ллойд Джорджа при написании его мемуаров. Он также пропагандировал свои собственные взгляды в книгах и в качестве военного корреспондента британских газет. Для Лиддела Харта битва при Сомме и Западный фронт олицетворяли в целом трагедию Британии и Европы в эпоху Первой мировой войны.

Подобный подход был широко представлен в британской литературе. В течение двух десятилетий были написаны сотни книг, заключающих в себе военный опыт очевидцев: воспоминания ветеранов, сборники писем с фронта и мемуары. В Национальном архиве Великобритании хранится письмо рядового Томаса Уоттса с Дарданелльского

фронта, вступившего в армию добровольцем. Это письмо было размножено на пишущей машинке в 1915 г. и распространялось среди его друзей и знакомых на родине. Автор говорит о «бесконечном кошмаре» войны, но с теплотой отзывается об У. Черчилле [Dardanelles...]. «Если меня пощадят и я вернусь домой, я смогу рассказать вам обо всем, но я не могу писать, потому что слова меня подводят. Я не могу описать происходящее» [Там же].

Понадобилось время, чтобы бывшие ветераны смогли подобрать подходящие слова и рассказать о своем опыте и военных переживаниях. В первое десятилетие после окончания Первой мировой в Великобритании постепенно приобрела популярность автобиографическая литература, в которой практически ни один автор не обходил стороной тему жертв и лишений войны, понесенных ради спасения нации.

На рубеже 1920–1930-х годов наблюдается постепенный переход в дискурсе военной коммеморации от темы жертвы к призывам избежать повторения трагедии 1914 г. и любого проявления войны в будущем [Смирнова. Особенности изучения... С. 97]. Популярность антивоенных нарративов росла параллельно с развитием нового европейского кризиса, вызванного экономическими проблемами и активизацией германского реваншизма, принявшего национал-социалистические формы. Наиболее ярким примером этого перехода является публикация целой серии автобиографических (и критических по содержанию) романов о войне, написанных ветеранами [Романова. С. 95].

В 1929 г. были опубликованы воспоминания Роберта Грейвза «Прощай все это», вызвавшие бурную полемику. Война, по мнению автора, стала началом новой эпохи, в которой официальный патриотизм уже не играет решающей консолидирующей роли в обществе. Рост интереса к новым социальным явлениям, в частности, атеизму, феминизму и пацифизму, ставил под вопрос традиционные механизмы мобилизации и мотивации как на фронте, так и в тылу. Офицер Королевских уэльских стрелков Грейвз, раненый в битве при Сомме, не видел никакого смысла в войне, главными характеристиками которой выступали жестокость и некомпетентность командования и сослуживцев. Пережив начальный период наступления на Сомме, Роберт Грейвз убедился, что традиционный британский героизм не приносит желаемого результата. «Средняя продолжительность жизни унтер-офицера пехоты на Западном фронте составляла на некоторых этапах войны всего около трех месяцев; к тому времени он был либо ранен, либо убит» [Graves. С. 272].

Находясь в тылу во Франции, Грейвз был поражен количеством документов, свидетельствующих о расстрелах дезертиров. Такая участь, по его словам, часто ожидала и немецких военнопленных (и точно так же немцы поступали с ранеными британцами) [Graves. С. 287–289].

Военная травма осталась с писателем на всю жизнь. Сослуживцы Грейвза Эдмунд Бланден и Зигфрид Сассун выступили с критикой его книги и опубликовали свои воспоминания. «Оттенки войны» Бландена (1928) и «Воспоминания Джорджа Шерстона»

Сассуна (1937) стали классикой британской военной прозы. Эти работы также вызвали общественную полемику. Книга Грейвза «Прощай все это» стала обязательной для изучения в школах англоязычных стран и внесла значительный вклад в формирование образа «войны-трагедии» для Великобритании и Содружества Наций [Pickering].

В литературе, созданной британскими ветеранами в 1920–1930-е годы, легко угадывается общеевропейская антивоенная тенденция, нашедшая выражение в произведениях Э.М. Ремарка, С. Цвейга и других авторов. В дальнейшем считалось хорошим тоном в любой исторической дискуссии вокруг Первой мировой обращаться к авторитету ветеранов.

Эта тенденция не была поколеблена военными испытаниями 1939–1945 гг., которые только усилили ранее сформированное коллективное чувство. Нация во второй раз за полвека оказалась объединена для борьбы против внешнего врага, причем общество и государство активно использовали уже опробованные ранее мобилизационные практики. Фигура У. Черчилля, объединившая британцев, теперь рассматривалась как универсальный исторический символ, в котором органично слилось наследие двух мировых войн. В конечном итоге именно политики «нового типа», способные эффективно действовать в условиях тотальной войны, смогли выиграть битву за Англию. В этом контексте Первая мировая стала рассматриваться как прелюдия к Второй мировой, а ее «трагические ошибки» исправила победа союзников в 1945 г. благодаря более эффективному лидерству.

Ревизионизм, социальная история и массовая культура

К 1960-м годам в Великобритании окончательно утвердились представления о Первой мировой как о войне-трагедии. Они характеризуются восприятием войны как общенациональной и европейской катастрофы и сфокусированы на коммеморации жертв конфликта, а не глорификации его героев. Актуальные проблемы той эпохи, такие как угроза ядерного конфликта и войны за колониальное наследие (включая кризис в Северной Ирландии), повлияли на общественное восприятие истории Первой мировой. В это время особенно востребованными оказались мемуары и труды авторов межвоенного периода (таких как Д. Ллойд Джордж и Б. Лиддел Харт), содержащие критику британского командования на Западном фронте, послужившие отправной точкой для начала новой дискуссии.

В 1961 г. была опубликована книга политика-консерватора и историка Алана Кларка «Ослы» (The Donkeys), консультантом и рецензентом которой выступил Лиддел Харт. Эта работа содержала нелицеприятную характеристику британского генералитета, описанного автором как «сочетание амбиций, недальновидности и еще чего-то худшего». Книга была позитивно встречена частью британской политической элиты; в частности, Уильям Эйткен, барон Бривербрук, медиамагнат и политик, рекомендовал ее У. Черчиллю [Trewin. С. 176–189].

Развитие такого направления исследований, как социальная история, в Великобритании совпало с пятидесятилетним юбилеем событий 1914–1918 гг., актуализировав как общественную дискуссию вокруг Первой мировой, так и ее научное изучение. При этом ревизия истории «Великой войны» отразила борьбу между взглядами разного политического спектра, особая роль в которой принадлежала левым и неомарксистским течениям.

Книга известного британского историка Джона Персиваля Тейлора «Первая мировая война: иллюстрированная история», опубликованная в 1963 г., до сих пор остается одной из самых читаемых публикаций о той войне в британском обществе. Идеи автора не являются, строго говоря, научными, но широко представлены в массовом сознании, так как коллективная память не тождественна ни официальной, ни профессионально-научной истории.

По мнению Дж. П. Тейлора, «битва на Сомме создала картину, по которой будущие поколения видели Первую мировую войну: храбрые беспомощные солдаты; безрассудные упрямые генералы; никаких достижений» [Taylor]. Разумеется, политическое прошлое Тейлора, его пребывание в Компартии, визиты в СССР, в целом воспитание в духе английского межвоенного пацифизма частично объясняют этот взгляд.

Открытие архивов после истечения пятидесятилетнего срока (Закон о публичных документах 1958 г.) позволило историкам привлекать для изучения соответствующие документальные материалы. В авангарде идейных споров эпохи исторического ревизионизма 1960-х был историк Джон Террейн. Он был одним из авторов документального телесериала BBC «Великая война», его книги оказали большое влияние на научные дебаты. Повторяя многие аргументы, приведенные в предыдущих биографиях, в книге «Дуглас Хейг: образованный солдат» (1963) он выступил в поддержку фельдмаршала Хейга, которая распространялась и на британский генералитет в целом.

Важно отметить, что Террейн был готов поддержать традицию критики ошибок и неверных решений Хейга. Но он пришел к выводу, что фельдмаршал был по крайней мере не хуже своих современников.

В других работах автор делал акцент на военных технологиях: тупик на Западном фронте, по его мнению, во многом определялся пределами технического прогресса, а не ошибками командования. В связи с этим не было простого способа победить в окопной войне. Террейн также утверждал, что Западный фронт был ключом к победе союзников, и что именно на нем была выиграна война, поскольку экономические и людские ресурсы Германии были истощены. Подобно Черчиллю, Террейн также выделил Стодневное наступление 1918 г. как главное достижение британских войск на Западном фронте [Mayhew].

Однако такие исследователи, как Норман Диксон, а позднее Тревор Уилсон и Робин Прайор, подвергли сомнению выводы Террейна, особенно в части характеристики

маршала Хейга и генералитета. Работавший на стыке психологии и военной истории Н. Диксон ввел понятие «военная некомпетентность» — термин, который использовался им для обозначения ситуаций, когда главнокомандующий проигрывает сражение вопреки своей уверенности в победе. Автор указывал на пагубную роль аристократизма и nepотизма в армии, повлиявших на британскую систему назначений на военные должности.

Ревизия истории Первой мировой не ограничилась обсуждением в академической среде нарративов мемуарной литературы, содержащих в себе критику военного командования и политического руководства. Она приобрела широкое социально-политическое измерение и стала возможной с фактического согласия британского истеблишмента. Об этом говорят благожелательные оценки книги Алана Кларка «Ослы» со стороны представителей элиты и положительные рецензии (например, в *The Times*, издании, прочно ассоциируемым с правящими кругами Великобритании). Исторический миф о «львах, ведомых ослами», наложился на актуальный запрос элит и массовую «жажду справедливости» в обществе, переживающем послевоенный кризис. Социальная трансформация и послевоенное восстановление Великобритании опирались на программу правительственных реформ и требовали общественного консенсуса. Важным элементом стабильности было согласие общества по ключевым вопросам прошлого, и историческая память о войне теперь выступала средством достижения классового и социального мира.

Своего пика «антивоенное» измерение коллективной памяти о Первой мировой достигло в конце 1980-х годов. Отметим, что образ «войны-трагедии» сформировался в эпоху, непосредственно предшествовавшую развитию глобальных информационных систем, с характерными для нее каналами коммуникации. Телевидение и печатная пресса, наряду с популярной исторической литературой и семейной «микроисторией», стали одними из главных каналов распространения исторической рефлексии для миллионов британцев. В сфере массовой культуры к популяризации антивоенного взгляда оказались причастны лучшие творческие силы. Исторические образы, которые создали известные актеры Роуэн Аткинсон, Стивен Фрай и Хью Лори, до сих пор остаются легко узнаваемыми культурными клише.

Британский выбор

Традиционный корпус представлений о Первой мировой войне, сложившийся в британском обществе к 1960-м годам и развивавшийся в дальнейшем с учетом наслоений исторической памяти и опыта других военных конфликтов (Фолклендской войны 1982 г., войны в Ираке 2003 г.), в последнее время размывается, уступая место новым ценностям, иной информационной и идеологической повестке. На протяжении нескольких десятилетий в Великобритании происходит смещение ценностей общества от национальных к глобалистским — через поворот к левому либерализму, мультикультурализму, правам меньшинств, «инклюзивности», «зеленой» повестке («устойчивому развитию»). Ярким индикатором перемен стали события столетнего юбилея нача-

ла Первой мировой войны в 2014 г. Несмотря на грандиозность памятных мероприятий и размер средств, потраченных на их подготовку (только обновление Имперского военного музея в Лондоне обошлось в 50 млн фунтов), юбилей обнаружил столкновение разных точек зрения на прошлое и возбудил новые дискуссии.

«Битва академиков», как писал журнал *The Times Higher Education*, в 2014 г. вышла далеко за рамки академической среды. Споры о том, как следует отмечать столетний юбилей, выявили столкновение двух противоположных ценностных подходов: «экуменического, либерального, дружественного Европе, рассматривающего конфликт как трагическую и бессмысленную бойню, разрушившую европейскую цивилизацию», с одной стороны, и «признающего самопожертвование британских военных и солдат империи, формирующего гордость за одержанную ими в итоге победу» — с другой [Collective memory...].

Как было отмечено в публикации, аргументы, которыми руководствовались британские элиты при вступлении в войну в 1914 г., сто лет спустя приобрели современное звучание. Позиция «либерально-империалистической группы во главе с Асквитом и Греем, которые вместе с Черчиллем утверждали, что Британия обязана поддерживать Россию и Францию и не может позволить Германии стать всемогущей в Европе», противопоставлялась «радикальной антивоенной группе, возглавляемой до последнего момента Ллойд Джорджем и считавшей, что Британия не должна вмешиваться в войну, в которой ее интересы не затрагиваются, и не должна вступать в союз с авторитарной Россией» [Там же].

Национально-патриотический подход в оценке событий 1914 г. ожидаемо доминировал в риторике официальных властей и крупных медиа, подвергаясь критике со стороны левых и проевропейских сил. Ближе к 11 ноября 2014 г. дискуссия добралась до стен британского парламента, когда премьер-министр Дэвид Кэмерон был вынужден защищать в Палате общин проект арт-инсталляции из алых керамических маков в память о британских жертвах Первой мировой войны [Red moat]. Проект предусматривал создание особого арт-пространства перед лондонским Тауэром из 888246 маков, символизирующих число погибших на фронтах солдат Великобритании и ее колоний [Sea of poppies...].

Британский художественный критик и обозреватель *The Guardian* Джонатан Джонс выступил с осуждением концепции арт-объекта, подчеркивая, что искусственные цветы создадут лишь «иллюзию памяти». В его комментарии (глубоко эмоциональном и далеком от художественной критики) переплетались как идейные мотивы, так и личные переживания автора, связанные с памятью о Первой мировой (оба деда Джонса были ее участниками). Джонс настаивал, что память о войне в XXI в. приобрела глобальный характер и не может ограничиваться рамками традиционного национализма образца XIX в., «ставшего одной из причин Великой войны». Современный британский официальный патриотизм, утверждал Джонс, ничего не говорит о германских, французских и русских жертвах войны, которые также заслуживают коммеморации [Jones].

Британские политики приняли активное участие в развернувшейся общественной дискуссии. Министр образования Великобритании Майкл Гоув в 2014 г. публично назвал Первую мировую войну «ужасной, но справедливой» и подверг критике телевидение, левых академиков и историков-документалистов, которые, по его мнению, «обесценивают патриотизм и изображают войну как катастрофическую ошибку» [Gove].

Как отметил британский министр в своей статье в Daily Mail, «Война, конечно, была невыразимой трагедией, которая лишила нашу нацию самых храбрых и лучших. Но важно, чтобы мы не поддавались некоторым мифам, возникшим вокруг конфликта за последние 70 с лишним лет» [Там же]. Майкл Гоув критиковал проникший в массовую культуру менталитет «капитана Блэкэддера» из популярного британского телесериала The Blackadder, утверждая, что созданный в нем образ «искажает представления британцев о войне». По мнению Гоува, формирование исторической памяти о войне имеет политическое значение, так как способно помочь Соединенному Королевству справляться с современными вызовами. К числу последних министр отнес соперничество великих держав, проблемы миграции, масштабные технологические изменения и кризис доверия к политическим элитам¹.

Столетние юбилеи начала и окончания Первой мировой войны совпали с переломной эпохой в новейшей истории Великобритании. Историк Дженни Маклеод из Гулльского университета, сооснователь Международного общества Первой мировой войны, утверждает, что страна переживает самый тяжелый политический кризис с 1920-х годов, когда Соединенное Королевство утратило контроль над большей частью Ирландии. «Послевоенное устройство разрушается — сложившиеся нормы поведения и партийно-политические альянсы трещат по швам. Развязана культурная война. Два совершенно разных мировоззрения, две совершенно разные системы ценностей, два совершенно разных представления о британскости объединились в противоборствующие лагеря» [Macleod. С. 2].

Автор указывает на влияние Брекзита, который справедливо оценивается многими экспертами и рядовыми британцами как политическое и экономическое потрясение, сравнимое с последствиями обеих мировых войн. Если в 2014 г. Соединенное Королевство было еще частью единого «европейского дома», то четыре года спустя оно находилось в середине долгого и мучительного пути выхода из него. Дискуссия 2014–2018 гг. вокруг истории Первой мировой войны — отражение сложных внутривнутриполитических процессов — опиралась на поляризующие представления о прошлом, в которых «все решает контекст» [Там же].

Главной проблемой, считает Дж. Маклеод, явилась необходимость переосмысления отношений с Европой, в том числе и в области исторической памяти. Фундаментальной

1 Консерватор Майкл Гоув, сделал успешную карьеру в период Брекзита. В июне 2016 г., будучи министром юстиции и лордом-канцлером, он агитировал за выход из ЕС, утверждая, что такой шаг позволит стране стать «маяком прогресса для всего мира».

ошибкой было бы считать, что британские элиты ожидали от Брексита воссоздания национальной мощи островного государства как одной из великих (в прошлом) европейских держав. Проект заключался в другом: в построении «глобальной Британии», в приоритете ее будущих взаимоотношений с США, Канадой, Австралией, Сингапуром и Гонконгом над связями с ЕС. Ставка была сделана на инновации, свободное движение капитала и экономический/технологический потенциал стран, в прошлом принадлежавших к Pax Britannica. Проблема заключается в том, что историческое прошлое Великобритании, в том числе сравнительно недавнее, плохо согласуется с попытками идеологического обоснования выхода из ЕС, которые предпринимались правительствами консерваторов Терезы Мэй и Бориса Джонсона.

Традиция «развода с Европой», по мнению Дж. Маклеод, не является чем-то новым, она существует как минимум несколько столетий. Автор цитирует консерватора Нормана Теббита, бывшего канцлера герцогства Ланкастерского: «Генрих VIII спас церковь Англии от Рима. Елизавета I спасла Европу от Филиппа Испанского. Герцог Веллингтон спас Европу от Бонапарта. Ллойд Джордж и другие спасли нас и Европу от кайзера. Черчилль и Эттли спасли нас от Гитлера. Было ли, чтобы они [ЕС] когда-либо спасали нас?» [Macleod. С. 3].

Первая мировая война в контексте исторических представлений сторонников Брексита рассматривается как очередной этап борьбы британцев за «свободу Европы» от враждебных автократий. На фоне растущего евроскептицизма произошла и актуализация глобального измерения мирового конфликта начала XX в. Официальная риторика стремилась подчеркнуть роль солдат-неевропейцев из Содружества Наций, делая акцент на «инклюзивности» современного британского общества.

По словам историка Меган Тинсли, представляющей постколониальный дискурс, «попытка переписать историю глобальной имперской войны, представив ее в качестве защиты свободы мультикультурной Британией, совершает насилие над прошлым: любой колониальный солдат, который не воплощает в себе троп «хорошего подданного», вычеркивается из памяти. Но она также совершает насилие над настоящим: память о «хороших подданных» используется как оружие против «плохих» маргиналов» [Tinsley]. Так, внимание британских СМИ к «хорошим» мусульманским солдатам Первой мировой войны возросло в 2014 г. наряду с (ложным) утверждением, что больше британских мусульман воюют на стороне ИГИЛ, чем служат в британской армии [Там же]. Память, таким образом, была использована в качестве инструмента маргинализации определенных групп населения, чья лояльность подвергалась сомнению. Важность комментария Меган Тинсли состоит в том, что колониальное и имперское измерение Первой мировой войны неправильно рассматривать с точки зрения современного британского мультикультурализма — иначе мы имеем дело с типичной манипуляцией и модернизацией истории.

В целом столетие начала Первой мировой войны в 2014 г. вызвало в британском обществе гораздо больший отклик, чем столетие ее окончания в 2018 г. При этом зна-

чимым смысловым содержанием дискуссии вокруг столетнего юбилея стала попытка «национализации памяти» о войне. По словам исследовательницы Анн Мари Фостер, уловившей историческое значение момента, «поляризующее влияние Брекзита и британская обособленность от общеевропейских коммеморативных мероприятий, посвященных столетию войны, также наложили отпечаток на дебаты 2014–2018 гг. о памяти о Первой мировой войне» [Foster].

В начале этого периода, и особенно после референдума 2016 г., в британском обществе на смену коллективной памяти о войне-трагедии стала продвигаться идейная повестка совсем иного рода — глобальное, общемировое значение войны и памяти о ней, оттеснявшая на второй план европейские корни этого вооруженного конфликта. Особый акцент был сделан на роли «солдат-освободителей» из бывших британских колоний и доминионов, входящих ныне в Содружество наций. Австралийские, новозеландские и канадские солдаты, как и солдаты-индусы, в буквальном смысле стали символом «забытой истории»; прославление их подвигов не сходило с экранов кинотеатров, страниц научных и популярных публикаций.

«Такой подход, — пишет М. Тинсли, — позволил государству заявить о своей инклюзивности и одновременно укрепить доминирующий нарратив о войне — нарратив, который в момент столетнего юбилея подвергал критике «менталитет Блэкэдера» и стремился реабилитировать вооруженное выступление Британии [начала XX в.] против европейской тирании» [Tinsley]. Таким образом, мода на «инклюзивность» новых форм коллективной памяти достаточно нестандартно была использована для продвижения патриотической, антибрюссельской (а также «антиавтократической») повестки.

В таких условиях о «трагедии» Европы не могло быть и речи, трагедия войны уступила место «подвигу» многонациональных военных сил Британской империи, собранных со всего мира для «освобождения» европейцев от «тирании» и обеспечения «законных» британских интересов в Европе и мире. Параллели с современной «глобальной» Британией напрашивались здесь сами собой. Особенно ярко это проявилось в годы премьерства Т. Мэй, которая публично выразила свою поддержку коммеморации военных подвигов и жертв солдат-небританцев. Накануне юбилейных торжеств 11 ноября 2018 г. Мэй подчеркнула роль усилий всех стран Содружества в достижении победы, особо выделив вклад солдат из Индии [Theresa May...].

В годы ее премьерства на смену союзу с интегрирующейся континентальной Европой как базовому принципу британской внешней политики пришел «глобализированный мир», в котором его бывшая «мастерская» — Великобритания — когда-то играла ключевую роль. В целом же весь XIX в. и построение огромной Британской империи, над которой «никогда не заходит солнце», были выбраны в качестве образца новой трансформации Британии в веке XXI. Обращение британских консерваторов к прошлому викторианской Англии как к «идеальной эпохе» в год двухсотлетия королевы Виктории (2018) подтверждает данный тезис [Крутиков. С. 119].

Мотивы такой политики были вполне объяснимы. По словам историка Эбби Иннес из Лондонской школы экономики и политических наук, в периоды кризисов неолиберальные правительства часто «прибегают к национализму и политике культурной реакции, чтобы предотвратить разочарование общества» [Innes]. Глобальное прошлое Британской империи, по мнению элиты, должно было трансформироваться в преуспевающее глобальное настоящее, а коллективная память выступила бы связующим звеном, культурным мостом между эпохами.

Помимо властей, сходные тренды в этом процессе не без успеха продвигали общественные движения и группы активистов вроде Black Lives Matter (BLM). Они оказались достаточно востребованными (и эффективными) независимыми проводниками внедрения новой глобалистской повестки в массовое сознание. Их задача заключалась в утверждении «новых ценностей» в британском обществе, выводящих на первый план экстремистски понимаемый антиколониализм, «инклюзивность», «устойчивое развитие» и «борьбу за права» национальных, религиозных и гендерных меньшинств (в ряде случаев выступающих от имени пассивного и молчаливого большинства).

Новым лакмусом и катализатором, проявившим ценностные различия между разными формами коллективной памяти о Первой мировой войне, стали события в Израиле и Палестине в октябре 2023 г., вызвавшие глубокий отклик в Великобритании. «Мультикультурность» и «инклюзивность» британского общества, если судить по его реакции на атаку ХАМАС 7 октября и ее последствия, обернулись полной противоположностью.

28 октября 2023 г. в ходе пропалестинских протестов в центре Лондона конную статую фельдмаршала Дугласа Хейга украсила фраза «God Save Gaza». Главный «антигерой» Первой мировой войны ожидаемо стал объектом вандализма, так как олицетворяет сегодня далекую от политкорректности версию истории. Первая мировая война в контексте бомбардировок Газы оказывается войной «неудобной», учитывая позицию Великобритании в современном Палестинском кризисе и ее роль в зарождении последнего. (Британский мандат в Палестине, выданный Лигой Наций, вступил в силу после Первой мировой войны и действовал до 1948 г.).

Стремиться к достижению политических и военных целей, не считаясь с потерями, — это стратегия, традиционно раздражающая британское общество начиная с 1920-х годов. Перефразируя историка Дж. Тейлора, можно утверждать, что на современные военные вызовы британцы по-прежнему смотрят через призму Соммы, Вердена и трагедии Западного фронта. Это выдвигает на первый план проблему эффективного лидерства, понимаемого как рациональность при обращении с человеческими жизнями.

Дефицит общественного доверия к политическим элитам и институтам, о котором говорили британские политики в год столетнего юбилея начала Первой мировой войны, спустя десятилетие достиг критической точки. 8 ноября 2023 г., за три дня до Дня перемирия, министр внутренних дел Суэлла Браверман опубликовала статью в The Times. Подчеркнув глубокий символизм даты 11 ноября для британцев, накладываю-

щий, по ее мнению, особую ответственность на власть и общество, одинаково заинтересованных в согласии, министр осудила еженедельные пропалестинские протесты против солидарности с Израилем и упрекнула лондонскую полицию в бездействии: «В прошлую субботу в центре Лондона полиция была атакована, движение поездов было остановлено демонстрантами, а волонтеры, распространяющие красные маки, были блокированы, им не давали собирать средства для ветеранов. Теперь, когда мы приближаемся к особенно значимым выходным в жизни нашей нации, которые требуют уважения и памяти, «марши ненависти» — от этого выражения я не отказываюсь — намерены использовать День перемирия для очередного демонстративного шествия по Лондону» [Suella Braverman...]. Эта статья стоила С. Браверман карьеры. Спустя пять дней после ее публикации она была уволена по решению премьер-министра Риши Сунака.

11 ноября 2023 г. давно назревший конфликт вышел за рамки публичной политики, медиасферы и академической среды. Две разные формы коллективной памяти и две разные формы британской идентичности столкнулись на улицах британской столицы. Пропалестинский марш собрал в этот день сотни тысяч участников (около 300 тыс. по данным полиции Лондона и 800 тыс. по данным организаторов) [Violence and hatred...]. Противники марша, представлявшие группы правых и ветеранские организации, заранее прибыли в центр города с целью защитить мемориалы Первой мировой войны. Решительно настроенные правые демонстранты вступили в столкновения с полицией возле Кенотафа на Уайтхолле во время проведения поминальной службы. Девять полицейских были ранены, полиция арестовала 126 человек.

С другой стороны, были зафиксированы факты агрессии со стороны участников пропалестинского марша. Уже упомянутый выше консервативный политик, министр по делам общин М. Гоув подвергся их нападению, когда проходил через лондонский вокзал «Виктория», через несколько минут после окончания акции в поддержку Палестины. Демонстранты скандировали «Позор!», и Гоув смог покинуть вокзал лишь в сопровождении полицейских. Всего в День перемирия 11 ноября 2023 г. полиция арестовала 150 участников пропалестинской демонстрации.

* * *

Поляризация британского общества, достигшая кульминации в главный день всеобщего поминовения павших в Первой мировой, — не случайность, а проявление «культурной войны». Конфликт между разными версиями коллективной памяти имеет глубокие корни и зародился благодаря политике самих британских властей, «историческому инжинирингу», экспериментам с идентичностью, поставленным в зависимость от политической конъюнктуры [Forging... С. 192].

В 1930-е годы стремление «избежать войны в будущем», основанное на публично высказанных оценках авторитетных политиков и ветеранов, среди прочих причин, привело к международному кризису 1938–1939 гг. и трагедии Второй мировой войны. В 1960-е годы британские элиты поддержали ревизию истории Первой мировой ради

хрупкого социального мира и послевоенного восстановления. Консенсус продлился до конца 1980-х, когда новые вызовы постиндустриальной эпохи и информационная революция сделали прежние механизмы управления памятью неэффективными. Конфликт в Ираке в 2003 г. поставил под вопрос правомерность участия в нем британских военных и, не принеся желаемого результата, актуализировал переосмысление предыдущего военного опыта британцев. В XXI столетии антиколониализм, мультикультурализм, «инклюзивность» и права меньшинств, получив в контексте Брексита дополнительную официальную поддержку, оказались обоюдоострым оружием, одинаково опасным для всех участников противостояния, независимо от их места в политическом спектре. Современное развитие социальных медиа многократно увеличило скорость социальных и политических реакций (увольнение С. Браверман, выступившей по сути в защиту традиционных британских ценностей и памяти о Первой мировой, подтверждает это).

Если сто лет назад коллективная память о Первой мировой войне так или иначе объединила нацию благодаря историческому масштабу военной драмы, глубине личного опыта британцев и массовости воспоминаний о ней, то сегодня эта тема скорее разделяет. Новая интеграция была бы возможна лишь с учетом всего сложного переплетения интересов и представлений государства, социальных, этнокультурных и религиозных групп о войне, отразивших более чем столетний опыт ее коммеморации.

Литература

- Акулинин К.В. Коллективная память о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период. К постановке проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Выпуск 4 (132). С. 163–168.
- Дженкинс Р. Вестминстерское аббатство. М., СПб. 2007.
- Крутиков А.А. Моральный код империи. Рецензия на книгу: Rees-Mogg J. The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. L., 2019. (Рис-Могг Дж. Викторянцы: Двенадцать титанов, которые основали Британию. Лондон, 2019) // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 4 (20). С. 118–123.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М. 2007.
- Романова Е.В. Эволюция представлений британцев о Первой мировой войне // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 1. С. 92–103.
- Смирнова Т.А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Том I. С. 98–101.
- Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. С. 95–98.
- Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75–84.
- Artefact. Remembrance Day poppy with petals made with red khadi (spun and woven cloth) instead of paper. // The British Museum. — URL: britishmuseum.org/collection/object/A_2019-3044-2 (дата обращения: 08.04.2024).

- Churchill W.* The Word Crisis 1916–1918. Part I. London. 1927. — URL: archive.org/details/in.ernet.dli.2015.81663/page/n7/mode/2up (date of access: 08.04.2024).
- Clark N.* We will remember. Theresa May lays wreaths at graves of first and last British soldiers to be killed during World War One // *The Sun*. 09.11.2018. — URL: thesun.co.uk/news/7699295/theresa-may-lays-wreaths-at-first-and-last-british-soldiers-to-be-killed-during-world-war-one/ (date of access: 08.04.2024).
- Collective memory and the First World War // *The Times Higher Education*. 26.06.2014. — URL: [timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.arti...](https://www.timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.arti...) (date of access: 08.04.2024).
- Connelly M.* The Great War, Memory and Ritual: commemoration in the city and East London, 1916–1939. Royal Historical Society / Boydell Press. 2002.
- Conscription: the First World War // *Parliament and the First World War*. — URL: parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/yourcountry/overview/conscription/#:~:text=Conscription%20introduced&text=In%20January%201916%20the%20Military,certain%20classes%20of%20industrial%20worker (date of access: 08.04.2024).
- Dardanelles: ‘an everlasting nightmare’ // *The National Archives*. Letters from the First World War. Part one. — URL: nationalarchives.gov.uk/education/resources/letters-first-world-war-1915/dardanelles-everlasting-nightmare/ (date of access: 08.04.2024).
- Forging the Collective Memory. Government and International Historians through two World Wars. Oxford. 1996.
- Foster A.-M.* Commemoration, Cult of the Fallen (Great Britain and Ireland). — URL: encyclopedia.1914-1918-online.net/article/commemoration_cult_of_the_fallen_great_britain_and_ireland (date of access: 08.04.2024).
- Gove M.* Why does the Left insist on belittling true British heroes? MICHAEL GOVE asks damning question as the anniversary of the First World War approaches // *The Daily Mail*. 02.01.2014. — URL: dailymail.co.uk/debate/article-2532930/MICHAEL-GOVE-Why-does-Left-insist-belittling-true-British-heroes.html (date of access: 08.04.2024).
- Graves R.* Good-Bye To All That. London. 1985.
- Hanna E.* Contemporary Britain and the Memory of the First World War // *Matériaux pour l’histoire de notre temps* 2014/1–2 (N° 113–114). P. 110–117. — URL: [cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2014-1-page-110.htm](https:// Cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2014-1-page-110.htm) (date of access: 08.04.2024).
- Haythornthwaite P. J.* The World War One Source Book. Arms and Armour. London. 1993.
- The History of IWM // *The Imperial War Museum*. — URL: iwm.org.uk/corporate/IWM-history (date of access: 08.04.2024).
- Jones J.* The Tower of London poppies are fake, trite and inward-looking — a Ukip-style memorial // *The Guardian*. 28.11.2014. — URL: theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2014/oct/28/tower-of-london-poppies-ukip-remembrance-day#comments (date of access: 08.04.2024).
- Innes A.* Late Soviet Britain: Why Materialist Utopias Fail. Cambridge. 2023.
- The Legacy of the Great War: Ninety Years On / Ed. by Jay Winter. Columbia. 2009.
- Lloyd G.D.* War Memoirs. London. 1982. — URL: goodreads.com/book/show/720467.War_Memoirs_of_David_Lloyd_George (date of access: 08.04.2024).
- Macleod J.* Looking Forward to the Centenary of the Second World War: Lessons from 2014–2018 // *British Journal for Military History*. Vol. 8. № 3. November 2022.

- Mayhew A.* Historiography 1918 — Today (Great Britain) // 1914–1918. Online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin. 2014. — URL: encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-historiography_1918-today_great_britain-2021-02-23.pdf (date of access: 08.04.2024).
- Messinger G.S.* British Propaganda and the State in the First World War. Manchester. 1992.
- Messinger G.S.* The Battle for the Mind: War and Peace in the Era of Mass Communication. 2011.
- The Fallen. Military strength and deaths in combat // UK Parliament. — URL: parliament.uk/business/publications/research/olympic-britain/crime-and-defence/the-fallen/#:~:text=Over%20the%20course%20of%20the,women%20for%20every%20hundred%20men (date of access: 08.04.2024).
- Pickering E.* Literary Picks, „Goodbye to All That” by Robert Graves // The Middlebury Campus. 29.04.2003. — URL: middleburycampus.com/article/literary-picks-goodbye-to-all-that-by-robert-graves (date of access: 08.04.2024).
- Red moat // The Times. 01.11.2014. — URL: thetimes.co.uk/article/red-moat-7bb0mlwts6x (date of access: 08.04.2024).
- Sassoon S.* The Complete Memoirs of George Sherston. Faber & Faber, 1960. — URL: goodreads.com/book/show/421056.The_Complete_Memoirs_of_George_Sherston (date of access: 08.04.2024).
- Sea of poppies a fitting tribute, says PM // The Times. 30.10.2014. — URL: thetimes.co.uk/article/sea-of-poppies-a-fitting-tribute-says-pm-775009pqq5c (date of access: 08.04.2024).
- Suella Braverman: Police must be even-handed with protests // The Times. 08.11.2023. — URL: archive.ph/BqMGg (date of access: 08.04.2024).
- Taylor A.J.P.* The First World War. An Illustrated History. 2002.
- Theresa May vows to wear Khadi poppy to remember ‘crucial role’ of Indian troops // Shropshire Star. 31.10.2018. — URL: shropshirestar.com/news/uk-news/2018/10/31/theresa-may-vows-to-wear-khadi-popy-to-remember-crucial-role-of-indian-troops/ (date of access: 08.04.2024).
- Tinsley M.* Empire and the World War One Centenary: Remembrance as racialisation? — URL: blog.policy.manchester.ac.uk/ethnicity/2018/12/empire-and-the-world-war-one-centenary-remembrance-as-racialisation/ (date of access: 08.04.2024).
- Todman D.* The Great War: Myth and Memory. London. 2005. URL: bloomsbury.com/uk/great-war-9780826467287/#:~:text=Former%20military%20history%20teacher%20and,heavily%20upon%20its%20miseries%2D%20has (date of access: 08.04.2024).
- Trewin I.* Alan Clark: The Biography. London. 2009.
- Violence and hatred hit streets of London on Armistice Day of shame // The Telegraph. 11.11.2023. — URL: telegraph.co.uk/news/2023/11/11/far-right-protesters-clash-police-cenotaph-london/ (date of access: 08.04.2024).
- Watson J.S.K.* Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain. Cambridge. 2007.
- Who set up the Imperial War Museums? // The Imperial War Museum.— URL: iwm.org.uk/history/who-set-up-the-imperial-war-museums (date of access: 08.04.2024).
- Winter J.M.* Remembering War: The Great War between memory and history in the twentieth century. London. 2006.
- WWI 100: London’s Memorials... Cyprus Street. — URL: blackcablondon.net/2013/11/03/wwi-100-londons-memorials-cyprus-street/ (date of access: 08.04.2024).

**ОБРАЗОВАНИЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.
К ИТОГАМ ГОДА ПЕДАГОГА
И НАСТАВНИКА**

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-67-76

УДК 94(47); 37

АЛЕКСЕЙ ХИТРОВ

Педагогический проект Екатерины II: идеи Просвещения и российские реалии (1760–1780-е годы)

Аннотация. Статья посвящена вкладу Екатерины II в становление российской образовательной системы. Рассматривается история разработки и реализации реформаторского проекта, направленного на создание в России государственной системы светского образования, включавшей не только обучение знаниям, но и воспитание, формирование личности. Этим проектом были определены социальные функции образования и заложены педагогические основы, отталкиваясь от которых позже формировалась российская национальная педагогическая школа. Анализируя мысли, выраженные в комплексе законоположений второй половины XVIII в. в этой области, автор делает вывод, что уже в то время образование в России рассматривалось не как «услуга» по формированию неких «компетенций», а как служение, миссия, «воспитание души».

Ключевые слова: российское образование, воспитание, Просвещение, педагогика, Екатерина II, И.И. Бецкой, Ф.И. Янкович де Мириево.

Одним из важнейших вопросов реформ Петра I было создание в России системы светского образования. Из всех задач петровской модернизации эта была решена наименее успешно. Петр действовал в экстремальных условиях Северной войны, когда требовалась ускоренная подготовка кадров для армии и флота, и на разработку образовательных проектов не было времени. Единственным принципом и методом обучения были государева воля и принуждение. Элемент системности в образовательной реформе проявляется только с 1714 г., когда был издан указ об обучении дворянства арифметике и геометрии, содержащий анекдотический запрет для не выучившихся дворян жениться: «...положить штраф такой, что невольно будет жениться, по его неучению» [Именной О посылке... С. 78]. После Петра власть обращалась к вопросам гражданского образования эпизодически.

Ко времени вступления на престол Екатерины II Россия продолжала идти курсом, проложенным Петром, однако многие вопросы государственной и общественной жизни требовали дальнейшего разрешения, в том числе вопрос о создании общегосударственной системы светского гражданского образования, направленного не только на подготовку кадров для государственного аппарата, но и на воспитание человека, его

Сведения об авторе: ХИТРОВ Алексей Анатольевич — заведующий кафедрой истории Калининградского государственного технического университета, доцент, доктор исторических наук, aleksey.hitrov@klgtu.ru.

социализацию в обществе. Соответственно, Екатерина вынуждена была решать ряд новых задач в области образования. Следовало определить, каковы должны быть его содержание и конечная цель, на каких основах, кого и как образовывать, и какая польза от этого будет государству. Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, требовалась концепция образования, базирующаяся на определенных принципах, предусматривающая определенные методы обучения, — то есть необходим был системный подход.

Существовало еще одно обстоятельство, которое Екатерина должна была учитывать. Петр широко заимствовал зарубежный европейский опыт в самых различных областях, применяя его к российским реалиям в интересах развития страны. Но после него увлечение европейскими формами приобрело поверхностный характер, когда они в глазах правящего сословия выступали показателем образованности и воспитанности. «Естественно, — отмечает российский историк начала XX столетия Н.П. Черепнин, — что при таких условиях и предубеждении против всего национального русского, общечеловеческая культура... воспринималась так, что не просвещала, а затемняла понимание родной действительности; непонимание ее сменялось равнодушием к ней, продолжалось пренебрежением и завершалось ненавистью и презрением». [Черепнин. С. 12] (Н.П. Черепнин был официальным историографом Смольного института, соответственно, выражал официальную точку зрения на указанное явление, существовавшую в начале XX в.)

Екатерина считала Россию частью Европы и европейской державой. «Наказ ее императорского величества самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении нового Уложения» трактовал это следующим образом: «Россия есть европейская держава. Доказательство сему следующее: Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом, и принесены были смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие преимущества, каких он и сам ожидал» [Наказ... С. 6]. Соответственно, в качестве философско-теоретической основы реформы образования Екатерина использовала идеи европейского Просвещения, которые, в общем, сводились к тому, что совершенствование человека и общества в интересах разума и прогресса возможно путем просвещения.

Однако Екатерина понимала, что сложный комплекс европейских философских, политических, юридических и педагогических идей должен быть адаптирован к российским реалиям. Во-первых, следовало учитывать тот факт, что Россия была феодальным сословным государством. Во-вторых, чужеземные общественно-политические идеи, будучи вброшенными в Россию, могли приобрести взрывоопасный характер. В-третьих, некоторые мыслители эпохи Просвещения были атеистами. В-четвертых, — и это главное, — Екатерина отчетливо сознавала, что рационалистические идеи совершенствования человека и общества должны быть поставлены на прочную духовно-нравственную основу. Таким образом, российская императрица поставила перед собой

чрезвычайно сложную задачу, решать которую следовало на основе национальной педагогической программы.

Разработка и осуществление этой программы включает два этапа. Первый — создание воспитательно-образовательных учреждений призрения: Московского и Санкт-Петербургского воспитательных домов и Воспитательного общества благородных девиц в Санкт-Петербурге. На этом этапе по повелению Екатерины II создавались закрытые учебно-воспитательные заведения, главной задачей которых было не только призрение, но подготовка «новой породы людей» — просвещенных, нравственно совершенных и преданных власти поданных. Второй этап был попыткой создать открытую общегосударственную систему образования в России.

Первого сентября 1763 г. Екатерина окончательно утвердила проект Воспитательного дома в Москве, предназначавшегося для призрения детей, которых «...злосчастные, а иногда и бесчеловечные матери подкидают, оставляют (или что злее), умерщвляют, которые хотя от законного супружества, но в крайней скудости родясь, от родителей оставлены и слепому щастию преданы бывают для того, чтобы от тягости воспитания их освободиться и самим удобнее пропитаться было». [Термен. С. 32] Таких детей предполагалось выхаживать, воспитывать и обучать. Учебная программа включала молитвы, чтение, письмо, основы арифметики, географии, бухгалтерии и обучение практическим трудовым навыкам. Выходя из Воспитательного дома, питомцы получали права свободных податных сословий. Принципы и методы воспитания и обучения в императорском Манифесте не излагались, декларировалась только недопустимость применения к воспитанникам телесных наказаний за провинности: «Что касается до воспитания детей, которые по малолетству своему, особливо будучи в таком множестве в одном месте, часто проступить могут, то постараться исправлять их увещанием; в нужном же наказании особливо наблюдать, чтобы жестокостию не привели их к упорству и бесчувствию» [Генеральный план... С. 359]. Наказания включали лишение прогулок, стояние на коленях и «неподавание» пищи. Чтобы не показывать воспитанникам пример нежного обхождения в России с лицами низших податных сословий, не допускались и телесные наказания за проступки для служителей Воспитательного дома. Провинившиеся лица мужского пола отдавались в солдаты или матросы, женского — увольнялись.

В 1766 г. в России было издано анонимное «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения до юношества», в котором образно обосновывался установленный И.И. Бецким (личным секретарем Екатерины II, президентом Академии художеств) подход к образованию: «Приводить детей к учению подобно, как в приятное и украшенное цветами поле. Тернии, в оном находящиеся, раздражают природу, особливо с начала, а сие происходит от неразумения воспитателей» [Краткое наставление... С. 10]. Обучающим надлежало «вперить» в учеников «любовь к учению так, чтобы оно награждением себе почитали» [Там же]. «Краткое наставление» включает раздел, специально посвященный детям от 10–12 до 15–16 лет, но он не содержит никаких педагогических реко-

мендаций. К таковым можно отнести только указание на необходимость социализации детей в коллективе: «Ежели кто видит жизнь одинокую, тот ни к какой перемене не способен» [Там же].

Более детально воспитательно-образовательная программа была разработана в подготовленном И.И. Бецким и утвержденном Екатериной проекте специального женского учебного заведения, получившего название «Воспитательное общество благородных девиц» (другое, широко известное, название — Смольный институт, поскольку некоторое время он размещался в строениях Смольного монастыря). Как видно из названия, это учреждение предназначалось для воспитания и обучения представительниц дворянского сословия. Екатерина стремилась оказать, говоря современным языком, социальную поддержку самому ценному в государстве сословию — дворянству, поскольку многие дворяне были «недостаточными», то есть бедными, и не имели средств дать дочерям соответствующее воспитание и образование. Создавая Смольный институт, императрица видела и более важную задачу — воспитать в его стенах обладательниц исключительно положительных человеческих качеств, совершенных личностей. Таким образом, полагала Екатерина, будет соединена «истинная государственная польза с христианским милосердием».

Воспитательная программа излагалась императрицей так: «Светские же добродетели суть: Повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие. И одним словом, удаление от всего того, что гордостию и самолюбием назваться может». [Устав воспитания... С. 41] Перечисленные качества вполне соответствовали идеям Просвещения, но их практическое воспитание сталкивалось с двумя противоречиями. Во-первых, принадлежность к благородному сословию в России предполагала не «удаление» от гордости и «равненственное» поведение, а совсем наоборот. Во-вторых, укоренить в сознании воспитанниц эти ценности было чрезвычайно сложно на фоне реалий России второй половины XVIII столетия. Екатерина нашла из этих обстоятельств простой выход — воспитывать девиц в строгой изоляции от внешнего мира. Родителям не разрешалось забирать воспитанниц до окончания института, свидания с родными проходили в строго установленном времени в присутствии персонала института, письма от институток и к ним прочитывались администрацией. Так императрица стремилась избавить воспитанниц от знакомства с пороками и соблазнами «внешнего мира». Главную роль в учебно-воспитательном процессе играло воспитание, но и учебная программа была достаточно обширной. Воспитанницы разделялись на четыре возраста (и класса) — от шести до девяти лет, от девяти до двенадцати, от двенадцати до пятнадцати и от пятнадцати до восемнадцати лет. Соответственно возрастам воспитанницы последовательно изучали Закон Божий, российскую словесность, иностранные языки, арифметику, географию, историю, «все правила благонравия, светского обхождения и учтивости», а также танцы, музыку, рисование, «шитье и вязание всякого рода». Екатерина даже включила в учебную программу геральдику и архитектуру, но позже эти предметы были отменены. Помимо этого, воспитанницы последовательно осваивали

«экономии», то есть домоводство — разумеется, не для того, чтобы лично трудиться на кухне, в погребе или в саду, а чтобы руководить домашним хозяйством, пока супруг исполняет государственную службу или занимается иными дворянскими делами.

Реализация такой учебной программы столкнулась с проблемой, которую Екатерина не предусмотрела, — отсутствием квалифицированных педагогических кадров. Императрица рассчитывала возложить обучение воспитанниц на монахинь Смольного монастыря, но те не были к этому подготовлены и в большинстве случаев не справлялись со своими обязанностями. Учителей и учительниц в институте было вообще мало: например, в 1770 г. их насчитывалось всего девять человек, и все они были иностранного происхождения. (Штат педагогических работников в принципе не был четко определен.) Впоследствии число учителей возросло, но первый русский педагог появился в институте только через несколько лет после его учреждения, в 1771 г. [Черепнин. С. 120]. Помимо этого, выяснилось, что педагогический подход Бецкого, основанный на том, чтобы обучать воспитанниц в форме игры, «играючи», совершенно непригоден. Все это побудило Екатерину заняться модернизацией учебно-воспитательной части Смольного.

Самодержавная государыня, Екатерина главным в России специалистом в области воспитания и обучения считала себя. Но императрица сознавала, что облечь ее идеи в четкие формулировки указов, наставлений, инструкций и учебных программ может только профессиональный педагог. И.И. Бецкой для этой задачи не подходил. По рекомендации короля Германии, императора Священной Римской империи Иосифа II Екатерина пригласила в Россию известного педагога, австрийского подданного сербского происхождения, выпускника Венского университета, исповедовавшего православие и владевшего русским языком, — Теодора (взявшего в России имя «Федор Иванович») Янковича де Мириево. Ранее по распоряжению Иосифа II в Россию были присланы австрийские школьные учебники, которые Янковичу предстояло перевести на русский.

Задачи, поставленные перед Ф.И. Янковичем, не ограничивались Смольным институтом. Екатерина намеревалась создать в России систему открытых всеобщих учебных заведений — народных училищ. 7 сентября 1782 г. последовал указ «Об открытии Комиссии для заведения народных училищ», которым было положено начало работы над этим вопросом. Важнейшая роль отводилась подготовке кадров — поиску, подбору и подготовке учителей, «дабы они под руководством означенного Янковича на образ учения наставлены были» [Именной данный тайному... С. 664].

Еще ранее, в апреле 1782 г. Екатерина утвердила разработанную Янковичем учебную программу для Смольного института, четко распределявшую ее по возрастам обучения и учебным часам и содержащую новый подход к обучению. Программа подразделялась на «Учебный способ», то есть методику обучения, и «Учебные предметы». Учебный способ определялся как «род некоторой беседы или разговора между учителями и ученицами». В результате учебное время употреблялось «в пользу каждой девицы», а в то же время по ходу беседы исправлялись «ошибки всех девиц, вместе

обучающихся». «Для внимания» предписывалось использовать как вспомогательное средство обучения «изображение через начальные буквы». Важная роль отводилась «совокупному чтению», то есть чтению вслух в классе, которое было направлено не только на выработку правильности произношения, но и, в отличие от механического зазубривания текста, на понимание предмета изучения: «затверживаются не слова, но самые вещи и понятия, с оными соединенные, когда прочитанное через вопрошения учителя исследуется, от чего и рассудок в них распространится». [Расположение Учения... С. 129]. Кроме того, учителям рекомендовалось проводить в классах «вопросение», то есть устный опрос учеников по изучаемой теме, который так же был направлен не на воспроизведение заученного текста, а на «исправление» рассудка, то есть ученики должны были «при сем случае рассуждать об упомянутых в вопросе вещах, выбрать из оных нужное для своего ответа и сделать из опыта заключение» [Там же. С. 130].

Выполнение этих рекомендаций требовало от учителей соответствующей педагогической квалификации, поэтому уже в 1783 г. в Петербурге было открыто Главное народное училище. «Устав народным училищам Российской империи» был утвержден Екатериной 5 августа 1786 г. Во вводной части устава четко формулировались основанные на идеях Просвещения социальные функции образования: «Воспитание юношества было у всех народов толико уважаемо, что почитали оное единым средством утвердить блага общества гражданского; да сие и неоспоримо, ибо предметы воспитания, заключа в себе чистое и разумное понятие о Творце и Его святом законе, и основательные правила непоколебимой верности к Государю и чистой любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего Государственного благосостояния» [Устав народным... С. 1]. Воспитание, а под ним понималось и обучение, было призвано внедрить универсальные принципы формирования личности обучающихся и их отношения к обществу: «Воспитание просвещает разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же воли к деланию добра, руководствует в жизни добродетельной и напояет наконец человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны» [Там же].

Устав предписывал создание двух типов общеобразовательных открытых школ — четырехклассных средних и двухклассных малых училищ для детей обоего пола с раздельным обучением. Учебный процесс должен был осуществляться в соответствии с учебным планом, устанавливавшим четкое расписание уроков по классам и по предметам. Устанавливался также штат учителей. В школьный обиход вводились библиотека, кабинет алгебры и геометрии, кабинет естественнонаучных дисциплин (или, как тогда их называли, «трех царств природы»), школьная доска, мел и классный журнал. Содержать училища предписывалось из средств губернских приказов общественного призрения, при этом точные суммы не указывались, так же как и заработная плата учителей и принцип оплаты их труда. Вероятно, исходя из этого и с учетом российских реалий в Главе III «О должностях учителя» педагогам предписывалось «всех в классах их приходящих учеников и учениц обучать, не требуя никакой платы за учение»; учителя «при самом же обучении не должны ... пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они приуготовляют члена общества» [Устав народным... С. 16].

Устав предусматривал возможность дополнительного заработка для педагогов, разрешая им «частные наставления сверх учебных часов», то есть, по существу, репетиторство. (Не ясно, шла ли речь о штатных воспитанниках или дополнительных учениках, но они должны были заноситься в классный журнал.)

Устав послужил основой для разработки различных наставлений, инструкций и пособий, которых в 1786 г. было выпущено 27 наименований [Милюков. С. 270]. Наиболее важными из них с точки зрения педагогики являются два: «Руководство учителям первого и второго разрядов народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению» и «Правила для учащихся в народных училищах, изданные по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй».

«Руководство учителям» начинается с предисловия, в котором объясняется необходимость самого плана педагогической деятельности: «...легко предвидеть человеку беспристрастному, какие худые следствия от такого могут произойти воспитания, которое ни на каком плане не основано...» [Руководство учителям... С. III]. Основной подход к обучению, детально разработанный в «Руководстве», — «совокупное учение», которое заключалось в том, чтобы учителя «не учили учеников одного за другим, но показывали бы всем им тем в месте, кои одно учат» [Там же. С. 2]. То есть требовалось, чтобы педагог работал со всем классом, объясняя один учебный материал. При этом рекомендовалось, в случае необходимости, разделять класс на отделения. Важная роль, как и в учебной программе Смольного института, отводилась «вопрошению». При этом учителя не должны были ставить вопросы в точности так, как они были изложены в учебнике, и требовать от учеников точного воспроизведения текста пособий. Напротив, учитель должен был «стараться быть в состоянии делать сам вопросы, соображаясь особливо со свойством предметов» [Там же. С. 19]. Такой подход предполагал, что педагог должен был обладать высокой профессиональной подготовкой. Учителю следовало объяснять материал таким образом, чтобы ответы учеников развивали в них способность к логическому мышлению: «Через вопрошение приучаются ученики мыслить, рассуждать и порядочно мысли свои изъяснять» [Там же. С. 25].

«Руководство» содержит конкретные и подробные методические рекомендации по проведению уроков по всем предметам и подходу к учащимся «в рассуждении» способности к учению и «в рассуждении» характера и поведения. По способностям к учебе рекомендовалось разделять учеников на тех, «которые все скоро понимают, хорошо помнят и в учение употреблять могут», тех, «которые одарены хорошей памятью, но имеют мало рассуждения», тех, которые имеют «слабую память» и тех, которые «мало понимают и помнят». Учителям следовало спрашивать учеников в соответствии с их способностями, помогать формулировать правильные ответы. В отношении психологического типа учеников рекомендовалось разделять их на «веселых и бодрых», «боязливых и застенчивых», «ленивых и сонливых», «упорных, сердитых и к злобе склонных». К каждой категории предписывался особый подход, определяемый и самим поведением учеников, которые могли быть «поведения хорошего», «поведения посредственного» и «поведения худого». Система контроля за поведением способствовала скорее

профилактике нарушений, их предотвращению (подразделяясь на несколько этапов: «увещевание», «предостережение», «угрозы»), и только потом следовало наказание. В духе Просвещения категорически воспрещались телесные наказания и ругательства. Наказания состояли в «лишении приятных вещей», например, прогулок.

«Руководство» требовало от педагогов не только обучать детей, но и заниматься их воспитанием. Языком XVIII в. Ф.И. Янкович де Мириево излагает актуальную и для нашего времени мысль: «Звание учителей обязывает так же стараться сделать из учеников своих полезных членов Обществу, и для сего должны они чаще поощрять юношество к наблюдению должностей общественных, просвещать разум учеников и научать их как думать, так и поступать разумно, честно и благопристойно; а предписанные науки преподавать юношеству таким образом, как надобны им оные бывают в общении» [Руководство учителям... С. 79]. По существу, речь идет о формировании социально ответственной, гражданской и духовно-нравственной позиции. Как и для воспитанниц Смольного института, для учеников народных училищ первого разряда рекомендовалась книга «О должностях человека и гражданина...». Весь процесс обучения и воспитания определялся в этой книге как «образование души» [О должностях...].

«Правила для учащихся в народных училищах, изданные по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй», составленные Ф.И. Янковичем, содержат свод необходимых требований к дисциплине учащихся, без которых невозможен учебный процесс. Объясняется, как учащиеся должны вести себя в церкви, в самом училище и вне его стен. Собираясь в школу, ученики должны «умыть лицо и руки, причесать волосы и обрезать ногти, и сотворивши утреннюю молитву собрать свои книги, тетради, перо, числительную доску и все... потребное» [Правила для учащихся... С. 21]. «Правила» содержат не только дисциплинарные положения, но и воспитательные, указывая, как ученики в школе должны относиться друг к другу: «Каждый ученик должен являть особливую любовь и склонность к своим соученикам, взаимно учтиво обходиться, и стараться оказывать им годности» [Там же]. Оскорбления, драки, самостоятельное «выяснение отношений» между учениками категорически осуждались. Ученики имели право жаловаться учителю на причиненные им обиды, но правдиво. Вне стен училища ученики не должны были «затевать ссор, непристойных и срамных разговоров и речей, суетных и баснословных сказок... но время свое проводить благочинно в прилежном повторении уроков» [Там же. С. 22]. Однако не ясно, каким образом училище могло контролировать поведение учеников вне его стен. Не был определен и порядок взаимоотношений администрации учебного заведения с родителями учеников.

Ф.И. Янковичем были сформулированы и указания, которые современным языком можно определить как санитарные требования к учебному процессу и заботу о здоровье школьников. В составленном им «Руководстве к чистописанию для юношества в народных училищах, изданном по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй» подробно указано, как «определяется надлежащее положение тела, рук и держание пера... Туловище с головой должно податься немного впе-

ред, и не наклонять оно ни на какую сторону, припереться оным на левую руку и имею его от стола на ладони расстояния» [Руководство к чистописанию... С. 3–4]. Детально указано, каким должно быть положение ног, головы, глаз, которые должны быть направлены на кончик пера. В ту эпоху писали гусиным пером, но эти рекомендации выглядят вполне современно.

Несмотря на серьезную педагогическую подготовку, школьная реформа Екатерины II и Ф.И. Янковича де Мириево не дала тогда же существенных результатов. По данным, приведенным П.Н. Милюковым, исследовавшим этот вопрос в «Очерках по истории русской культуры», в 1786 г. были открыты 40 училищ, в которых преподавали 136 учителей и обучались 4398 учеников. Далее количество училищ, учителей и учеников возрастало с переменным успехом. В 1795 г. действовали 307 училищ с 716 учителями и 17097 учениками. По состоянию на 1800 г. в России действовали 315 училищ, где преподавали 790 учителей и обучались 19915 детей. (В эти цифры Милюков включает и другие учебные заведения, не только народные училища.) В Петербурге в 1786 г. учительская семинария была отделена от Главного народного училища. До 1801 г. она выпустила всего 425 учителей [Милюков. С. 270, 275].

Главной проблемой для народных училищ, препятствовавшей их распространению, была нехватка денежных средств. Возложив их обеспечение на приказы общественного призрения, Екатерина не определила, из каких источников будут черпать средства сами приказы, на которые была возложена также ответственность за содержание богаделен, больниц и других подобных учреждений в губерниях. Не были обеспечены народные училища и достаточным количеством педагогических кадров. Смольный институт в период царствования Екатерины оставался единственным закрытым женским учебным заведением, и желание императрицы просвещать семью и общество посредством подготовки «новой породы» людей не могло осуществиться. В отношении воспитательных домов и Коммерческого училища по объективным причинам пришлось отказаться от закрытого воспитания и обучения — в деятельности этих учреждений главным содержанием было социальное попечение и обучение профессиям, которые могли обеспечить существование выпускников, а не подготовка просвещенных подданных. Однако по выходе из этих учебно-воспитательных заведений питомцы получали права свободных податных сословий.

Попытка Екатерины просветить российское общество посредством воспитания и образования не была успешной. Однако учреждение Смольного института и проект школьной реформы явились первым в истории России шагом по созданию системы образования, основанной на определенной педагогической системе, которая была призвана не только обучать знаниям, но и воспитывать, формировать личность, то есть образование приобрело социальные функции. По совокупности мыслей, высказанных в комплексе законоположений той эпохи, посвященных социально-образовательным учреждениям и народным училищам, можно сделать вывод, что уже в то время образование в России рассматривалось не как некая «услуга», имеющая целью «сформировать» некие «компетенции», то есть отделенные от социальной жизни практические

навыки и функции, а как служение, миссия, «воспитание души». Екатериной II, Бецким и Янковичем де Мириево были заложены основы, на которых российская система образования выстраивалась в следующем, XIX столетии, и отталкиваясь от которых начала формироваться российская национальная педагогическая школа.

Литература

- Генеральный план. Воспитательного дома для приносных детей, и госпиталя для бедных родителей в Москве // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. 1830. Т. XVI. С. 352—363. 359.
- Именной данный тайному советнику Завадовскому и статским советникам Эпинусу и Пастухову // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб. 1830. Т. XXI. Том 21. № 16507. С. 663–664.
- Именной «О посылке во все губернии из математических школ, по несколько человек для учения дворянского чина детей арифметике и геометрии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб. 1830. Т. V. № 2762.
- Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения до юношества. СПб. 1766.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М. 1994. Т. 2. Ч. 2.
- Наказ ее императорского величества самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении нового уложения. СПб. 1770.
- О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. СПб. 1783.
- Правила для учащихся в народных училищах, изданные по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб. 1786.
- Расположение Учения в Обществе благородных и мещанских девиц по введенному в народных училищах расположению и примеру // Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. В 3-х т. СПб. 1915. Т. 3. Приложения.
- Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб. 1787.
- Руководство учителям первого и второго разряда Народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению. СПб. 1807.
- Термен С.Э.* Призрение несчастнорожденных в России. СПб. 1912.
- Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ее императорским величеством государыней императрицей Екатериной Второй самодержицей всероссийской матерью отечества и прочая, и прочая и прочая // Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. В 3-х т. СПб. 1915. Т. 3. Приложения.
- Устав народным училищам Российской империи уложенный в царствование императрицы Екатерины II. — СПб. 1786.
- Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. В 3-х т. СПб. 1914. Т. 1. Предисловие. Время императрицы Екатерины II. Время императрицы Марии Федоровны.

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-77-87

УДК 372.862; 94(47).081

Тимур Магсумов

Идеи и проекты К.Д. Ушинского по модернизации отечественного профессионально-технического образования (1860-е годы)

Аннотация. На основе научно-педагогических и публицистических статей К.Д. Ушинского 1860-х годов — периода расцвета его деятельности и «великих реформ» в Российской империи, раскрываются мысли и предложения этого выдающегося педагога по реформированию технического обучения в России. Ушинский был ярким сторонником национального варианта модернизации отечественной системы образования. Сформулировав принцип народности образования, он считал его важнейшим фактором преобразования страны и ее самостоятельного развития. К.Д. Ушинский впервые разработал программу реформы профессионально-технического образования, основанную на общественной инициативе в создании и финансировании учебных заведений, предвзрительной общеобразовательной подготовке учеников, их трудовом воспитании и естественно-научном обучении.

Ключевые слова: история образования, К.Д. Ушинский, Российская империя, модернизация образования, ремесленная школа, профессиональное образование, техническое образование.

Объявленный в 2023 г. главой российского государства Год педагога и наставника был приурочен к 200-летию со дня рождения Константина Дмитриевича Ушинского. Эта связь закономерна: великий русский и шире — российский педагог являлся не только одним из зачинателей научной педагогики в нашей стране, чьи идеи восприняли представители национальной педагогики в Российской империи (среди них, например, татарский просветитель Каюм Насыри и классик грузинской педагогики Иакоб Гогешвили), но и деятельным практиком системы образования. Множество его замыслов и проектов оказались актуализированы в наши дни, в том числе создание педагогических классов гимназий (ныне — психолого-педагогические классы), борьба за увеличение доли знаний о России в содержании начального и среднего образования в противовес знаниям о зарубежном мире и многое другое.

К.Д. Ушинскому, его жизненному пути, практической деятельности, научно-педагогическому и методическому наследию в области начального образования посвящено

Сведения об авторе: МАГСУМОВ Тимур Альбертович — доцент кафедры педагогики им. З.Т. Шарафутдинова Набережночелнинского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, nabonid1@yandex.ru.

множество научных и публицистических работ. В этой статье хотелось бы остановиться на том аспекте творчества Ушинского, который редко привлекал внимание исследователей, — на проектах и идеях педагога по модернизации профессионально-технического образования.

Надо признать, что при жизни Константина Дмитриевича профессионально-техническое образование в Российской империи, несмотря на постепенное развитие, еще не оформилось в систему. В этой сфере не было проведено сколько-нибудь серьезных и заметных реформ. По сути, педагог во многом предвосхитил преобразования, которые были реализованы спустя годы и десятилетия после его кончины.

Стоит уточнить, что любое профессиональное образование во второй половине XIX столетия воспринималось в общественно-педагогических кругах как надстройка над общим образованием, без которого оно в принципе не могло существовать. Поэтому и интерес к нему усилился лишь с развитием общего образования и общим технико-экономическим прогрессом страны, то есть несколько позднее. Профессионально-техническое образование не могло быть оторвано от технического обучения в целом, равно как и от естественно-научной компоненты общего образования.

Идеи К.Д. Ушинского в этой области образования, в сочетании с его с главным дидактическим принципом — принципом народности, приобретали особое значение в контексте эпохи, выдвинувшей на первый план проблематику модернизации страны, включая образовательную революцию.

Время подготовки и проведения реформ Александра II актуализировало насущные вопросы реформирования образования, стимулировало общественно-педагогические дискуссии о путях его развития. Этот период совпал с назначением Константина Дмитриевича (в 1860 г.) редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Все 60-е годы XIX в., вплоть до кончины в 1870 г., стали временем активной общественно-публицистической деятельности Ушинского, написания его главных книг «Родное слово», «Детский мир и хрестоматия», «Человек как предмет воспитания». Это был период расцвета его творчества.

Исследовательской базой данной статьи явилась научная и педагогическая публицистика К.Д. Ушинского в периодической печати.

Напрямую вопрос о новой организации профессионально-технического образования ставился К.Д. Ушинским лишь в одной статье, напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» за два года до его смерти, — «Необходимость ремесленных школ в столицах» (1868). Впрочем, основой для этой статьи послужила гораздо более ранняя заметка Ушинского в неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» (1848) под названием «Ученики ремесленные в Петербурге», написанная им на базе большой статьи ученого и публициста Виктора Степановича Порошина (1809–1868). Хотя заметка и не подписана, ее проблематика и структура повторены в «Необходимости ремесленных школ в столицах».

Важными для изучения идейного наследия К.Д. Ушинского являются его статьи в профильном (общепедагогической и общеобразовательной направленности) «Журнале Министерства народного просвещения»: «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860) и «Педагогические сочинения Н.И. Пирогова» (1862). Взгляды педагога на реальное образование раскрывает статья «Системы образования, принятые в наших министерствах — военном и народного просвещения» («Голос», 1865), где автор противопоставляет реформу военно-учебных заведений, удачно проведенную, на его взгляд, Военным министерством, неудачному реформированию классического гимназического образования Министерством народного просвещения.

Среди использованных далее работ К.Д. Ушинского две выпадают из хронологических рамок статьи. Это его первая педагогическая статья «О пользе педагогической литературы» и самая «знаковая» для данного контекста, обширная по объему статья «О народности в общественном воспитании» (обе опубликованы в 1857 г. в «Журнале Министерства народного просвещения»). Они вышли в преддверии Великих реформ и раскрывают теоретическую базу и главную идею педагогической системы К.Д. Ушинского.

Национальный вариант модернизации образования

Пореформенный период истории российского образования характеризовался активным интересом к немецкой системе педагогики. Основоположник российской педагогической психологии Петр Федорович Каптерев (1849–1922) в этой связи писал: «Совершалась какая-то вакханалия по части заимствования педагогических идей, методов и приемов у немцев, причем сомнения в пользе заимствованного не допускалось». При этом он отмечал и позитивные моменты такого интереса: «...не следует забывать и того, что увлечение немецкой педагогикой быстро ознакомило нас с результатами западноевропейских педагогических работ <...> На почве данных немецкой педагогики мы могли идти дальше и строить свою педагогику... Как бы то ни было, а благодаря немецкой педагогике школьное дело у нас совершенно перестроилось» [Каптерев. С. 30–31].

К.Д. Ушинский, будучи хорошо знаком с немецкой педагогической литературой и признавая влияние германской системы образования на российскую («в Германии, откуда мы заимствовали основы большей части наших педагогических учреждений...» [Ушинский. О пользе... С. 16]), с началом проведения Великих реформ выразил позицию всего прогрессивного крыла русской педагогической общественности на роль национального варианта модернизации отечественной школы:

«...мы бессознательно, по долговременной привычке, полагаемся на Западную Европу <...>. Читая западные педагогические сочинения, осматривая учебные заведения образованных стран Западной Европы, мы хотели бы видеть все то же у себя; усваиваем те и другие воспитательные начала Запада и под влиянием их хотим преобразовать и устраивать наше народное образование. <...> [Однако] воспитательные идеи

каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое, проникнуты до того, что невозможно и подумать перенести их на чуждую почву <...> при переносе этих идей к нам, мы переносим только их мертвую форму, их безжизненный труп, а не их живое и оживляющее содержание <...> мы рискуем сегодня принять от Западной Европы то, что завтра же она признает сама никуда не годным». [Ушинский. Педагогические... С. 32–33].

Один из первых биографов и популяризаторов педагогического наследия К.Д. Ушинского, казанский педагог, краевед, чиновник (состоял инспектором народных училищ г. Казани, Казанского и Царевококшайского уездов Казанской губернии) и общественный деятель Виктор Федорович Люстрицкий (1851–1912) так писал о позиции К.Д. Ушинского:

«...в шестидесятых годах, какое время характеризуется обильным наплывом в русское общество различных идей из Западной Европы и увлечениями новыми взглядами. Константин Дмитриевич не подчинялся этому общему увлечению, а усваивал только то, что находил справедливым после беспристрастного анализа, и был иногда защитником вековых русских взглядов и верований, подвергавшихся в то время порицанию и осмеянию. Вследствие этого, некоторые товарищи Ушинского по литературным занятиям осыпали его бранью, его статьи подвергались нападкам и обвинениям в отсталости» [Люстрицкий. С. 5].

В основу развития российской системы образования педагог предлагал положить народность, рассматриваемую им не только как дидактический и воспитательный принцип, но как принцип развития всей системы образования в стране, зиждущегося на родном языке, на традициях и ценностях народа, на великой нравственной силе труда и естественно-научном образовании, на знании «оснований своей религии» и «своей родины» (курсив мой. — Т.М.), без механического заимствования всего западного.

Знания о своей религии и родине К.Д. Ушинский считал необходимыми для каждого человека, наравне с навыками чтения, письма и счета. Говоря об этом в статье «О необходимости сделать русские школы русскими», педагог, по традиции обрушиваясь на «классическое» образование, также указывает, что сложности в экономическом и техническом прогрессе страны «гораздо более зависят от незнания нами нашего отечества, чем от незнания древних языков» [Ушинский. О необходимости... С. 309–310].

«Необходимость ремесленных школ в столицах»

Становление профессионального образования в России пришлось на вторую половину XIX в. Отправной и важнейшей точкой в этом процессе историки называют 1888 г., когда были приняты «Основные положения о промышленных училищах». Но еще за 20 лет до этого ряд важных положений о развитии профессионально-технического образования высказал К.Д. Ушинский в статье «Необходимость ремесленных школ в столицах» [Ушинский. Необходимость...].

Впрочем, в статье речь шла не только о ремесленных школах, но и о глубоких сложностях столичного детства. История отечественной педагогики, изложенная в учебниках и учебных пособиях для педагогических вузов и колледжей, старательно избегает темы истории детства. Здесь я говорю не об исследовательском направлении «история детства», активно развиваемом в современной России силами педагогов и историков, а о том, что в учебниках по истории педагогики, помимо имеющегося в них институционально-политического экскурса в историю школы, необходимы как минимум вкрапления по истории детства соответствующего периода/региона. Конечно, история детства может выглядеть достаточно неприглядной, что и показано в статье К.Д. Ушинского, но ее знание важно для подготовки педагога. Ибо «детский мир» в его широком понимании как раз и является объектом приложения педагогического воздействия, и без тонкого знания этого мира невозможно добиться эффективного воспитательного влияния.

К.Д. Ушинский еще ранее, в 1862 г., обрисовал тяжелую картину ремесленного ученичества и быта ремесленных учеников в Санкт-Петербурге. Уже на тот момент в городе резко возросло количество ремесленных мастерских. «Каждую осень в Санкт-Петербург привозили сотни детей для продажи за несколько рублей в ремесленные мастерские», — обобщает сложившуюся к тому времени ситуацию современный исследователь [Синова. С. 68]. По сведениям, представленным К.Д. Ушинским, уже на 1843 г. в столице таких детей было более 10 тысяч, не считая окончивших обучение, но остававшихся в прежних отношениях с хозяином мастерской, и подмастерьев [Ушинский. Ученики... С. 36].

К.Д. Ушинский обращал внимание массового читателя на то, что часто встречаемые им на улице мальчуганы-«халатники» — это ремесленные ученики, бегущие во всю прыть с продукцией, «но нередко попадают они также и со штофом, бутылкой или даже бутылью прозрачной влаги, только что взятой в кабаке, с солеными огурцами в грязной бумаге, с разбитым носом, с глазами, обведенными темной синевой, и другими столь же несомненными признаками их будущей нравственности и их будущего здоровья» [Ушинский. Необходимость... С. 589]. Попадавшие в учение мальчишки в первые годы не изучали ремесла, а выполняли для хозяев всякие подсобные работы. В статье читателю представлена картина поистине средневекового ремесленного ученичества — уточним, в России середины XIX столетия!

Ученый прекрасно понимал социально-экономическую ситуацию своего времени: это заметно не только по вскрытию им проблемы, но и по тому, какие условия создания ремесленных школ он подчеркнул [Там же. С. 591–593]:

1) легкость обучения: «обучение какому угодно ремеслу ничуть не труднее обучения чтению и письму» и, более того, чаще всего гораздо легче;

2) скорость обучения: в связи с легкостью обучения «еще скорее выучить его шить сапоги или чинить замок»;

3) интерес: техническими уроками «дети занимаются часто гораздо охотнее, чем книжным учением, и быстро делают в них значительные успехи»;

4) общественная инициатива: учредителем таких школ должно стать столичное го-

родское управление, в этом должны принять участие и городские общества, «среди которых живут, растут и растлеваются эти бедные дети»;

5) возможность экономии средств: К.Д. Ушинский считал необходимым открыть несколько таких школ в разных частях города с обучением в них «самым обыкновенным ремеслам».

Формулировка К.Д. Ушинским общественно-педагогической мотивации стала традиционной для последующих прошений об открытии школ по всей России: «этим петербургское городское управление оказало бы величайшее благодеяние населению столицы, имело бы благотворное влияние на его нравственность, и все это обошлось бы ему не очень дорого» [Там же. С. 593]. (подобные формулировки встречаются и в источниках начала XX столетия.) Нравственно, патриотично и одновременно быстро, недорого — эти двоякие столпы стали приметой модернизирующейся страны, сохранявшей свои исконно русские ценности заботы о ближнем и общего блага. В этом же контексте К.Д. Ушинский заключает, что, несмотря на множество забот городского самоуправления («у города есть другие, более необходимые издержки» [Там же]), у таких школ имеются отдаленные экономические перспективы: «стоит заводить ремесленные школы уже с той одной целью, чтобы больницы и места заключения не отягчались теми лицами, которые, при порядочном ремесленном воспитании, наверно избежали бы и больниц и мест заключения» [Там же].

Профессионально-техническое образование как путь национальной модернизации

Обратимся собственно к профессиональному образованию, вернее, к тем принципам, которые К.Д. Ушинский в рассматриваемой статье предлагал в него заложить. Вот его базисные положения:

1. *Принцип последовательности обучения от простого к сложному.* «...в преподавании ремесла должна быть введена метода, по которой бы учащиеся постепенно переходили от легкого к более трудному и от простого к более сложному» [Там же. С. 594]. Отметим мысль педагога о том, что «нельзя ожидать, чтоб эти методы сразу же выработались и установились» [Там же]. Но «нет сомнения, что разумные люди, знающие основательно то или другое ремесло, если настойчиво подумают о том, как бы облегчить обучение ему, <...> то хорошая метода обучения ремеслам выработается скоро» [Там же].

Эта идея о «методе» примечательна прозорливостью ее автора: через два года, в 1870 г., России (а затем и миру) был представлен «русский метод обучения ремеслам» (именно так он был назван в США) — операционная система производственного обучения, разработанная в стенах Московского технического училища коллективом педагогов под руководством Д.К. Советкина. Его суть состояла в переходе от вещевого метода по «поделке целых изделий» к «приемам и операциям, из которых складывается процесс труда по их изготовлению, <...> придерживаясь строгой последовательности выполнения работ по принципу «от простого к сложному» [Магсумов. С. 8];

2. *Дифференциация бесплатности/платности обучения в зависимости от финансового состояния семьи.* Возможность обучения в ремесленных школах сирот и безнадзорных детей (К.Д. Ушинский допускал в таком случае предоставление этим детям «скудного обеда и необходимейшего платья», но все же полагал, что для них «следовало бы устроить отдельные школы» [Ушинский. Необходимость... С. 595]);

3. *Срок обучения,* предполагавшийся К.Д. Ушинским, составлял три-четыре года. Педагог считал, что этого времени хватит для подготовки умелого работника, жалование которого позволит ему прокормиться, а в дальнейшем он сможет заняться совершенствованием своего мастерства и самообразованием;

4. *Доминирование общественных школ над ремесленным ученичеством и, возможно, над частными школами.* О последнем педагог не говорил напрямую, но косвенно подводил к этому своим предложением привлечь к городским ресурсам средства благотворительности вместо открытия частных школ, попутно критикуя содержателей ремесленных заведений (не учебных, а державших подмастерьев и учеников).

Ряд принципиальных положений о профессионально-техническом и реальном образовании был высказан в других работах К.Д. Ушинского:

5. *Усиление реальной компоненты в содержании обучения и равенство реальных и гуманитарных предметов в целостном образовательном процессе.* Реальные науки, по мнению К.Д. Ушинского, должны были стать такой же основой общего образования, как и гуманитарные, выгодно отличаясь от последних тем, что «оставляют по себе в детях известный запас знаний, пригодных для жизни» [Ушинский. Системы... С. 294] и в большей степени способствуют развитию рациональных способностей учеников [Там же. С. 284]. Педагог сетовал на отсутствие широкой дисциплинарной подготовки и в университетах, отмечая в своей записной книжке, что «в Лондонском университете есть уже кафедра технологии», а у нас технический прогресс находится «в руках людей, не получивших никакого образования» [Ушинский. Сжатый... С. 456].

К.Д. Ушинский доказывал, что реальное и профессионально-техническое образование, вкуче с «хорошими народными училищами», явились основой модернизации Германии, ее промышленного переворота: «вот тот истинный источник, который пробудил промышленность и торговлю в Германии и в какие-нибудь двадцать лет сделал ее в десять раз богаче прежнего» [Ушинский. Отчет... С. 470]. Выступая в вопросах содержания учебных программ ярким «реалистом» (сторонником реального образования в противовес образованию «классическому» с его системой «мертвых языков»), педагог при всем том подчеркивал важное воспитательное значение гуманитарных предметов: «воспитание, достигающее блестящих результатов в передаче технических познаний, приносит мало существенной пользы народу и государству, каких бы прекрасных техников оно ни давало им» [Ушинский. О народности... С. 102]. «Конечно, никто не захочет ограничить область воспитания одной технической частью», — замечал он [Ушинский. О пользе... С. 39].

Относительно женского образования педагог считал, что задача преподавателя естественных наук, помимо общеобразовательной подготовки и «отчасти и насколько возможно уяснения рациональных правил хозяйства», должна акцентироваться на освоении ученицами «рациональных правил гигиены, к которым сами собою относятся и правила физического воспитания, составляющие только особый отдел гигиены» [Ушинский. Программы... С. 20].

6. *Принцип учета возрастных и образовательных возможностей обучающихся.* Ушинский высказывался против ранней специализации образования. Говоря о реформе военно-учебных заведений Д.А. Милютина, он приветствовал «мысль, заявленную в последнем приказе военного министра, о преобразовании низших заведений военного ведомства в начальные общеобразовательные заведения с элементарным курсом в течение 4-х лет» [Ушинский. Системы... С. 293].

Он констатировал, что такие школы станут важными «подготовительными заведениями» для формирования контингента специальных военных школ. Чуть далее в той же статье автор раскрыл свои посылки к этому выводу: «проектированные министерством народного просвещения профессиональные или особые специальные школы, без подготовительного общего образования, как оно введено в школах военного ведомства, также не будут иметь успеха и, по всей вероятности, вызовут, вслед за их основанием, низшие общие заведения для большинства» [Там же. С. 294].

Прогноз К.Д. Ушинского оказался пророческим: формирование среднего профессионального образования в дальнейшем сопровождалось массовым открытием подготовительных классов, которые должны были ликвидировать «голод» общего образования. Относительно высокие требования к поступающим в средние профессиональные учебные заведения, соответствующие общеобразовательному уровню, достаточному для освоения дисциплин предметной подготовки, столкнулись с нехваткой абитуриентов, готовых бросить учебу в средней общеобразовательной школе ради получения среднего профессионального образования. В ответ на это профессиональные школы, остро нуждавшиеся в учениках, вынуждены были принимать в них лиц с более низким уровнем образования, «доучивая» их в подготовительных классах в течение одного-двух лет. Однако и эта мера не была достаточной. В итоге профессиональная школа превратилась, по свидетельству официальных лиц, «в печальное убежище для всякого рода школьных неудачников», объединявшее в своих рядах в числе прочих «нездоровые элементы», бывших слабых учеников средней общеобразовательной школы с плохой дисциплиной и контингент выпускников начальной школы, «весьма неудовлетворительный как в смысле общеобразовательной подготовки, так и в отношении способности к успешному прохождению курса» [Максин. С. 66–70].

7. В контексте другой статьи К.Д. Ушинского — «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860) — нельзя не указать на мысль о *воспитательном характере трудового обучения и роли труда в нравственном росте человека*:

«...воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [Ушинский. Труд... С. 354–355], а потому и «всякая школа, позабывшая изречение Спасителя: «Не о хлебе едином жив будешь», и приготавливающая человека только к материальной жизни, как бы утонченна эта жизнь ни была и сколько бы ни требовалось для нее познаний, не выполняет своего назначения: она не приготавливает человека к жизни, но на первых же шагах сбивает его с настоящей дороги» [Там же];

8. *Ремесленное обучение и ознакомление учеников с основными техническими изобретениями как основные направления деятельности воскресных школ* (школ для взрослых). К.Д. Ушинский полагал, что беседа преподавателя с учеником по поводу его ремесла будет полезна пробуждением осознанного внимания ученика к своим трудовым действиям, их оценке и анализу, его интереса к занятиям, подогреваемого стремлением учителя передать секреты своего мастерства [Ушинский. Воскресные... С. 503–504];

9. *Дополнение лекционного метода в вузах практической подготовки студентов*. В статье-реакции на публикацию Н.И. Пирогова с данной идеей, соглашаясь с ним в этом вопросе, К.Д. Ушинский приводит пример Политехнической школы в Париже, где «излагают весьма обширно и полно науки, которые могут быть приложены к технике, но самую практику не думают возвести в теорию, предоставляя молодым людям знакомиться с нею на работах» [Ушинский. Педагогические... С. 75].

Последнее, на чем хотелось бы остановиться. Указывая, что цель ремесленных школ «так благотворительна и чувствуется в них такая нравственная и экономическая потребность» [Ушинский. Необходимость... С. 595], педагог дополняет ее важной патриотической задачей, актуализируя национальную повестку в выборе путей модернизации страны:

«...в этом вопросе есть и патриотическая сторона. При хорошей и нравственной ремесленной школе мы будем иметь не только отличных подмастерьев, но и хороших мастеров и хозяев *из русских*», и «*тогда к нам перестанут приезжать наживать чужеземные эксплуататоры наших замечательных дарований и наших слабых характеров*» (курсив мой. — Т.М.) [Там же].

Поставленная К.Д. Ушинским проблема не потеряла актуальность и спустя полтора с лишним десятилетия: в 1885 г. механические производства Европейской России на 8% руководились иностранцами, 28% из них имели техническое образование (россияне — 4%); химические производства на 5% возглавлялись иностранцами, 21% из которых имели техническое образование (среди русских подданных — 3%) [Кузьмин. С. 21].

* * *

1860-е годы — время начала широкой программы преобразований в Российской империи — одновременно были периодом расцвета научно-педагогического творчества и общественной деятельности К.Д. Ушинского.

Гласное обсуждение программ модернизации страны позволило педагогу широко транслировать сформулированный им принцип народности. Он доказывал, что, несмотря на значимость учета западноевропейского образовательного опыта, каждая страна и каждый народ — уникальны, а перенос чуждой практики приведет к большим потерям. Народность определялась Ушинским как базовый принцип национального варианта модернизации образования: он полагал, что образование на родном языке, покоящееся на нравственной силе труда, на знании своей родины и основ своей веры станет важнейшим фактором прогресса страны.

К.Д. Ушинский стал одним из первых деятелей народного образования, выдвинувшим вопрос о необходимости развития профессионально-технического образования в стране и предложившим собственную программу создания сети ремесленных школ в крупных городах. В этом аспекте он опередил процесс развертывания образовательной революции, коснувшейся на тот момент только общеобразовательной школы. Тонко чувствующий социально-экономические реалии времени, Константин Дмитриевич подчеркивал принципиальное значение общественной инициативы при создании ремесленных школ, а также указал на созвучные интересам торгово-промышленным кругов простоту, быстроту, дешевизну и результативность обучения детей ремесленному мастерству.

Неразрывными с развитием профессионально-технического образования К.Д. Ушинский считал качественную общеобразовательную подготовку учеников, основанную и на важнейших достижениях реальных наук, а также трудовое воспитание и общее техническое обучение, в том числе взрослых ремесленников и студентов вузов. Выступив сторонником практической подготовки студентов, К.Д. Ушинский сформулировал принцип последовательности обучения, нашедший практическую реализацию в «русском методе обучения ремеслам», созданном российскими инженерами-педагогами.

Идея независимости экономического развития страны от иностранных специалистов, которую в числе первых открыто озвучил К.Д. Ушинский, стала одним из факторов развития профессиональной школы в России во второй половине XIX — начале XX столетия.

Литература:

Каптерев П.Ф. Новая русская педагогика. СПб. 1914.

Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск. 1971.

- Люстрицкий В.Ф.* Очерк деятельности Константина Дмитриевича Ушинского и его взгляд на общественное воспитание. Казань. 1882.
- Магсумов Т.А.* Эволюция «русской системы» производственного обучения: отечественный и зарубежный опыт последней трети XIX в. // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 8. С. 6–13.
- Максин И.М.* Очерк развития промышленного образования в России. 1888–1908. СПб. 1909.
- Синова И.В.* Ремесленное ученичество в Санкт-Петербурге во второй половине XIX — начале XX века: дискурс повседневной жизни // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4. С. 68–73.
- Ушинский К.Д.* Воскресные школы // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 2: Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л. 1948. С. 489–512.
- Ушинский К.Д.* Необходимость ремесленных школ в столицах // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 3: Педагогические статьи. 1862–1870 гг. М.; Л. 1948. С. 589–597.
- Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 2: Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л. 1948. С. 69–166.
- Ушинский К.Д.* О необходимости сделать русские школы русскими // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 3: Педагогические статьи. 1862–1870 гг. М.; Л. 1948. С. 306–314.
- Ушинский К.Д.* О пользе педагогической литературы // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 2: Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л. 1948. С. 15–41.
- Ушинский К.Д.* Отчет о командировке за границу // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 3: Педагогические статьи. 1862–1870 гг. М.; Л. 1948. С. 453–586.
- Ушинский К.Д.* Педагогические сочинения Н.И. Пирогова // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 3: Педагогические статьи. 1862–1870 гг. М.; Л. 1948. С. 11–87.
- Ушинский К.Д.* Программы педагогического курса женских учебных заведений // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 10: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». М.; Л. 1950. С. 19–49.
- Ушинский К.Д.* Сжатый учебник педагогики // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 10: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». М.; Л. 1950. С. 324–622.
- Ушинский К.Д.* Системы образования, принятые в наших министерствах — военном и народного просвещения // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 3: Педагогические статьи. 1862–1870 гг. М.; Л. 1948. С. 283–297.
- Ушинский К.Д.* Труд в его психическом и воспитательном значении // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 2: Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л. 1948. С. 333–361.
- Ушинский К.Д.* Ученики ремесленные в Петербурге // Архив К.Д. Ушинского: [в 4 т.]. Т. 4: Ранние работы первого десятилетия научно-литературной деятельности К.Д. Ушинского (1846–1856 гг.). М. 1962. С. 36–38.

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-88-108

УДК 94(47)

Игорь Зимин

«Школьные» годы Николая II

Аннотация. *Статья посвящена программе и особенностям образования и воспитания детей императора Александра III, прежде всего старшего сына — будущего Николая II. На основании мемуарных и архивных источников реконструируется процесс и последовательность начального, гимназического и университетского образования цесаревича. Приводятся данные о педагогическом составе, изучавшихся предметах, персонале, о занимавших штатные должности учителях и воспитателях, о принципах и характере воспитания и образования последнего русского императора.*

Ключевые слова: *цесаревич, Николай II, Аничков дворец, педагоги, воспитание, гимназическое образование, университетское образование, учебная программа.*

Педагогическая деятельность в своей основе по-хорошему консервативна. При всей появляющейся сегодня педагогической машинерии, от мультимедийных программ до Интернет-ресурсов, в ее основе остается диалог педагога и ученика. Это некая константа педагогической деятельности. Так было вчера, так в целом остается и сегодня, при всех новейших привходящих. Поэтому отнюдь не лишне, тем более в связи с Годом педагога и наставника, взглянуть на то, как был поставлен воспитательно-образовательный процесс в семье Александра III.

Будущий Николай II родился в семье цесаревича Александра Александровича в мае 1868 г. Тогда стратегию воспитания подрастающих внуков определял Александр II, положив в основу отработанный стандарт: русские кормилицы в кокошниках, няни-англичанки и женское окружение до 7 лет. То есть в семье реализовывался воспитательный алгоритм, сложивший еще во второй половине XVIII в.

Когда мальчики подрастали, их передавали в руки мужчин-воспитателей. Начинался учебный процесс, который традиционно делился на три части: начальный (1 год), гимназический (8 лет) и универсальный университетский курс (4 года). Начальное образование носило стандартный характер: чтение, счет, письмо и молитвы. Дальнейшее образование несколько отличалось от имперского гимназического стандарта. В отличие от классической гимназии, детям императора не преподавались древние языки. Это было решение Николая I, который вынес из своих «школьных» лет крайне негатив-

Сведения об авторе: *ЗИМИН Игорь Викторович — профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, доктор исторических наук, 30maler@mail.ru.*

ные воспоминания об этих дисциплинах. Поэтому освободившиеся часы использовали для ряда других предметов, включая расширенное изучение иностранных языков.

При подборе педагогического персонала цесаревна Мария Федоровна ориентировалась на примеры прошлых лет, связанные с организацией учебного процесса младших сыновей Александра II¹.

В 1875 г., когда Николаю исполнилось 7 лет, а его брату Георгию — 5 лет, в их жизни многое поменялось. Летом того года на первом этаже Аничкова дворца (с окнами в сад) мальчикам оформили детскую половину, включавшую: приемную, гостиную, столовую, игральную и опочивальню. Отметим, что у детей цесаревича не было отдельных комнат, и в детской спальне стояли две кровати-раскладушки — будущего Николая II и его младшего брата Георгия. Третья кровать предназначалась для воспитателя, ночевавшего вместе с мальчиками. В Гатчинском дворце братья также жили вместе. Для учебных занятий имелась общая классная комната².

Тогда же у семилетнего Николая началась офицерская карьера. 6 декабря 1875 г., в день тезоименитства Николая II, дедушка Александр II пожаловал его первым офицерским чином прапорщика. 6 мая 1880 г., когда Николаю исполнилось 12 лет, он стал подпоручиком.

Важной частью образовательного процесса детей было воспитание чувства преемственности. Проявлялось это в разном, в том числе и в том, что вышедшие из употребления личные вещи, в том числе и игрушки, бережно хранились. Их передавали по наследству, вне зависимости от материальной стоимости и внешнего вида. Для членов семьи это были не просто старые игрушки, а игрушки Александра I, Николая I и других российских монархов. Так, в Аничковом дворце вплоть до революции 1917 г. хранились детские игрушки Николая II. Исаак Бабель, описывая посещение Аничкова дворца в 1917 г., упомянул: «На столе горою лежали детские игрушки, разноцветные тряпицы, изорванные книги с картинками <...> Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней» [Бабель. С. 225–231].

Конечно, забавляясь погремушкой или лошадкой, малыши вряд ли сознавали, что этими же игрушками когда-то играли их царственные предки. Но войдя в возраст, они с удивлением узнавали, что с «их» любимой старой лошадкой, например, играл еще Павел I сто лет назад. В результате дети буквально с молоком матери впитывали чувство историзма и осознание своей преемственности в череде правителей России.

1 Учителя Сергея и Павла Александровичей: Мечин — английский язык; Лакост — французский язык; Кедров — латинский язык и логика; Миллер — русский язык и литература; танцы; минералогия; Кирснер — немецкий язык; Гаврилов — русский язык; Нелисов — музыка (скрипка); Берглинд — гимнастика; Клодт - рисование; Смерчинский — фехтование.

2 Судя по фотографии (1940 г.) классной комнаты в Гатчинском дворце, в помещении находились две стандартные школьные парты, карта Российской империи на стене, караульная будка, у которой отрабатывались строевые приемы, и какой-то физический прибор у стены.

Когда в 1875 г. поменялся и домашний дресс-код маленьких великих князей. Вместо николаевских курточек, стилизованных под гусарские мундиры, детей всех Романовых почти одновременно одели в матросские костюмчики с тельняшками. Вероятно, эта мода пошла из Мраморного дворца, поскольку в 1874 г. генерал-адмирал русского флота великий князь Константин Николаевич ввел в русском флоте знаменитую тельняшку.

К 1876 г. была подобрана первая учительница, которая должна была научить Николая и Георгия читать, писать и считать. Точнее, учительница учила Николая, а младший Георгий только время от времени посещал уроки. Учительницей стала Александра Петровна Олленгрэн (Олленгрэн, Оллонгрэн)¹ — вдова капитана (смотрителя Петербургского вещевого склада), которая была опытным педагогом, классной надзирательницей Коломенской женской гимназии. Ей определили жалованье в 2600 руб. в год [О назначении вдовы...] и предоставили в Аничковом дворце квартиру с отоплением и освещением. Более того, через некоторое время ее сыну — Владимиру Олленгрэну, ровеснику Николая, разрешили учиться вместе с великими князьями. Других детей учительницы поместили, за счет цесаревича Александра Александровича, в учебные заведения на полный пансион.

При определении А.П. Олленгрэн на работу с ней встретились родители маленьких великих князей, и будущий Александр III Александрович лично поставил педагогические задачи: «вам дают двух мальчуганов, которым рано еще думать о престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать... Учите хорошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование» [Сургучев].

О самом характере начального образования дают некоторое представление воспоминания В. Олленгрена, много рассказывавшего о Николае II: «У него было необыкновенное уважение к бумаге: писал он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебной лившейся из стены вода. Его писанье было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила. Не знаю теперь, где они, кому достались и кто их бережет ... Ученье начиналось ровно в девять. Уроки были по пятьдесят минут, десять минут — перемена. Вне урока рисовали огромного папу и маленькую маму с зонтиком. Иногда на уроках бывал великий князь Георгий: этот только смотрел, слушал, вздыхал и норовил, как бы поскорей вы-

1 Встречается несколько разных вариантов написания фамилии: Олленгрэн, Олленгрэн, Оллонгрэн.

брать такой промежуток, чтобы поскорей стрельнуть из комнаты в сад. И мы смотрели ему вслед с искренней завистью. По стенам бегают зайчики, в саду простор, улица аппетитно шумит: улица — недоступный, запретный, какой-то особенный, удивительный, для счастливых, свободных людей мир» [Сургучев].

А.П. Олленгрэн вела все предметы по программе для поступления в средние учебные заведения. Проработала А.П. Олленгрэн в Аничковом и Гатчинском дворцах два с половиной года — до мая 1879 г., дав начальное образование будущему императору Николаю II. Когда в марте 1877 г. начался гимназический курс, А.П. Олленгрэн продолжала заниматься с Николаем, помогая тому в выполнении домашних заданий.

Родители мальчика были довольны учительницей, что вылилось в пожизненную пенсию. Также по окончании «своей трудной и ответственной работы мама, — вспоминал полковник В.К. Олленгрэн, — получила от августейших родителей большую бриллиантовую брошь с вензелями: «АМ» и датую: «1876–1879». Это было дано при уходе матери из дворца, и это была брошь самая роскошная, но и ранее, после каждого учебного года, родители также дарили маме броши бриллиантовые, но более скромные и обязательно со своими вензелями» [цит. по: Сургучев]. Кроме этого, с 1 июля 1879 г. А.П. Олленгрэн выплачивалась добавочная пенсия от Александра II — 214 руб. 50 коп. из сумм Государственного казначейства. После завершения своей работы с Николаем, А.П. Олленгрэн продолжила некоторое время посещать резиденцию, поскольку она занималась уже с Георгием и его сестрой Ксенией, получая 200 руб. в месяц. Занятия с ними закончились 3 мая 1881 г.

Общение с родителями в это время также являлось частью воспитательного процесса. Но имелись и нюансы. Например, цесаревна Мария Федоровна 20 марта 1877 г. писала матери: «Я только что от нянечки, где сама купала обоих мальчиков, сперва Ники, а потом Жоржи. Обычно я купаю ежевечерне лишь одного, но Жоржи так расплакался, когда я сначала дала обещание Ники, что я не смогла устоять, прочитав у него на личике огорчение и обиду, и искупала и его» [цит. по: Кудрина]. Замечу, что Ники тогда было уже почти 9 лет. Впрочем, матушка не особенно часто баловала детей своим вниманием. Поэтому, собственно, уже довольно большие мальчики так болезненно отреагировали на «очередность» с их купанием.

Такие взаимоотношения детей и цесаревны Марии Федоровны были следствием как детского воспитания самой цесаревны в Дании, так и устоявшихся дворцовых стандартов, прочно отделявших жизнь детей от жизни родителей. Конечно, дети это воспринимали как данность, но эта разделенность бытия не приносила им радости. В. Олленгрэн вспоминал: «Обыкновенно часов в одиннадцать утра, среди занятий, раздавался с четвертого этажа звонок. Все радостно вздрагивали. Все знали, что это звонит мамочка. Тут Ники гордо взглядывал на меня: «его мамочка». Мгновенно все мы летели на лифт и сами старались ухватить веревку. Достигнув четвертого этажа, в котором жила августейшая чета, мы через Блюдный зал знакомой дорогой летели кто скорее в «ее» будуар. Сейчас же начинались поцелуи и расспросы» [Сургучев]. Но самое главное удоволь-

ствие наступало, когда Мария Федоровна «всех по очереди катала... вокруг комнаты на шлейфе своего платья. Это была постоянная дань за расставанье. И, покатавшись, обласканные на целый день, мы снова спускались на свою половину к мрачным книгам и тетрадям» [Там же]. Складывается впечатление, что отец — цесаревич, а потом и император Александр III — был более близок к сыновьям, чем Мария Федоровна. Несмотря на естественную занятость, он гораздо чаще находил возможность для общения с детьми и многое решал в их детском мире.

Владимир Олленгрен вспоминал об Александре III: «Это был на редкость веселый и простой человек: он с нами, детьми, играл в снежки, учил нас пилить дрова, помогал делать снежных баб, но за шалости крепко дирывал за уши. Однажды мы с Ники забрались в Аничковом саду на деревья и плевали на проходящих по Невскому проспекту. Обоим от будущего Александра Третьего был дер, отеческий и справедливый» [Там же].

Как правило, дети гуляли в саду Аничкова дворца после уроков. Для них это была городская «территория детства». В. Олленгрен упоминает о самых разных эпизодах, связанных с прогулками в саду. После завтрака, пишет он, «мы встали, все трое, кто хватил то, кто — другое, все спешат, глотают не жуя, несмотря на все запреты и замечания, и у всех — одна только мысль: поскорее в сад, на вольный воздух, поноситься друг за другом в погоне, устроить борьбу и, по возможности, чехарду, которую Ники обожал». Сад Аничкова дворца для детей цесаревича был целым миром, о реалиях жизни за дворцовой решеткой они имели весьма смутное представление. Дети выбегали перед уроками «в сад на пятнадцать минут, а в саду через стенку¹ слышно, как шумит Невский проспект, а с ним — целый мир». Сам Николай II не раз с ностальгией вспоминал свое счастливое детство «на фоне» сада Аничкова дворца.

Среди зимних забав главное место занимал каток, который заливали под окнами Аничкова дворца. Судя по всему, для катания на коньках в графике родителей и детей имелось согласованное время — после 15 часов. С учетом темноты в январе-феврале катались в лучшем случае в сумерках, в худшем — при свете газовых фонарей. За январь-февраль 1880 г. «на каток в саду Аничкова дворца цесаревич с женой и детьми (иногда в разных составах) выходили 12 раз, и один раз Мария Федоровна с детьми каталась на катке Таврического сада»².

1 Решетка сада Аничкова дворца в целях обеспечения приватности была затянута плотным брезентом.

2 Из записей в дневнике Александра III: «... вернулся с Минни домой, и читал и занимался до 3 ч., а потом катались с детьми на коньках» (2 января 1880 г.); «Катались в 3 ч. на коньках с детьми» (3 января); «Сегодня сносная погода и только 100 морозу, и поэтому снова катались на коньках с Ники» (11 января); «Вернувшись, принимал до 3 1/4, а потом катался с детьми на коньках» (18 января); «Погода теплая, 30 тепла и каток испортился совершенно» (20 января); «Гуляли и возились с детьми в садике; кататься на коньках невозможно» (21 января); «в 3 1/4 пошел в сад гулять. Катались тоже на коньках после 8 дней перерыва» (28 января); «катались на коньках с детьми» (29 января); «катался на коньках с детьми» (1 февраля); «В 4 1/2 разъехали, и я

Фактически каток был внесен в расписание дня детей Александра III, и они ходили туда играть во второй половине дня, заканчивая свои развлечения уже в темноте. Когда они подросли, то играли на катке даже в сильный мороз. В 1888 г. цесаревич Николай записал в дневнике: «Играли на катке в мячики, и до того возились, что было даже жарко, несмотря на 18 град. мороза» (16 января).

Гимназический курс. 15 марта 1877 г. на должность воспитателя великого князя Николая Александровича назначили генерал-майора Григория Григорьевича Даниловича¹, который являлся членом Главного ученого комитета Военного министерства и директором Второй Санкт-Петербургской военной гимназии². Судя по рассказам В. Олленгрена, будущий Николай II «терпеть не мог этого наставника, чрезвычайно сухого «человека в фуляре», и когда с течением времени генерал Данилович скончался, то император Николай послал ему венок, но сам на похороны не приехал». Отчасти это подтверждается и тем, что Николай II в своих юношеских дневниках практически не упоминает имени Даниловича³.

Г.Г. Данилович занимал должность воспитателя при детях Александра III до 1891 г., т.е. 14 лет. Это было решение Александра II, которое не вызвало восторга у родителей ребенка. Именно Данилович подбирал штат преподавателей, которые должны были обеспечить «гимназический» уровень образования великих князей.

Впоследствии, после гибели империи, «многие из современников, анализируя особенности сложного характера Николая II, предъявляли счет Г.Г. Даниловичу. Некоторые мемуаристы упоминали, что воспитательная метода Даниловича «сломала» характер Николая II, сделав его скрытным и замкнутым» [Зимин. Повседневная... С. 102]. Предъявляли претензии и к Александру III, который не сумел передать детям свою харизму власти: «Их слишком настойчиво учили быть «прежде всего людьми» и слишком мало подготавливали к их трудной сверхчеловеческой роли» [Бенуа. С.228].

пошел кататься с детьми на катке» (3 февраля); «В 2 1\2 ездили с Минни к Мама, а потом домой и катались с детьми на коньках. Сегодня погода ясная и тает, но ветер страшный, совершенная буря» (17 февраля); «В 3 ч. катались дети с Минни в Таврическом, а я гулял в нашем садике, и идет целый день густой снег, так что опять отличный санный путь» (24 февраля); «В 3 1\2 вернулись домой и катались с Минни и детьми на коньках» (27 февраля); «В 3 1\2 вернулись домой и катались с детьми на коньках» (28 февраля 1880 г.).

1 Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906) — военный деятель, педагог. Генерал-адъютант (1881), генерал от инфантерии (1892). Назначен состоять при императоре (1895). Директор Второй СПб. военной гимназии (1866–1877). Воспитатель вел. кн. Николая и Григория Александровичей (1881–1894).

2 Жалованье воспитателю 5000 руб. в год, экипаж от двора наследника. В начале 1879 г. Г.Г. Данилович в прошении заявил, что ему не хватает 5000 руб. жалованья «на обычные жизненные потребности» и просил прибавить еще 1800 руб. в год. Просьбу удовлетворили.

3 Например, за 1888 г. имеется только одно упоминание воспитателя: «В 8 час. поехали втроем с Григ. Григ. в цирк. Было весело» (23 января).

Рассуждая на эту тему, следует иметь в виду, что Г.Г. Данилович был профессиональным военным педагогом. «Свою карьеру он начал в Дворянском полку, а затем служил под началом такого талантливой руководителя военно-учебных заведений империи, как Я.И. Ростовцев. Данилович принимал участие в реформе военно-учебных заведений в 1860-е годы, многие годы возглавлял 2-й Кадетский корпус» [Зимин. Повседневная... С. 102–103].

Помощником Г.Г. Даниловича назначили преподавателя французского языка Льва Федоровича Лакоста¹, который ранее преподавал французский язык младшим сыновьям Александра II. Как помощник воспитателя, Лакост дежурил на детской половине Аничкова дворца в понедельник, среду и пятницу с 9 до 23 часов, одновременно занимаясь с детьми французским языком. Все преподаватели назначались только по рекомендации Даниловича и с одобрения цесаревны Марии Федоровны.

Гимназический курс «стартовал» в Аничковом дворце 19 марта 1877 г. Как это было принято в великокняжеских семьях, преподаватели работали сразу с двумя учениками, близкими по возрасту. В Аничковом дворце гимназический курс читался одновременно Николаю и Георгию, при этом образование было «заточено» на старшего, как потенциального императора. Мальчишкам преподавали [О назначении к великому князю... Л. 2.]

Предметы	Кол-во уроков в неделю	Преподаватель	Начало
Русский язык	4	Статский советник Иван Федорович Рашевский	19 марта 1877 г.
Арифметика	4	Коллежский советник Василий Адрианович Евтушевский	19 марта 1877 г.
Чистописание	4	Руссель	19 марта 1877 г.
Рисование	2	Карл Викентьевич Ленох	19 марта 1877 г.
Закон Божий	2	Иван Леонтьевич Янышев (духовник Александра II)	22 октября 1877 г.
5 предметов	16 уроков		

По мере взросления Николая и Георгия, добавлялись новые предметы:

Предметы	Кол-во уроков в неделю	Преподаватель	Начало-конец
Немецкий язык	4 ¹	Преподаватель 3-й военной гимназии Максим Карлович Прейс ²	февраль 1879 г. — 1 сентября 1889 г. [О назначении к великому князю... Л. 1]
География	2	Сергей Григорьевич Лапченко	11 декабря 1879 г. — весна 1885 г.
Математика		Статский советник Евтушевский	19 марта 1877 г. — 9 октября 1885 г.

1 Лакост Лев Федорович (?-1900) — учитель французского языка.

Предметы	Кол-во уроков в неделю	Преподаватель	Начало-конец
Музыка	Ежедневно, за городом не менее 3 раз в неделю	Профессор консерватории Рудольф Васильевич Кюндингер	февраль 1878 г.
Естественная история	2	Коллежский ассессор Александр Яковлевич Герд	21 февраля 1878 г.
Английский язык	2	Воспитатель Императорского Александровского лицея Карл Осипович Хис	апрель 1878 г.
Французский язык	2	коллежский советник Ро; профессор университета Луи Арон Дюперре	май 1878 г.
Минералогия			1878 г.
Верховая езда		старший берейтор Шефер	1879
Гимнастика	2	Доктор Владимир Филиппович Диаковский	январь 1880 г.
Начальное военное обучение		Фельдфебель Федор Плешаков	август 1880 г.
Всеобщая история		Доцент Санкт-Петербургского университета Замысловский (1.000 руб. в год)	сентябрь 1880 г.
Танцы		Артист Императорских театров Тимофей Алексеевич Стуколкин ³ (600 руб. в год)	январь 1881 г.

Светская публика следила как за успехами, так и за неудачами в учебном процессе детей цесаревича, чутко реагируя на малейшие отклонения от общепринятых стандартов. Например, в июне 1879 г. преподаватель естественной истории попросил известного анатома, профессора Медико-хирургической академии В. Грубера приготовить к сентябрю 1879 г. «полный собранный скелет человека и добавочно вскрытый череп в пособие при занятиях великого князя Николая Александровича по естественной истории». Скелет доставили в Аничков дворец 6 сентября 1879 г., за что цесаревич Александр Александрович выразил В. Груберу искреннюю благодарность. Эта совершенно невинная история вызвала настоящую бурю в аристократических гостиных. Г.Г. Даниловича обвиняли в том, что он готовит из Николая «акушера». Этот эпизод свидетельствует, насколько внимательно отслеживалась семейная жизнь цесаревича.

Как известно, Николай II прекрасно владел английским языком, говоря на нем с оксфордским произношением. Обучение этому языку началось, когда цесаревичу не было еще 10 лет. Учитель К.О. Хис (Charles Heath, 1826–1900) был приглашен в Аничков дворец, как педагог, ранее преподававший английский язык великому князю Дмитрию Константиновичу. Его пригласили в резиденцию с прицелом на занятие должности помощника воспитателя (гувернера), поскольку учитель французского языка Л.Ф. Лакост, выполнявший эти обязанности при великом князе Николае Александровиче, подал прошение об увольнении. К.О. Хиса брали «временно, на летние месяцы», пока подбирали замену Лакосту, который принял решение вернуться во Францию. С мая 1878 г. занятия французским языком временно проводил преподаватель Мариинской женской гимназии коллежский советник Ро.

В июле 1878 г. Г.Г. Данилович вступает в переписку с французским гражданином Луи Ароном-Дюперре (Дюпре) — профессором, «причисленным к французскому университету», которого Лакост рекомендовал на свое место. За исполнение обязанностей преподавателя французского языка и помощника воспитателя французу предлагались роскошные условия: 4500 руб. серебром в год жалованья и столовые; предоставлялась небольшая квартира при Аничковом дворце (либо 800 руб. квартирных); на переезд из Франции выдавали 2000 франков единовременно. Испытательный срок предполагался в 6 месяцев, при заключении контракта на 10–12 лет. По завершении контракта — пожизненная пенсия в 2000 руб. в год, при расчете золотом не менее 3 франков за рубль «или более этого». 27 августа 1878 г. француз принял предложенные условия.

В ноябре 1878 г. должность второго помощника воспитателя и преподавателя английского языка занял К.О. Хис. В его обязанности входило, поочередно с Дюпре, 3–4 раза в неделю находиться «безотлучно при Николае Александровиче и Георгии Александровиче», ночуя с ними¹, «если это признано будет необходимым».

После прохождения испытательного срока, с 12 января 1879 г. К.О. Хис стал работать в Аничковом дворце на постоянной основе. Судя по тому, что летом 1879 г. К.О. Хису выдали 400 руб. на наем дачи в Царском Селе, им были довольны. Об этом свидетельствует и пожалование Хиса в январе 1880 г. датским орденом св. Данеброга 3 ст., а также пожалование в апреле 1882 г. генеральским чином действительного статского советника.

Николай II довольно часто упоминал о своем времяпровождении с К.О. Хисом, которого он поначалу уважительно именовал в дневнике «Mr. Heath», а позже вполне фамильярно «Хисычем». Но это была уважительная фамильярность, поскольку Хис не только занимался воспитанием будущего императора («работали в Зверинце с Мишой и Mr. Heath ... затем я играл с Mr. Heath на биллиарде и проиграл партию», 5 января 1882 г.), но и английским языком («Хисыч весь день был страшно рассеян и путал все ... Читал с Хисычем», 19 января 1888 г.).

Впрочем, в дневнике встречаются и такие записи: «Между [уроками] дрались, по обыкновению, с Хисычем» (27 октября 1884 г.); «между уроками дрались с Хисычем. ... курил папироску на скамейке». Это странное «дрались» можно интерпретировать как обучение «Хисычем» воспитанника основам английского бокса [Великая княгиня... С. 56].

В 1879 г. Дюпре отправился в отпуск за границу «на время заграничных путешествий» семьи цесаревича. По возвращении, условия контракта с Дюпре несколько изменили — 10 лет службы в должности помощника воспитателя и учителя французского

1 Владимир Олленгрэн упоминает, что в спальне великих князей Георгия и Николая стояло три кровати. Третья кровать предназначалась для воспитателя. Пребывание воспитателя в одной спальне со своими воспитанниками — одна из дворцовых традиций «прежних лет».

языка с 1 июня 1879 г. Цесаревич одобрил условия 10 июня 1879 г. Примечательно, что вплоть до июля 1881 г. Дюпре жил в одной из квартир Аничкова дворца. После того, как цесаревич стал императором Александром III и число «жильцов» резиденции резко выросло, Дюпре был вынужден «занимать квартиру в частном доме»¹.

Со времен детства Павла I занятия с цесаревичами организовывались на самом серьезном уровне. Например, когда Николаю с 1878 г. начали преподавать минералогию, то для этого использовали не только коллекцию минералов, принадлежавшую цесаревичу Александру Александровичу, но и доставили из музея Горного института еще 80 единиц минералов [О назначении к великому князю... Л. 23].

Говоря о музыке, следует заметить, что Николай вполне уверенно играл на фортепиано. Когда в 1890 г. он готовился к кругосветному путешествию, на фрегат «Память Азова» доставили фортепиано из комнат цесаревича в Александровском дворце. А в январе 1894 г. цесаревич записал в дневнике, что в Аничков дворец «Приехала из Америки выписанная Сандро² для меня орган-гармония и поставлена в первой комнате» (30 января 1894 г.); «После чаю играл на новом инструменте, кот. Сандро привез мне из Америки — зольен (клавишный инструмент — *Прим. автора*)» (5 февраля 1894 г.).

В январе 1880 г. в Аничков дворец для занятий гимнастикой пригласили доктора В.Ф. Диаковского, работавшего «главным наблюдателем за врачебными гимнастическими упражнениями при институтах Ведомства императрицы Марии». Он заказал в Стокгольме пять «механических аппаратов для гимнастических занятий великих князей Николая Александровича и Георгия Александровича», за которые уплатили 3000 шведских крон. Кроме шведских тренажеров, к лету 1880 г. в Аничковом дворце в комнатах, «назначенных для гимнастических занятий великих князей Николая Александровича и Георгия Александровича», появился «столбик для прыгания в ширину, трамплин и матрац». Чуть позже в этих же комнатах появились: трехъярусная лестница; отвесные шесты (4 шт.); канаты (2 шт.); «ступенчатые мачты» (2 шт.); «широкая шведская лестница» и к ней скамейка; две полукруглые лестницы; два «столбика для прыгания в ширину с веревкою и грузом»; трамплин с ремнями; кожаный матрац, набитый волосом. Все это гимнастическое великолепие, изготовленное в «мебельной, обойной мастерской и предметов гимнастического заведения А.В. Линдера», обошлось в 684 руб.

С лета 1880 г., после того как Николаю исполнилось 12 лет, началось его системное военное обучение. В августе 1880 г. в Аничков дворец доставили три ящика патронов (300 шт. металлических 3-линейных патронов) к ружью Николая. Оружие и боеприпасы хранились в Арсенальном павильоне Аничкова дворца. Тогда же фельдфебелю Федору Плешакову выдали прицельный станок и ружье Бердана, принадлежащее Николаю, «для пригонки и пристрелки к этому ружью прибора для стрельбы дробинками» [О на-

1 Сандро — домашнее прозвище великого князя Александра Михайловича.

2 Ляпунов Сергей Михайлович (1859–1924) — русский композитор и пианист.

значении к великому князю... Л. 110]. Занятия стрельбой были такой интенсивности, что боевых патронов хватило только на 2 недели. В июле 1882 г. во дворец привезли еще 200 штук боевых 3-линейных металлических патронов и 50 патронов с дробью №10 к охотничьему ружью.

9 марта 1888 г. цесаревич Николай присутствовал на историческом испытании пулемета Хайрема Максима в Манеже Аничкова дворца: «Встал к первому уроку, что давно не случалось. Забыл, что вчера перед прогулкой пошли в манеж, где Папа показывали устройство и стрельбу из автомат. пушки Максима, которая заряжается силою отдачи». Это было, безусловно, знаковое для русской армии событие¹.

Примечательно, что с 1880 г. расписание занятий своих сыновей стал утверждать лично цесаревич Александр Александрович. В конце марта 1881 г. семья уже императора Александра III переехала в Гатчинский дворец, где преподаватели продолжили читать гимназический и университетский курсы.

С 1883 г. физику Николаю преподавал Бергман, выписавший в апреле из Парижа «некоторые приборы для физического кабинета». В 1884 г. коллежский регистратор Смерчинский начал обучение Николая фехтованию. Генерал-майор О.Э. Штубендорф читал военную топографию. Экстраординарный профессор Историко-филологического института Н.И. Жданов преподавал историю русской литературы (в 1884 г. по 2 лекции в неделю). С 1 января 1885 г. тактику читал профессор Николаевской Академии Генерального штаба полковник П.К. Гудим-Левкович², артиллерию — начальник Михайловской Артиллерийской академии генерал-майор Н.А. Демьяненко. С 1 сентября 1885 г. фортификацию читал генерал-майор Ц.А. Кюи³.

Поразительно, как будущему императору ставили почерк. В 1885 г. Николай еще продолжал заниматься чистописанием, которое прекратили преподавать только 1 января 1887 г., когда цесаревичу было 18 лет, поэтому почерк у императора был совершенно читаемый.

Математику преподавал статский советник Вулих. С августа 1886 г. стратегию и во-

1 После того как пулемет лично испытал Александр III, в мае 1888 г. прошли испытания на Главном артиллерийском полигоне. В результате Военное министерство заказало 12 пулеметов образца 1885 г. под 10,67 мм патрон винтовки Бердана. В 1891–92 гг. было приобретено несколько пулеметов под винтовочный 3-линейный патрон.

2 Из дневника Николая II: «Встал с трудом к 1/2 9. Кончил тактику с П.К. Гудим-Левковичем» (5 апреля 1890 г.).

3 О занятиях с Цезарем Кюи Николай II в дневниках упоминал неоднократно. Например, в 1888 г.: «Проснулся в 9 ч. и был готов к уроку Кюи» (25 января); «После чая имел урок Кюи» (25 февраля); «Как раз встал к уроку Кюи, теперь я снова отвык поздно ложиться» (24 марта); «Кончил, к сожалению, фортификацию с добрым Ц.А. Кюи» (18 апреля). Под конец занятий Ц.А. Кюи посвятил воспитаннику сюиту: «После семейн. обеда поехал с Гошем на концерт в Двор. Собр. чтобы слушать посвящ. мне сюиту Кюи» (6 февраля).

енную историю — генерал-лейтенант Г.А. Леер¹. С августа 1887 г. член Императорской Академии наук, действительный статский советник Н.Н. Бекетов начал читать курс химии². По рекомендации Бекетова в Гатчинском дворце для Николая и Георгия оборудовали химическую лабораторию, богато оснащенную различными приборами³.

Тогда же директор Канцелярии Военного министерства генерал-майор П.Л. Лобко начал читать курс военной администрации (он же читал Георгию Александровичу курс астрономии). С 1889 г. помощник главного военного прокурора генерал-майор Гольмблат читал Николаю курс военных законов. Упомяну, что несколько позже в Гатчине с великим князем Михаилом Александровичем занимался столярным и токарным делом К.Ю. Цируль⁴, преподаватель Санкт-Петербургского учительского института.

Говоря о процессе образования будущего императора Николая II, отметим, что он был неравномерен, поскольку от занятий его отрывали светские обязанности. Особенно неравномерны в плане занятий были зимние месяцы с января по апрель, т.е. сезон зимних балов, как правило, заканчивавшихся под утро. Да и прилежным учеником цесаревич не был, о чем свидетельствуют многочисленные записи в его дневнике за 1888 г.: «Проснулся в 1/4 десятого и спал всего 4 часа; довольно мало, но что ж если такова участь каждого человека в обществе» (11 февраля); «Снова проспал первый урок и встал к лекции Победоносцева» (12 февраля); «Опять по обыкновению встал в 9 час., пропустив первый урок» (16 февраля); «Встал ко второму уроку» (27 февраля); «С наслаждением проспал приготовление истории» (23 марта). Причем такая ситуация сохранялась годами: «Встал в 10 1/2; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь — спячка, т.к. никакими средствами добудиться до меня не могут» (12 января 1890). Кроме этого, преподаватели не имели права спрашивать цесаревича и ставить ему оценки. Если молодые люди вставали поздно, после 9 утра, это ими именовалось «поспать по-генеральски» или «генеральским часом».

Между тем К.П. Победоносцев полагал (январь 1884 г.), что, «хотя Данилович по старости лет, слабости здоровья и вообще некоторой мертвенности нравственного существа и не представляется идеальным воспитателем, тем не менее, его план обучения и строгость выполнения этого плана ставят ход образования наследника удовлетворительнее, чем других юношей царствующего семейства» [Половцов. С. 188]. Через несколько лет, в январе 1887 г., Победоносцев вновь похвалил «способности молодого

1 Из дневника Николая II: «Занимался с Леером, чуть-чуть не заснул от усталости» (11 января 1888); «Встал поздно, чем урезал Лееру его два часа» (27 января 1890).

2 Из дневника Николая II за 1888 г.: «За химией делались интересные опыты, но порядочно воявшие» (18 января); «За химией в первый раз отвечал Бекетову из пройденного» (1 февраля).

3 В архивном документе упомянуто 27 шт., в числе которых: прибор для озонирования кислорода и прибор Гофмана для электролиза воды.

4 Цируль (Цирулис) Карл Юрьевич (1857–1924) — педагог, деятель в области трудового обучения. Теоретически обосновал значение ручного труда как общеобразовательного предмета русской народной школы.

человека», хотя посетовал «на то, что его держат еще на положении ребенка, а в особенности на то, что ему не позволяют путешествовать» [Дневник... С. 7].

Александр III оставил значительный след в душах своих сыновей. Это проявлялось в очень разных вещах. Так, Александр III, не чуравшийся физической работы, приучил к этому и своих детей. Особенно это было характерно во время пребывания семьи в Гатчине, когда отец с маленькими сыновьями вместе пилили в парке деревья, сжигая на костре срубленные ветви. В саду Аничкова дворца такое было невозможно, однако физический труд в том или ином варианте присутствовал и там. Записи цесаревича Николая за 1888 г.: «Чистили крышу оранжереи с Тормейером» (15 января); «Вышел в сад. Сперва немного поработали над постройкой дома, а затем покатались на коньках» (28 февраля); «Работали в саду в валу» (10 марта); «Прорывали туннели в валу и удачно встречались» (11 марта); «Работали в саду; прорыли две туннели» (12 марта); «В саду произошло целое наводнение, вследствие засорения одной из труб. Проламывали все наши туннели, т.к. они уже испорчены» (19 марта). Судя по всему, в этих работах принимал участие и Александр III, поскольку 2 апреля 1888 г. Николай специально отмечал: «Работали в саду без Папа». Граф С.Д. Шереметев вспоминал: «Однажды кто-то проезжал на конке мимо Аничкова дворца и видел, как он (Александр III. — И.З.) выворачивал в саду снежные глыбы. «Ишь силища-то какая!» — с уважением сказал сидевший там мужичок».

Сыновья Александра III не были избалованными детьми. Родители держали их «в руках», каждый по-разному. Отец охотно разделял детские забавы не только своих детей, но и их ровесников. Сохранилось несколько фотографий Александра III с клюшкой в руках на катке у Аничкова дворца, рядом со своими подросшими сыновьями. Императрица Мария Федоровна строила отношения с детьми по-иному. Они не выходили за рамки дворцового этикета.

Совершенно очевидно, что отношение царственных родителей к своим детям обсуждалось в свете.

Особенно доставалось Марии Федоровне. Например, генеральша Богданович в своем дневнике, со ссылкой на камердинера Николая II, писала: «...детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда, совсем неожиданно, царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы, заходила аккуратно в один и тот же час так же, как в одно и то же время дети являлись к ней — поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было» [Богданович. С. 247–248].

Впрочем, в Гатчине у детей было больше возможностей для общения с родителями. За городом они все вместе жили в очень большом доме, большой семьей. Дети, как и отец, ловили рыбу на гатчинских прудах. В детских дневниковых записях вели-

кой княгини Ксении Александровны упоминается шлюпка для рыбалки с забавным именем «Моя-моя»: «мама и я пошли в Адмиралтейство, где сначала кормили уток, а потом, забрав матроса и удочки, отправились на «Моя» под большой мост около зверинца, где высадились и стали ловить рыбу! Чрезвычайно увлекательно! Мама ловила все окуней, а я плотву, и наловила очень много, что меня обидело!» [Александр III в Гатчине. С. 40–41]. А в письме Александра III к супруге 28 апреля 1892 г. сообщалось, что «Миша вернулся из Заречья в восторге, весь красный от загара и привез с собою более 150 форелей, ловили кроме Миши, кн. Голицын, Диц, Тормайер и сам профессор Хис, который конечно наловил почти половину всего количества рыбы» [Александр III в Гатчине. С. 58]. Судя по дневниковым записям, дети Александра III активно использовали на гатчинских озерах некий «аквапед» — прообраз современного водного велосипеда. В 1882 г. на озере появилась лодка с электрическим двигателем.

Наряду «с многочисленными воспитателей “по должности” рядом с цесаревичем Николаем оказался человек, который был воспитателем “по призванию”. Это был его преподаватель английского языка Карл Иосифович (Осипович) Хис (Heath). Он появился рядом с цесаревичем, когда тому исполнилось 10 лет. Благодаря Хису все дети Александра III получили не только оксфордское произношение, но и прекрасную физическую подготовку» [Зимин. Аничков дворец... С. 291]. Генерал Н.А. Епанчин писал об этом в мемуарах: «Физическое развитие наладилось случайно. Дело в том, что для занятий по английскому языку был приглашен мистер Хис. ... Именно Хис обратил внимание на недостаточность физических упражнений цесаревича и занимался этим делом и, между прочим, закаливанием цесаревича, в чем достиг превосходных результатов». Говоря о результатах этого воспитания, Н.А. Епанчин подчеркивал, что царь «был очень вынослив в физическом смысле, не боялся сквозного ветра, не был подвержен простуде и обладал прекрасным здоровьем» [Епанчин. С. 198]. Об этом же упоминают и другие мемуаристы. А.П. Извольский писал, что «действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, занимавший место частного учителя в Императорской семье ... особенную склонность он чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта. Ему Николай II обязан совершенным знанием английского языка и увлечением спортом» [Извольский. С. 158]. Негативно относившийся к царю кадет и масон В.П. Обнинский также считал необходимым упомянуть об этом: «...англичанин Mr. Heath, «Карл Осипович» как его обыкновенно называли... прекрасный художник и спортсмен.... В юношеские годы первое место занял спорт всех видов, и царские сыновья хорошо скакали, стреляли, ловили лососей ... подвижность и любовь к спорту отличали всех детей Александра III» [Последний самодержец. С. 41].

Видимо, не без влияния Хиса в 1879 г. будущий император писал отцу: «Я не умею еще плавать, но скоро научусь» [Письма великого князя...]. После переезда семьи в марте 1881 г. в Гатчинский дворец в одном из его помещений для подрастающих наследников была оборудована гимнастическая комната, где были установлены турник и параллельные брусья [Гуль. С. 202].

Когда в 1877 г. цесаревич Александр Александрович уехал на войну, он с большой радостью получал письма своего 9-летнего сына, сообщавшего о своих учебных делах. В свою очередь, цесаревич считал своим долгом ответить на каждое письмо сына: «Благодарю тебя, мой милый Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны» [Письма императора... С. 214].

Важнейшей частью воспитательного процесса, точнее — важной частью жизни православной семьи цесаревича Александра Александровича, были богослужения, на которых присутствовала вся семья. Например, в январе 1881 г., в тяжелое во всех отношениях время для будущего Александра III, семья стояла на воскресных службах в Аничковом дворце. Цесаревич фиксировал в дневнике: «Утро провел дома, и у обедни были с Минни и детьми в нашей церкви» (20 января, воскресенье); «Утро провел дома, и в 11 ч. были в нашей церкви у обедни с Минни и детьми» (10 февраля, воскресенье).

Когда дети подросли, порядок посещения семьей церковных служб остался без изменений. Например, 1 января 1892 г. в 11 часов состоялся высочайший выход к Божественной литургии в церковь Аничкова дворца. Приглашенные присутствовали в парадной форме. Поскольку на соборной литургии присутствовал Александр III с «Августейшими Детьми, а равно прочие Особы Императорской Фамилии»¹, то в церкви пели два хора певчих и горели все люстры. После богослужения Александр III принимал поздравления присутствовавших в церкви. Затем члены императорской фамилии отправились на семейный завтрак [Распоряжения...].

Упомянув о здоровье и физическом развитии Николая II, несколько слов надо сказать и о питании детей. Младшая сестра Николая II, великая княгиня Ольга Александровна, вспоминая свои детские годы, подчеркивала, что царские дети «питались очень просто. К чаю подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Мне нравилось, как варят кашу. ... На обед чаще всего подавали бараны котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф. ... Всех нас воспитывали одинаково: ели мы все, что нам давали» [Воррес. С. 19].

Во время семейных обедов соблюдались определенные правила. Официанты подавали блюда по старшинству, сначала императорской чете, а уже затем всем остальным. Кроме этого, при дворе не было принято ни есть поспешно (это считалось дурной манерой), ни съедать все, что было положено на тарелку. Детям подавали в последнюю очередь, когда взрослые уже заканчивали есть, в порядке старшинства. Поэтому младшие дети, по воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, позже записанным ее собеседником Й. Ворресом, мало что успевали съесть и периодически выходили из-за родительского стола полуголодными. При этом дети «никогда не позволяли себе зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Подобные вещи просто не делались» [Воррес]. Впрочем, в рассказ про «полуголодных» царских детей верится не вполне.

1 Императрица Мария Федоровна не присутствовала.

Дети буквально рвались за «взрослый» стол, и родители пользовались этим, решая свои педагогические задачи и радуясь, когда маленькие дети вели себя как должно. Александр III в письме к жене (9 мая 1884 г.) отмечал, например, что «Мишкин сам пришел к завтраку, был очень умен и ел хорошо». «Мишкин» — это великий князь Михаил Александрович, которому в 1884 г. было 7 лет [Боханов, Кудрина. С. 88]. В том же мае 1884 г. Александр III писал жене: «как я обещал Ники и Жоржи, что по субботам они будут обедать со мной, то мы вчера обедали втроем, и Жоржи страшно зол на Ники, которому разрешено есть пирожки и огурцы, а ему — нет» [Там же. С. 92].

Естественно, поведение детей жестко контролировалось их воспитателями, и обычные детские шалости за взрослым столом становились поводом для «разбора полетов» на детской половине. Кузина Николая II, вспоминая свои детские годы, писала: «Мы имели право отвечать на заданные вопросы, но не принимать участие в беседе. Между переменами блюд мы должны были класть кончики пальцев на край стола и сидеть очень прямо; если мы забывали, то нам немедленно об этом напоминали: «Мария, держите спину» или «Дмитрий, снимите локти со стола». ... Стулья, неудобные и высокие, имели сиденья из темной красно-коричневой кожи и большие монограммы на спинках» [Романова. С. 40]. Кстати, «неудобные стулья» с монограммами тоже не случайность, поскольку их форма не давала детям «разваливаться» за столом. Дети с детства приучались держать себя в обществе соответствующим образом.

Но в резиденции не только учились, но и развлекались. Круг приятелей юного цесаревича Николая получил прозвание «Картофеля». Все они охотно играли на просторах сада Аничкова дворца. Каток устраивался и на льду озер Гатчинского парка, именно там учился кататься на коньках будущий Николай II. Мемуарист упоминал: «В саду Аничкова дворца устроены были ледяные горы и каток, то же и в Гатчине. Сюда собирались его [царя] дети с приглашенными товарищами, и государь охотно с ними возился и играл» [Шереметев. С. 335]. Николай II умел кататься на коньках, но большим любителем этой забавы не был. Как мужчина он предпочитал хоккей. Играли без коньков, в сапогах, гнутыми клюшками гоняли резиновый мячик.

Кроме ровесников-аристократов, на каток охотно приезжали родственники, например, великий князь Сергей Александрович со своей супругой (которую цесаревич называл «тетей Эллой»), великой княгиней Елизаветой Федоровной. Семья жила во дворце, сегодня называемый дворцом Белосельско-Белозерских. «На каток приехала тетя Элла» (7 января 1888 г.); «На катке сегодня были д. Сергей и т. Элла. Играли тяжелыми мячами» (8 января); «На катке потеряли мячик. Съезжали с гор с т. Эллой» (25 января); «Играли на катке; гуляли вокруг сада с д. Сергеем и т. Эллой» (30 января) [Великая княгиня...].

Даже после того, как Николай Александрович стал императором, он несколько лет все же находил возможность поиграть в хоккей с мячом. В первую «императорскую» зиму 1894–95 гг., «когда на 26-летнего царя свалилось множество дел, которыми он не занимался раньше, времени на каток уже не находилось. Да и молодая жена, требова-

ла внимания. Тем не менее, он трижды (13 и 20 января и 8 февраля 1895 г.) за зиму сумел покататься на коньках на катке Аничкова дворца. Тогда Николай II был буквально изумлен, когда убедился, что его любимая Аликс тоже умеет кататься на коньках. Тем более, что 23-летняя жена постоянно жаловалась на боль в ногах. Царь записал: «Катались на коньках, Аликс очень порядочно бегать на оных». Правда после этих опытов Александра Федоровна уже больше никогда не становилась на коньки» [Зимин. Аничков дворец... С. 498]

В январе 1896 г. молодая семья начала обживать свою новую «квартиру» в Зимнем дворце. Но Николай, «как любящий сын, ежедневно с женой ездил к чаю в Аничков дворец к матери, где находил возможность пару часов побегать на катке с друзьями. Так, 4 января 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Поехали к завтраку в Аничков. Гуляли в саду и играли по-прежнему на катке; Ксения и Сандро катались на коньках». В эту зиму на катке Николай II бывал часто. За январь 1896 г. он посетил каток 13 раз. Пропускал свои забавы только уж по случаю совсем плохой погоды — «снег с дождем». Да и в плохую погоду играл охотно — «На катке была метель, так что едва можно было видеть мячи»; «Дул сильный ветер, мешавший полету мячиков»; «Был очень густой туман, так что на катке трудно было играть, потому что мячей не было видно»» [Зимин. Аничков дворец... С. 499].

Однако жизнь брала свое. Император взрослел, семья быстро росла. Нарастали политические проблемы. К началу 1900-х годов зимние катки отошли в область преданий.

Продолжали проводиться в Аничковом дворце детские балы, которые с конца 1880-х годов начали дополняться детскими костюмированными балами. Например, А.А. Половцев записал 18 января 1887 г., что бал был «для детей с примесью взрослых. Государь, который особенно любит детей, веселился больше, чем на каком бы то ни было бале» [Дневник... С. 12].

Эта практика воспроизводилась и в последующие годы. Цесаревич Николай записал в дневнике 25 января 1890 г.: «В 9 час. начался детский бал здесь наверху, как в 1887 г. От души веселился!» Затем последовал взрослый бал: «Был Картофель на катке. После закуски в 10 час. начался Аничковский бал, окончившийся около половины 4» (1 февраля 1890 г.). Затем вновь детский — костюмированный — бал: «В 1 1/2 начался здесь детский бал. Были маски в домино» (11 февраля 1890 г.).

Отмечались семейные дни рождения. По мере того, как Аничков дворец наполнялся детьми, количество праздников в семье цесаревича увеличивалось. 24 января 1881 г. в резиденции отмечались именины 5-летней Ксении Александровны. 26 февраля 1881 г., буквально за несколько дней до гибели Александра II, 12-летний Николай подарил отцу в день его рождения свой рисунок А 1 марта 1881 г. Николай, которого отец возьмет с собой в Зимний дворец, увидит там умирающего, залитого кровью деда.

О высшем образовании цесаревича Николая мы можем судить по нескольким вариантам расписаний занятий, дошедшим до нас: «По расписанию на январь 1887 г. занятия 19-летнего цесаревича начинались уже в 8 часов 15 мин. и заканчивались в 18.30 вечера. Занятия длились по 60 мин. без перерыва. Сетка часов менялась по дням недели.

В понедельник у цесаревича было четыре утренние «часовые пары» (с 8.15 до 13 часов), с 15 минутными перерывами: фортификация, история, артиллерия, верховая езда. После часового перерыва на обед, с 14 часов начиналось «приготовление к тактике» и заканчивался день часовым уроком рисования. Всего 5 учебных часов и 1 час подготовки к занятиям.

Во вторник с утра было две часовые «пары» по истории русской словесности и немецкий язык, затем следовало двухчасовое занятие по тактике. После обеда два часа отводилось на «приготовление по истории» и «по артиллерии». Всего 4 учебных часа и 2 часа на подготовку уроков на следующий день.

В среду с утра читалась двухчасовая лекция по истории и по часовой лекции по артиллерии и политической экономии. После обеда час отводился на приготовление «по военной истории» и завершался день уроком французского языка. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку уроков.

В четверг с утра шла часовая лекция по фортификации и двухчасовая лекция по военной истории. Перед обедом час отводился на верховую езду. После обеда час отводился на подготовку к лекции «по законоведению» и заканчивался день французским языком. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку занятий.

В пятницу учебный первый час отводился на «приготовление по политэкономии», затем двухчасовую лекцию по законоведению читал К.П. Победоносцев, затем следовала часовая лекция по политэкономии, которую читал проф. Н.Х. Бунге. После обеда следовал немецкий язык и завершался день подготовкой к лекции по истории русской словесности. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку.

В субботу с утра проводилось четыре часовых занятия по Закону Божию, истории русской словесности, тактике и фехтованию. После обеда следовал урок английского языка и завершался день «приготовлением по фортификации». Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку.

Кроме этого, были предусмотрены и вечерние занятия музыкой, которые во вторник и субботу продолжались с 18.30 до 19.30, а в среду с 18.30 до 20.00. По пятницам цесаревич с 18.30 до 19.30 занимался танцами. Это прибавляло еще 4,5 часа занятий» [Зимин. Повседневная... С. 153–154].

Таким образом, недельная учебная программа цесаревича включала 29 основных учебных часов, 7 часов на подготовку уроков и 4,5 часа вечерних занятий — всего 40,5 часов.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые особые моменты. Будущему императору давали широкое образование управленца высшего звена. Такова была его «профессия». Поэтому в сетке учебных часов мы видим политэкономия и законоведение. Профессор Николай Христианович Бунге еще в начале 1860-х годов читал лекции по политэкономии и статистике цесаревичу Николаю Александровичу (старшему сыну Александра II), а затем его брату и преемнику, будущему Александру III, который в 1881 г., став императором, назначил Бунге на пост министра финансов (1881–1886 гг.). Константин Петрович Победоносцев, преподававший наследнику законоведение, ранее, в 1870-х годах, читал эту дисциплину отцу Николая II.

Выдающихся государственных деятелей приглашали для «университетских чтений» и к младшим детям Александра III. Так, крупнейший реформатор начала XX в. С.Ю. Витте преподавал (с 1900 по 1902 г.) младшему брату Николая II, великому князю Михаилу Александровичу «народное и государственное хозяйство» (другими словами — политическую экономию и финансы). Как вспоминал С.Ю. Витте, «великий князь очень охотно со мною занимался, и мне часто после лекции, во время антракта от одной лекции до другой, приходилось с ним разговаривать, иногда завтракать, а иногда и ездить на автомобиле по парку» [Витте. С. 260].

Примечательно, что в «расписании цесаревича на курс Российской истории было выделено 4 часа в неделю. Читал историю России будущему императору проф. Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский, специализировавшийся на периоде XVI–XVII веков. Впоследствии Николай II не раз удивлял своих собеседников знанием деталей российской истории. Когда Николай II принимал в Александровском дворце одного из лидеров думской фракции “кадетов” Ф.А. Головина, он искренне удивил либерала, спросив: “не мой ли предок один из сподвижников Петра Великого, Федор Головин”. Далее он заметил, что первый договор русских с Китаем был заключен Головиным, и спросил, как звали того Головина» [Головин. С. 82].

Следует отметить еще одну особенность процесса обучения наследника престола. Его преподаватели весьма слабо представляли себе, насколько прочно их ученик усваивает лекционный материал. Дело в том, что на стадии «высшего образования» лекторы не имели права спрашивать что-либо у своих учеников с целью контроля усвоения знаний. А Николай II был довольно обычным молодым человеком с неплохими данными, но и в меру ленивым, которого подчас вгоняли в сон лекции преподавателей.

В расписании цесаревича значились четыре военные дисциплины: фортификация, артиллерия, тактика и военная история. Российские императоры в пределах империи носили только офицерскую форму и числились по военному ведомству. Самое главное, они внутренне идентифицировали себя с российским офицерством, поскольку за годы своей учебы проходили основательную военную школу.

В филологический блок расписания цесаревича входили немецкий (2 часа), английский (1 час), французский (2 часа) языки и история русской словесности (3 часа). На

английский язык был выделен только один час, потому что цесаревич с детства прекрасно говорил по-английски. Блок «общего развития» включал занятия рисованием, верховой ездой, музыкой и фехтованием.

В июле 1889 г. последовало распоряжение Александра III о прекращении занятий по всем учебным предметам, кроме военной истории, которую читал генерал от инфантерии, профессор военного искусства Г.А. Леер. К 1890 г. 22-летний цесаревич Николай Александрович завершил курс образования, начавшийся в Аничковом дворце 1 декабря 1876 г. и продолжавшийся 13 лет. Замечу, что после воцарения Николая II в начале 1895 г. все его учителя были собраны и обласканы в Зимнем дворце, получив ордена и пенсии.

В начале 1890-х годов Александр III начал приобщать сына к государственным делам, поставив его курировать строительство стратегической Транссибирской магистрали. Эта работа продолжалась и в 1894 г.: «Вернулся в Аничков в 12 1/2 и принял двух путейцев — начальников Западно и Средне-Сибирских железнодорожных участков» (8 января).

Таким образом, мы можем констатировать, что Николай II получил добротное и достаточно гармоничное образование, включавшее не только основы юридического, экономического и гуманитарного образования, но и основательное знание военного дела. О его общей эрудиции единодушно пишут мемуаристы, хорошо знавшие его «по работе».

Литература

- Александр III в Гатчине. СПб. 2001.
- Бабель И.Э. Дорога // Избранное. М. 1989. 228–230.
- Бенуа А.Н. Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. 2001.
- Богданович А.В. Три последних самодержца. М. 1990.
- Боханов А.Н., Кудрина Ю.В. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М. 2001.
- Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы. СПб. 2009.
- Витте С.Ю. Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб. 1994.
- Воррес Й. Последняя великая княгиня. М. 1998. — URL: coollib.com/b/22550-yen-vorres-poslednyaya-velikaya-knyaginya/read (дата обращения: 10.01.2024).
- Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб. 2001.
- Головин Ф.А. Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб. 1994.
- Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк. Т. 2. 1984.
- Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. М. 1966.
- Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М. 1996.
- Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М. 2010.

- Зимин И.В.* Аничков дворец. Резиденция наследников престола. Вторая половина XVIII — начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М. 2019.
- Извольский А.П.* Воспоминания. М. 1989.
- Кудрина Ю.* Мария Федоровна. М. 2009. — URL: litlife.club/books/185699 (дата обращения: 10.01.2024).
- О назначении вдовы капитана А.П. Оллонгрена, для занятий с Августейшими детьми Их Высочеств, и о производстве ей содержания. 1876–81 // РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- О назначении к великому князю Николаю Александровичу воспитателя и преподавателей, и об учебных пособиях. 1877–1895 // РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 23.
- Письма великого князя Николая Александровича к Александру III // ГАРФ. Ф.677.Оп.1. Д.919.Л.45.
- Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. Т. IX. М. 1999. С. 214.
- Половцов А.А.* Дневник Государственного секретаря. Т. I. 1883–1886. М. 2005.
- Последний самодержец Голос минувшего. 1917. № 4. С. 41.
- Распоряжения в Высочайшие дни и по случаю Высочайшего пребывания в Аничковом Дворце. 1892 // РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- Романова М.* Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890–1918. М. 2006.
- Сургучев И.* Детство Николая II. М. 1998. — URL: rulit.me/books/detstvo-imperatora-nikolaya-ii-read-784790-1.html?ysclid=lr9n91ab3d859792224 (дата обращения: 10.01.2024).
- Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. 2001.

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-109-115
УДК 94(47)

ЕЛЕНА МИРОНОВА

Проблемы народного образования в письмах А.Н. Боратынского к А.К. Рачинскому

Аннотация. В статье впервые представлен источниковедческий анализ писем видного государственного, земского и общественного деятеля конца XIX — начала XX в. А.Н. Боратынского, представителя казанской ветви дворянского рода Боратынских, к его троюродному брату, члену Государственного совета, а затем товарищу министра народного просвещения А.К. Рачинскому. Рассматриваемые письма, хранящиеся в РГАЛИ, носят частный характер, но затрагивают прежде всего общественные вопросы. Их анализ дает представление о темах, которые волновали двух крупных российских специалистов в области народного просвещения в предреволюционные годы. Сделаны выводы о характере отношения Боратынского к поднимаемым проблемам образования, в частности развития учебных заведений для представителей нерусских народов Российской империи. Обозначена перспективность дальнейшего исследования семейной корреспонденции Боратынских и эпистолярного наследия отечественной элиты в целом.

Ключевые слова: А.Н. Боратынский, А.К. Рачинский, Казанская губерния, переписка, эпистолярное наследие, история народного просвещения, школьное образование, национальные учебные заведения.

В современном мире образование является одной из наиболее важных сфер общества. Появление новых профессий, увеличение массива потребляемой информации требуют умения работать с этой информацией и получать необходимые знания. От недостаточного уровня образованности граждан страдают все области общественной жизни, а государства, уделяющие недостаточно внимания сфере образования, становятся неконкурентоспособными.

В первую очередь развитие образования определяется государственной политикой, но не стоит забывать, что ее реализация зависит от людей — начиная с министра и заканчивая учителем. Степень искренности их намерений приносить пользу отечеству и понимания этой пользы может нейтрализовать действие неудачного законодательного акта (хотя бы в пределах одной школы) или, наоборот, исказить в худшую сторону самые благие начинания законодателя.

Сведения об авторе: МИРОНОВА Елена Валерьевна — старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань), кандидат исторических наук, yelena.mironova@yandex.ru.

Все это относится не только к дню нынешнему, но и к дореволюционной России. В условиях, когда огромные массы крестьянства оставались малограмотными, как это было еще в начале XX в., вопрос просвещения стоял очень остро. Наиболее достойные члены дворянского сословия, представители которого по большей части занимали высокие посты в государстве и формировали его политику, понимали важность народного образования для развития страны. К ним можно отнести и таких государственных и общественных деятелей, как Александр Николаевич Боратынский, предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов (1900–1917), гласный Казанского губернского земского собрания, депутат III Государственной думы (1908–1912), и его троюродный брат Александр Константинович Рачинский, входивший в 1912–1915 гг. в состав Государственного совета, где он занимался преимущественно законопроектами в области образования, а затем около двух лет служивший товарищем министра народного просвещения.

Казанская ветвь рода Боратынских, потомков знаменитого поэта Евгения Боратынского (Баратынского)¹, всегда отличалась тягой к образовательной деятельности. Сестра Александра Николаевича Ксения организовала школу для крестьянских детей и сама же в ней преподавала. Александр, будучи земским деятелем, пристальное внимание уделял сельским школам и педагогическому составу, а также вопросам образования нерусского населения губернии. Рачинские также показали себя радетелями за дело народного просвещения.

В последние десятилетия эпистолярное наследие казанского дворянства является предметом устойчивого интереса исследователей. В фокусе внимания оказались письма интеллектуальной, творческой и политической элиты, раскрывающие новые факты в биографиях, показывающие характер взаимоотношений в дворянско-интеллигентской среде [Валеева; Ратников, Ратникова. С. 170–181; Скворцова. С. 184–187].

Среди эго-документов дворян Казанской губернии письменное наследие Боратынских занимает особое место. Изучение и научная публикация их семейной корреспонденции [Баратынский. С. 126–324], дневников и воспоминаний [Боратынская. С. 15–480] является перспективной источниковедческой темой, так как помогает представить мировосприятие не только отдельно взятых представителей этого знатного рода, но и всего провинциального дворянства. Боратынские вели активную переписку с родными и близкими, проживавшими в разных уголках Российской империи. Среди адресатов стоит выделить знаменитого педагога С.А. Рачинского, в письмах к которому преобладали вопросы делового характера, связанные с постановкой школьного дела в сельской местности, и его племянника А.К. Рачинского.

¹ Изначально родовая фамилия писалась через «о» — от названия замка «Боратын» («Божья оборона») в Галиции, принадлежавшего предку Боратынских. После того, как один из представителей рода перешёл в русское подданство, в документах (в том числе родословных книгах) стало появляться написание фамилии через букву «а». Прижизненные издания стихов подписывались то Боратынский, то Баратынский. В последнем сборнике — книге стихов «Сумерки» (1842) — поэт подписался: Боратынский [Климкова].

Три письма А.Н. Боратынского к А.К. Рачинскому, охватывающие период не позднее 1913 г. и до 1917 г. включительно, представлены в фонде Российского государственного архива литературы и искусства¹. (Но как следует из их содержания, переписка троюродных братьев была более интенсивной, и в фондах других учреждений могли, вероятно, сохраниться остальные письма, поиск которых еще предстоит.) Эти документы ранее не становились предметом исследования и вводятся в научный оборот впервые.

Изучение данных писем позволяет познакомиться с темами, которые волновали двух крупных специалистов в области народного просвещения в начале XX столетия, составить представление о мировоззрении А.Н. Боратынского, о его отношении к своему родственнику, занимавшему высокий государственный пост.

А.К. Рачинский родился в богатой семье дворян Смоленской губернии. Его отец — младший брат знаменитого просветителя С.А. Рачинского — был директором Московского сельскохозяйственного института, а бабушка приходилась сестрой поэту Е.А. Боратынскому. Александр Константинович получил образование в 5-й московской классической гимназии, затем окончил юридический факультет Московского университета. Владения А.К. Рачинского были сосредоточены в трех губерниях — Смоленской, Тамбовской и Черниговской — и насчитывали свыше 7000 десятин земли, в связи с чем он участвовал в дворянском самоуправлении, с 1911 г. дважды избирался на должность черниговского губернского предводителя дворянства. В 1915 г. А.К. Рачинский оставил общественную службу, поскольку был назначен на должность товарища министра народного просвещения. Именно это назначение сблизило его с казанским родственником — А.Н. Боратынским, с 1902 г. находившимся на земской службе и активно занимавшимся вопросами образования.

Казанское уездное земство последовательно улучшало школьную систему образования с самого своего создания в 1860-е годы. Этим занимался еще отец А.Н. Боратынского, будучи дворянским предводителем.

Александр Николаевич, в свою очередь, пробыл на посту уездного предводителя дворянства вплоть до 1917 г. К нему обращались за помощью как дворяне, так и люди из низших сословий, ежедневно он принимал просителей. Так, в 1911 г., используя свой авторитет, Боратынский принял участие в защите нескольких учительниц Казанской губернии, уволенных за проявленную «политическую неблагонадежность» [см.: Письмо Боратынского...]. Личный разговор с казанским губернатором М.В. Стрижевским помог восстановить учительниц в правах.

Кроме того, А.Н. Боратынский, будучи депутатом Думы в 1908–1912 гг., входил в комиссию по народному образованию, где пытался протолкнуть свои предложения. Одним из них, к примеру, было предложение подчинить церковно-приходские школы училищным советам.

1 Кроме того, в семейном архиве РГАЛИ представлены 28 дел с письмами и телеграммами от других адресантов, 3 — от самого А.К. Рачинского и 10 — с другими документами.

В разные годы Боратынский являлся членом педагогического и попечительского советов Казанской Мариинской 1-й женской гимназии (а также председателем последнего), членом попечительского совета Казанской женской 3-й («Котовской») гимназии, училищного совета Учительской семинарии.

Деятельность на ниве просвещения послужила поводом для коммуникации А.К. Рачинского и А.Н. Боратынского и обусловила характер их переписки, выдвинув на первый план обсуждение проблем народного образования.

Среди сюжетов, освещаемых в корреспонденциях, — слухи о возвращении иконы Казанской Божьей Матери (данная тема помогает датировать письмо), создание порайонных педагогических совещаний учителей начальных школ, личностная характеристика педагогического деятеля, представителя казанской миссионерской школы Я.Д. Коблова, обсуждение вопроса о языке преподавания в школах для «инородцев» (как с 1822 г. официально именовались в Российской империи определенные коренные народы Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии), а также отставка Рачинского с должности товарища министра.

Самое раннее из трех писем, адресованных А.К. Рачинскому, было направлено в период его депутатства в Государственном совете. В письме А.Н. Боратынский рисует портрет профессора Якова Дмитриевича Коблова, хорошо известного А.К. Рачинскому. С 1908 г. Я.Д. Коблов служил чиновником по ведомству народного просвещения: инспектором народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии (1908–1910), инспектором народных училищ Казанского уезда Казанской губернии (1910–1914), окружным инспектором Киевского учебного округа (1914–1917). В 1917 г. Коблов вернулся в Казань, где он в молодости получил высшее образование. Боратынский, имевший возможность познакомиться с ним в период службы Коблова в Казани, дает довольно детальную характеристику его личности: «Дорогой Александр Константинович. Вчера на курсах учителей видел инспекторов народных училищ и вспомнил, что Вы спрашивали мое мнение о Коблове. Весьма трудно охарактеризовать этого человека; у него есть крупные достоинства¹ и крупные недостатки. Он умный и даже довольно яркий человек, но грубоватый по воспитанию, не строгий в своих отношениях к женщинам, не смелый в своих суждениях при столкновении их с мнениями начальства, но не раболепный и не беспринципный. Ум у него философствующего склада², он не равнодушен к добру и правде, я наблюдал в нем иногда недовольство самим собой, настроение, свойственное людям небезнадежным, с моей точки зрения. Он занимался инородцами и знает немного татарский язык. Впрочем, это «немного» больше, чем сведения других, все же свободно владеть языком, по-моему, он не может»³.

1 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 7.

2 Там же. Л. 7 об.

3 Там же. Л. 8 об.

Далее Боратынский переходит к теме о языке преподавания в конфессиональном учебном заведении: «Обдумывая вопрос о школе... я вижу, что самое большое затруднение мы встретим в преподавателях и в невозможности передавать некоторые предметы на инородческих языках. Однако я говорю это не для того, чтобы сложить оружие. Обработать это дело в короткое время нельзя. Несомненно, я не буду говорить «крупным татарам» о том, что министерство задумало такую школу, да я не намерен вообще об этом рассказывать, пока все это дело еще в зерне»¹.

По всей видимости, речь шла о подготовке новых «Правил о начальных училищах для инородцев», впоследствии принятых в июне 1913 г., которыми упразднилось требование к учителям владеть местным языком [Городенко. С. 65]. В целом дворяне Казанской губернии признавали необходимость реформирования национальных учебных заведений, но единства в представлениях о том, каким способом осуществлять реформу, не было. А.Н. Боратынский, в частности, выступал против непродуманных высказываний и действий в отношении нерусских народов, советовал не обострять ситуацию, так как «подозрительное отношение к распространению в татарской среде русского образования провоцировало создание собственных учебных заведений с преподаванием на родном языке» [Журналы Казанского... С. 25–26]. На заседаниях земского и дворянского собраний Боратынский высказывался за то, чтобы в так называемых инородческих училищах учителя были обязательно русскими, но владевшими местными языками. Эти же идеи он продвигал в Государственной думе.

Именно рассуждения А.Н. Боратынского относительно некоторых положений законопроекта «об инородческой школе» дает нам основание утверждать, что данное письмо было написано не позднее июня 1913 г., когда были приняты новые «Правила».

Следующее письмо предположительно относится к 1915 г., так как в нем говорится об инсценировке возвращения иконы, утраченной в 1904 г. и якобы объявившейся в Курской губернии: «...теперь творится нечто невероятное. Здесь ходит слух, что в Курске хотят открыть пропавшую (украденную) десять лет тому назад икону Казанской Божьей Матери...»². Но ключевой темой данного письма является создание порайонных педагогических совещаний учителей церковно-приходских училищ: «В последнем Губернском Земском Собрании у нас постановлено предпринять объединение порайонных педагогических совещаний учителей начальных школ. Для этого выбрано особое лицо (Князь Кропоткин³), которое начнет с объединения инспекторов народных училищ в понимании задач просвещения в направлении нашего с Вами понимания. Собрание просило меня также принять участие в этом деле. Конечно, никакого вторжения во власть Вашего ведомства⁴ тут не будет и мы все вполне полагаемся на такт Князя Кропоткина»⁵.

1 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 8 об.

2 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 2.

3 Князь А.А. Кропоткин — гражданский и ядринский уездный предводитель в 1914–1917 гг.

4 В связи с назначением в апреле 1915 г. А.К. Рачинского товарищем министра народного просвещения.

5 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л.6.

Порайонные педагогические совещания создавались повсеместно с 1914 г. и имели целью решение различных теоретических и практических вопросов — от методики преподавания и ведения делопроизводственной документации до воспитательной работы с учениками, пропускавшими занятия [Ефремова. С. 47].

Письмо, датированное 3 января 1917 г., посвящено отставке А.К. Рачинского. «Дорогой Александр Константинович. Что же это, все пропало, или можно надеяться, что потеря, дорогого нам, Вашего министерства временная?.. Мы все, наша гимназия, народные учителя так огорчены Вашим уходом..., что я едва ли сумею это Вам выразить и даже не чувствую настроения, чтобы сейчас много говорить об этом... Воспользуйтесь свободой, чтобы немного отдохнуть»¹.

Товарищем министра народного просвещения А.К. Рачинский прослужил до начала 1917 г. Обстоятельства его увольнения нам неизвестны. Впоследствии он находился главным образом на общественной службе — в качестве члена Поместного собора Православной церкви. Очевидно, что Боратынский сочувствовал троюродному брату, считая его достойным занимать и впредь потерянный министерский пост. Еще в бытность Рачинского товарищем министра Боратынский писал: «Неужели не настанет то время, когда свежие и духовно светлые люди и в других ведомствах займут места у власти»².

Манера общения А.Н. Боратынского с А.К. Рачинским («примите... мой сердечный горячий привет», «От души обнимаю Вас», «Преданный Вам Боратынский», «Сердечно предан Боратынский», «Примите мой душевный поклон... буду сердечно рад свиданию с Вами» и т.п.³) свидетельствует о теплом отношении к Рачинскому и глубоком уважении к нему и его семье, хотя Боратынский и поднимал в письмах деловые вопросы, обращая внимание высокопоставленного столичного чиновника на проблемы народного образования в провинции.

В каждом письме чувствуется и душевное состояние Боратынского, его удовлетворение от общения с Рачинским «в такое время, когда настроение, вероятно, всякого русского человека утомлено»⁴. Боратынский видел в Рачинском человека, родственного не только по крови, но и по интересам. Это представлялось особо значимым на фоне раскола в российском обществе, обнажившегося в Первую мировую войну.

Исследованные письма носят частный характер, но затрагивают прежде всего общественные вопросы. А.Н. Боратынский делится своими планами, тем самым подчеркивая доверительное отношение к адресату, и показывает, что они совпадают с идеями А.К. Рачинского. Проявляя щепетильность («никакого вторжения во власть Вашего ведомства тут не будет»), Боратынский, судя по письмам, не стремился извлечь личную

1 Там же. Л. 1.

2 Там же. Л. 3 об.

3 Там же. Л. 2, 6, 9 об.

4 Там же. Л. 5.

пользу из своих родственных уз и контактов с Рачинским, а скорее советовался с ним как по важным для него вопросам в сфере образования, так и по духовно-нравственным проблемам (о мнимой находке Казанской иконы Божьей Матери).

Единой сюжетной линии в трех проанализированных письмах нет, но их объединяет одна главная тема народного просвещения, ставшего делом жизни обоих коммуникантов. Исследование переписки этих двух выдающихся людей еще предстоит расширить. Представляют интерес ответные письма А.К. Рачинского, а также их коммуникация с А.Н. Боратынским в другие периоды времени.

Литература

- Баратынский Е.А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М. 1987.
- Баратынская К.Н.* Мои воспоминания. М. 2007.
- Валеева Н.Г.* Портреты современников в эпистолярном наследии Д.А. Корсакова и Н.А. Попова // В мире научных открытий. 2014. №11–13 (59). С. 5207–5212.
- Городенко Д.В.* Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Гуманизация образования. 2009. С. 62–67.
- Ефремова У.П.* Повышение образовательного уровня педагогов церковно-приходских школ Урала в конце XIX — начале XX в. // Педагогическое образование в России. 2014. №11. С. 43–49.
- Журналы Казанского очередного собрания дворянства в сессию 1911 г. Казань. 1913.
- Климкова М.* Боратынские: возвращение родового предания // А. М. П. Памяти А. М. Пескова. М. 2013. С. 330–343.
- Письмо Боратынского А.Н. Ильиной О.А., Боратынской Е.Н., 26 февраля 1911 г. // Отдел Национального музея Республики Татарстан. Инв. № 32827/750.
- Ратников А.Н., Ратникова О.Е.* Г.Р. Державин и современники: из переписки Г.Р. Державина и А.П. Брежинского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. №2. С. 170–181.
- Скворцова Е.В.* Александр Николаевич Боратынский. Письма из Думы // Казанский посад в прошлом и настоящем. Сборник статей. Казань. 2002.

Authors

Alexey KHITROV — Head of the History Department, Kalinigrad State Technical University; Associate Professor; Doctor of Historical Sciences; aleksey.hitrov@klgtu.ru.

Anton KRUTIKOV — Independent Historian and Political Analyst; bialyorzel1000@gmail.com.

Timur MAGSUMOV — associate professor, Department of Pedagogy named after Z.T. Sharafutdinov, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University; Doctor of Historical Sciences.

Elena MIRONOVA — Senior Researcher, Department of New History, Sh. Marjani Institute of History (Kazan); Ph.D. in History; yelena.mironova@yandex.ru.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Chief Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Igor ZIMIN — Professor, Head of the Department of History of the Fatherland, First Pavlov State Medical University of St. Petersburg; Doctor of History; 30maler@mail.ru.

Abstracts and Keywords

Alexey KHITROV

THE PEDAGOGICAL PROJECT OF CATHERINE II: ENLIGHTENMENT IDEAS AND RUSSIAN REALITIES (1760–1780S)

Abstract. *The author considers the contribution of Catherine II to the formation of the Russian educational system. The article focuses on the history of the development and implementation of a reform project aimed at creating a state system of secular education in Russia, which included not only knowledge training, but also upbringing and personality formation. This project determined the social functions of education and laid the foundations, on which the Russian national pedagogical school was later formed. Analyzing the intentions expressed in the set of legal provisions of the second half of the 18th century, the author concludes that education in Russia was regarded and conceived already at that time not as a simple building of certain “skills”, but as a devotion, a mission to “educate the soul”.*

Keywords: *Russian education, upbringing, enlightenment, pedagogy, Catherine the Great, Ivan Betskoy, Fedor (Teodor) Yankovich de Mirievo.*

Anton KRUTIKOV

THE FIRST WORLD WAR AND HISTORICAL MEMORY IN THE UK

Abstract. *The author examines the formation of collective memory of the First World War in Britain and its contemporary projections in the socio-political life of the United Kingdom. As a result of the unprecedented collective trauma of 1914–1918, new “sites of memory” and practices of commemoration emerged. The military trials of the First World War gave rise to a new unifying sense of Britishness, which later became an important part of British identity. Yet, modern developments and recent challenges have contributed to the clash of different models of collective memory, underlying deep value and cultural contradictions.*

Keywords: *Great Britain, World War I, collective memory, historical memory, national identity, patriotism, anti-war narratives, World War I centenary.*

Timur MAGSUMOV**IDEAS AND PROJECTS OF K.D. USHINSKY ON MODERNIZATION OF DOMESTIC VOCATIONAL EDUCATION (1860S)**

Abstract *On the basis of scientific, pedagogical and journalistic texts by K.D. Ushinsky in the 1860s — the heyday of his activities and the time of Great reforms in the Russian Empire — the ideas and proposals of the outstanding teacher on reforming technical education in Russia are revealed and examined. Ushinsky was an eminent supporter of the national modernization model for the domestic educational system. Having formulated the principle of national education, he considered it the most important factor in the transformation of the country and its independent development. K.D. Ushinsky was pioneer in designing a reform plan for the vocational education based on public initiative in the creation and financing of vocational schools, and on preliminary general education of students with knowledge in natural science and their labor training.*

Keywords: *history of education, K.D. Ushinsky, Russian Empire, modernisation of education, vocational schools, vocational education, technical education.*

Elena MIRONOVA**PUBLIC EDUCATION ISSUES IN A.N. BORATYNSKY'S LETTERS TO A.K. RACHINSKY**

Abstract. *The article presents the first source study analysis of several letters by A.N. Boratynsky, a prominent Russian state, zemstvo and public figure of the late 19th - early 20th century, a representative of the Kazan branch of the noble Boratynsky family. These correspondence from the Russian State Archive of Literature and Art were addressed to his second cousin A.K. Rachinsky, a member of the State Council and later Deputy Minister of Public Education. The letters, although of private nature, primarily affect public issues. Their analysis gives an idea of the topics that were subject of concern for two major Russian specialists in the field of public education in the pre-revolutionary Russian Empire and helps to conclude about Boratynsky's attitude to raised problems of education, in particular these of schools for non-Russian children. The author considers definitely useful further research on the Boratynsky family correspondence as well as on the epistolary heritage of the Russian elite as a whole for better understanding of the epoch.*

Keywords: *A.N. Boratynsky, A.K. Rachinsky, Kazan Province, correspondence, epistolary heritage, history of public education, school education, national educational institutions.*

Vladimir VASILIEV**FROM CLIOMETRICS TO GENDER REVOLUTION: THE 2023 NOBEL PRIZE IN ECONOMIC SCIENCES AS A MOMENT OF TRUTH**

Abstract. *The article starts with an overview of the academic biography, scientific works and merits of Harvard University Professor Claudia Goldin, who was awarded the 2023 Nobel Prize in economic sciences for her studies on gender differences in the American labor market. The complex background of this decision by the Nobel Committee is discussed, including its ideological aspects. Considerable attention is paid to the “revolution” in economic history, associated with the name of K. Goldin’s teacher, Robert Fogel, who was a founder of cliometrics, a co-recipient of the 1993 Nobel Prize in Economic Sciences and co-author of the scandalous theory of effective slavery in the U.S. South in 1820–1860.*

Keywords: *K. Goldin, R. Vogel, Nobel Prize in Economic Sciences, gender differences in the labor market, economic history, United States, cliometrics, theory of “effective slavery”.*

Petr YAKOVLEV**POLYCRISIS IN THE GLOBAL ECONOMY: IMPLICATIONS FOR WESTERN AND NON-WESTERN COUNTRIES**

Abstract. *Studying the functioning of the global economy in the current period of multiple crisis helps to identify more precisely the vectors of development both of the collective West and the Global South, as well as to assess the prospects for Russia’s economic transformation, in terms of opportunities and obstacles. As any crisis, the polycrisis has divided the countries of the world into winners and losers. Among the beneficiaries have been the leading developing countries, which are rapidly increasing their economic power and strengthening their own positions in key international markets. Under these circumstances, Russia has more opportunities to overcome trade, economic and financial difficulties resulting from the polycrisis and aggravated by the Western sanctions policy. Nevertheless, the changing geo-economic landscape presents new challenges that require getting out from the inertia of peripheral development.*

Keywords: *world economy and trade, polycrisis, West, Global South, Russia, commodity markets, Turn to the East.*

Igor ZIMIN**THE SCHOOL YEARS OF NICHOLAS II**

Abstract. *The article is devoted to the program and major features of education and upbringing of the Emperor Alexander III's children, first of all of his eldest son, the future Tsar Nicholas II. The complete educational process with its successive stages — primary, high school and university education of the Tsesarevich is reconstructed on the basis of memoir and archival sources. The research reveals data on the professorial team, the subjects studied, the staff who held regular positions of teachers and tutors, on the principles and character of upbringing and education of the last Russian emperor.*

Keywords: *Nicholas II (Nicholai II), Tsesarevich, Anichkov Palace, pedagogues, upbringing, gymnasium high school education, university education, curriculum.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2024

№1 (36)

E-journal «Perspectives and prospects»

2024

№1 (36)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*

Дизайн-макет *Ирина Гортинская*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя:

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7 (495) 626-30-26